

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/98

ISSN 0131 — 2812

Режимы прозрачности
и мер доверия в АТР

50-летие корейских государств

Причины и уроки азиатского
финансового кризиса

Образ Китая
в дореволюционной России

Юбилей академика
С.Л.Тихвинского

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/98

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- В.Петровский.* Режимы транспарентности и мер доверия в АТР..... 5
Ю.Ванин. КНДР на "форсированном марше"20
Г.Яскина. Российско-монгольские отношения: реальность и
перспективы32
А.Сенаторов, И.Цветова. Пять лет политической перегруппи-
ровки в Японии. Многопартийность или двухпартийная система?.....40

ЭКОНОМИКА

- А.Портяков.* Некоторые практические аспекты развития рыно-
чной экономики в КНР..... 51
Чжао Хун. Формирование вокруг Китая экономического супер-
региона..... 61
М.Потапов. К вопросу о причинах и уроках азиатского финан-
сового кризиса 71
Л.Кондрашова. Госсектор КНР: приватизация или модерниза-
ция? (окончание)..... 79
О.Иванов. Государственное регулирование внешнеэкономичес-
ких связей Японии87

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- А.Бурый.* Межрегиональная ассоциация "Дальний Восток и За-
байкалье" и интеграция российского Дальнего Востока в АТР98

1-й 213

ИСТОРИЯ

<i>Л.Березный.</i> Китай на рубеже тысячелетий: кризис национальной идентичности?	105
<i>В.Усов.</i> Маршал Пэн Дэхуай. Страницы жизни (К 100-летию со дня рождения).....	119
<i>Пэ Ын Кён.</i> Демографическая характеристика советских корейцев Дальнего Востока в 1920-1940 гг.....	126

КУЛЬТУРА

<i>А.Лужин.</i> Образ Китая в России (до 1917 г.).....	131
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дальний Восток России - Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества	144
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>С.Емельянова.</i> Ху Аньган. Следующий шаг Китая	146
<i>К.Асмолов.</i> Пак Б.Д., Пак Тхэ Гын. Первомайское движение 1919 года в Корее глазами российского дипломата	150

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

<i>М.Титаренко.</i> Академику С.Л.Тихвинскому - 80 лет.....	155
---	-----

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов В.В. Малявин, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Статьи этого номера

В.Петровский. Режимы транспарентности и мер доверия в АТР

В статье анализируется функционирование многосторонних механизмов безопасности в АТР и реализация комплекса мер транспарентности и военного доверия. Особый упор автор делает на мерах транспарентности, нацеленных на минимизацию угроз безопасности.

Ю.Валин. КНДР на "форсированном марше"

Статья посвящена 50-летию образования КНДР. В ней исторически объективно показаны факторы, приведшие к расколу единой Кореи. Автор беспристрастно освещает успехи и трудности страны. Статья написана с симпатией к обоим корейским государствам.

Г.Яскина. Российско-монгольские отношения: реальность и перспективы

Статья посвящена состоянию отношений между Россией и Монголией после заключения 20 января 1993 г. Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве. Анализируются заложенные в договоре принципы, на основе которых в настоящее время развиваются двусторонние контакты.

Делаются попытки дать прогноз этим отношениям и возможности восстановления тесного партнерства и развития многоаспектного взаимовыгодного сотрудничества.

Сенаторов А., Цветова И. Пять лет политической перегруппировки в Японии. Многопартийность или двухпартийная система?

В статье рассматривается расстановка политических сил в Японии в последние 5 лет с характерным для этого периода размежеванием и формированием новых партий, с одной стороны, и развитием в конце концов тенденции к объединению. Итогом пятилетней перегруппировки явился по существу возврат к единоличному правлению ЛДП при сохранении многопартийности парламента.

В.Портяков. Некоторые практические аспекты развития рыночной экономики в КНР

В статье рассматриваются основные итоги формирования рыночной системы в Китае в 90-е годы, существующие в данной сфере проблемы. Анализируются причины нарастания спросовых ограничений в экономике Китая в 1997-1998 гг. и предлагаемые китайским руководством меры по оживлению потребительского и инвестиционного спроса в стране.

Чжао Хун. Формирование вокруг Китая экономического суперрегиона

Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем, которую решает КНР, - осуществление экономической интеграции и политического объединения ранее отторгнутых от Китая территорий - Сянгана и Тайваня.

Автор полагает, что среди участников есть экономическая заинтересованность в такого рода объединении.

М.Потанов. К вопросу о причинах и уроках азиатского финансового кризиса

Автор предлагает свои оценки причин разразившегося во второй половине 1997 г. валютно-финансового кризиса в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Анализируется китайский опыт обеспечения стабильности национального финансового сектора. Подчеркивается особая важность постепенного, с учетом специфики экономики страны, открытия валютно-финансового рынка для зарубежного капитала.

Л.Кондрашова. Госсектор КНР: приватизация или модернизация?

Окончание статьи, в которой дается фундаментальный анализ модернизации - разгосударствления производства, развития различных форм собственности, изменения характера государственных предприятий.

О.Иванов. Государственное регулирование внешнеэкономических связей Японии.

В статье проанализированы основные законодательные акты, относящиеся к государственному регулированию внешнеэкономических связей Японии, и практика их применения, место и статус международных торговых соглашений в японском законодательстве.

Подробно освещена такая категория неформальных методов государственного регулирования как "административное руководство".

А.Бурый. Межрегиональная ассоциация "Дальний Восток и Забайкалье" и интеграция российского Дальнего Востока в АТР

В статье рассматривается процесс формирования системы органов трех уровней (межправительственного, местных органов власти и деловых кругов), обеспечивающих сотрудничество территорий Востока России с Японией, Республикой Корея, КНР и США.

Л.Березный. Китай на рубеже тысячелетий: кризис национальной идентичности?

В статье рассматриваются два подхода западных синологов к современным проблемам идентификации китайцев: одни считают, что в Китае налицо кризис национальной идентичности, другие же утверждают, что потенции китайской цивилизации обуславливают сохранение непрерывности эволюционного развития, сопровождающегося восприятием некоторых достижений западной цивилизации.

А.Лукин. Образ Китая в России (до 1917 г.)

В статье доктора политологии впервые в отечественном китаеведении всесторонне рассматривается, сколь важное место в русской общественно-политической мысли занимал в прошлом образ Китая. Автор анализирует споры о Китае, которые велись в различных кругах России - среди мыслителей, публицистов, востоковедов, политиков, экономистов.

Политика

Режимы транспарентности и мер доверия в АТР

© 1998

В.Петровский

Основным содержательным аспектом функционирования многосторонних механизмов безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе является реализация комплекса мер транспарентности и военного доверия. Зарождение этого специфического компонента международных режимов безопасности прослеживается со времен начала Хельсинкского процесса и работы комиссий Пальме и Брунтланд в 70-80-е годы. Постепенно меры транспарентности и доверия в военной области утверждались в качестве универсальных средств снижения напряженности и укрепления взаимной безопасности.

К мерам доверия в широком смысле относятся *любые усилия, направленные на уменьшение неопределенности, которая вызывает напряженность и повышает вероятность конфликтов*. Технический прогресс позволяет облечь в осязаемую форму политические устремления сторон и облегчить выработку многочисленных мер доверия и безопасности. Здесь требуется процесс конструктивного параллелизма¹ - усилия на глобальном уровне не исключают необходимости достижения прогресса в реализации региональных, субрегиональных, двусторонних и односторонних инициатив.

Понимание мер доверия в широком смысле сближает его с определением мер транспарентности в военной области. Поскольку главной целью сотрудничества в области безопасности является предотвращение конфликта, *главной целью мер транспарентности является минимизация дилеммы безопасности путем обеспечения открытости каналов информации и связи по всему спектру проблем безопасности*, - от обмена данными о военных бюджетах до взаимного предуведомления о военных учениях.

Полезность мер транспарентности определяется не столько степенью доверия между сторонами, сколько наличием конкретной верифицируемой информации в области безопасности (что является необходимым, но не достаточным условием). В отсутствие надежной информации о действиях потенциального противника другая сторона склонна преувеличивать его намерения в области обороны и безопасности и готовиться к «худшему сценарию». Меры

Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

транспарентности укрепляют взаимное доверие и выполняют функции «раннего предупреждения» против агрессии или возможного конфликта.²

К мерам транспарентности можно отнести публикацию национальных военных стратегий и доктрин, «белых книг» по вопросам обороны, а также данных о военных бюджетах и планах закупки вооружений. К наиболее значительным мерам транспарентности относят также Регистр обычных вооружений ООН, соблюдение требований международных режимов верификации и контроля и пр.

Меры транспарентности могут быть реализованы на основе поэтапного подхода и постепенного восхождения от простых форм к более сложным, а также распространения мер транспарентности от военной к другим сферам безопасности - экономической, экологической, проблемам беженцев и борьбы с незаконным оборотом наркотиков, контрабандой, пиратством и пр.

Создание многостороннего переговорно-консультационного механизма выступает целью и одновременно инструментом строительства режимов транспарентности и мер доверия в Азиатско-тихоокеанском регионе. Многосторонний диалог по проблемам региональной безопасности - основное средство эквивалентного обмена информацией в области обороны и безопасности, помогающее корректировать взаимное восприятие угроз, а также вырабатывать альтернативные предложения в области транспарентности и мер военного доверия.

Опыт последних лет показал, что в развитии структуры регионального переговорно-консультационного механизма особую роль сыграли неправительственные каналы диалога (*track-two diplomacy*), прежде всего диалог ученых и экспертов азиатско-тихоокеанских стран по проблемам безопасности. Исторически он предшествовал установлению формальных структур многостороннего переговорно-консультационного механизма, создавая для его функционирования благоприятную информационную и политическую среду.

Многосторонние конвенциональные меры доверия для Северо-Восточной Азии и АТР, детально проработанные экспертами азиатско-тихоокеанских стран с учетом опыта подготовки и реализации советско-американских соглашений о предотвращении инцидентов на море и о предотвращении опасной военной деятельности,³ касались в основном деятельности военно-морских и военно-воздушных сил вовлеченных стран, влияющей на поддержание баланса сил в СВА и АТР, особенно на военно-политическую ситуацию вокруг Корейского полуострова и в акватории Южно-Китайского моря.

В последние годы перспективы укрепления формального переговорно-консультационного механизма и режимов транспарентности и мер доверия в АТР связываются в основном с работой АСЕАН и периодически созываемого в ее рамках *Азиатского Регионального Форума (АРФ)*.

В настоящее время АРФ объединяет страны - члены АСЕАН (Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам); страны со статусом наблюдателя (Камбоджа, Лаос и Бирма); Папуа - Новую Гвинею со статусом ассоциированного члена, а также страны - партнеры по диалогу (Австралия, Канада, Китай, Индия, Япония, Россия, Новая Зеландия, Республика Корея, США и Европейский Союз). Франция и Великобритания подали заявки на вступление в АРФ в качестве индивидуальных членов.

Если ранее в рамках АРФ обсуждались ограниченные по масштабу меры доверия (военные обмены, совместная подготовка миротворческих контингентов, совместные операции по поиску и спасению и пр.), то в настоящее время участники Форума рассматривают более масштабные региональные

меры транспарентности и военного доверия по образцу Венского документа ОБСЕ 1994 г.⁴

Свою роль в институционализации региональных режимов безопасности может сыграть и еще один влиятельный региональный форум - *Азиатско-тихоокеанский Экономический Совет (АТЭС)*. В частности, выдвигается предложение создать, в дополнение к существующим в рамках АТЭС десяти рабочим группам (по торговле, инвестициям и трансферту технологий, трудовым ресурсам, энергетике, консервации морских запасов, транспорту, связи, рыболовству и туризму), специальную рабочую группу для обсуждения проблем политики и региональной безопасности.⁵

Дальнейшее развитие многостороннего переговорно-консультационного механизма в АТР, как структурно-функциональной основы региональных режимов транспарентности и мер доверия, видится встречным взаимосвязанным процессом развития формальных (АРФ, АТЭС и др.) и неформальных каналов диалога по всему спектру проблем безопасности. Этот процесс будет дополняться дальнейшим развитием существующей системы двусторонних связей в области безопасности.

Этапным событием на пути все более полного подключения нашей страны к азиатско-тихоокеанской интеграции стало принятие России в Организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). На совещании руководителей входящих в эту группировку 18 государств и территорий в ноябре 1997 г. в Ванкувере было принято единодушное решение о принятии России, Вьетнама и Перу в АТЭС (с последующим замораживанием расширения АТЭС на 10 лет).

Показательно, что в поддержку России активно выступили страны СВА (прежде всего Япония, а также Китай, США, РК и Канада), в то время как Австралия, Сингапур, Филиппины и Мексика заняли более осторожную позицию. В ходе дебатов представители этих стран указывали на слабую вовлеченность России в торгово-экономические связи в АТР, наличие претендентов, раньше подавших заявки на вступление, а также на угрозу изменения характера организации после присоединения к ней столь крупной евразийской державы.

Принятие России в АТЭС активизирует не только торгово-экономическое сотрудничество, но и диалог по вопросам региональной безопасности, свидетельством чему является подписанное недавно Соглашение Межведомственной комиссии РФ с АТЭС по вопросам безопасности.

На протяжении последних десятилетий ситуация на Корейском полуострове решающим образом влияет на характер отношений безопасности как в СВА, так и в Азиатско-тихоокеанском регионе. Неурегулированность отношений двух корейских государств, чрезвычайно высокая концентрация вооруженных сил и вооружений на небольшой территории создают высокий потенциал региональной и субрегиональной напряженности. В этой связи режим транспарентности и мер военно-политического доверия на Корейском полуострове и вокруг него приобретает особую актуальность.

В то время как само развитие мер транспарентности и доверия рассматривается большинством политиков и экспертов как двусторонний процесс с участием КНДР и РК,⁶ никем не оспаривается тезис о том, что обеспечение мира и стабильности на Корейском полуострове и достижение объединения страны возможны лишь в условиях эффективного функционирования многостороннего механизма региональной безопасности.

Союзнические отношения США и Республики Корея и американское военное присутствие во многом определяют характер межкорейского диалога в во-

енно-политической области и перспективы создания режима транспарентности и мер доверия. Наличие в субрегионе 100-тысячной группировки сухопутных войск и сил 7-го флота США - детерминанта баланса сил в СВА и АТР, обеспечивающая асимметричную региональную стабильность.

По мнению американских аналитиков, объединение двух Корей способно коренным образом изменить стратегическую ситуацию в СВА; исчезнет главная причина присутствия на полуострове сил передового базирования армии США (Второй пехотной дивизии). Субрегион станет для Пентагона преимущественно потенциальным театром военно-морских и военно-воздушных операций и сферой более рассредоточенного присутствия.⁷

Политическую и договорно-правовую основу режима транспарентности и мер доверия на Корейском полуострове составляют *Протокол о примирении, не-нападении, сотрудничестве и обменах между Севером и Югом* от 13 декабря 1991 г. и согласованные в сентябре 1992 г. положения *Соглашения о взаимном не-нападении*.

Содержащиеся в указанных документах предложения по конвенциональным мерам доверия, опирающиеся на богатый опыт СБСЕ и успешно опробованные в Европе на протяжении ряда лет, могут быть успешно применены в условиях Корейского полуострова⁸, где непосредственно противостоят друг другу крупные боеготовые группировки танков, сухопутных войск и артиллерии. Они основаны на принципах транспарентности и ограничения военной деятельности, взаимно усиливающих друг друга.

В частности, статьи 12-14 Протокола предусматривают такие *меры транспарентности*, как взаимное уведомление и контроль за крупными военными учениями; мирное использование демилитаризованной зоны (ДМЗ); обмен информацией и военным персоналом; установление телефонной линии «горячей связи», а также создание совместной военной комиссии для разработки и применения мер транспарентности и военного доверия.⁹

Этот перечень вполне исчерпывающ и нуждается лишь во взаимно согласованных процедурах по реализации предусмотренных мер. Что касается *мер ограничения (сдерживания)*, то они могли бы включать в себя:

- ограничения на производство и размещение определенных видов вооружений;
- ограничения размеров и видов вооруженных сил, размещаемых в определенных районах.¹⁰

Речь идет прежде всего о некоторых категориях наступательных вооружений, вызывающих наибольшую взаимную обеспокоенность сторон. Юг видит особую угрозу для себя в северокорейских танковых и моторизованных частях передового базирования, диверсионных и штурмовых спецподразделениях, а также баллистических ракетах СКАД, нацеленных на крупные города и промышленные центры (Сеул, Кванджу, Тэгу, Пусан). Север опасается реактивной истребительной авиации и более совершенного электронно-технического оснащения средств вооруженной борьбы, управления и связи южнокорейской армии.

В структуре режима транспарентности и мер военного доверия на Корейском полуострове важную роль призваны сыграть меры по ограничению размещения войск в пределах демилитаризованной зоны (более 60 % наступательного потенциала армии КНДР сосредоточено в пределах ДМЗ либо в непосредственной близости от нее). Взаимный отвод войск от линии ДМЗ позволил бы существенно снизить вероятность неожиданного нападения или непреднамеренно спровоцированных военных действий.

Система договоров о ненападении и о неприменении силы, а также соответствующих международных гарантий послужила бы институциональной основой субрегионального режима безопасности. Шестисторонний договорно-правовой и переговорно-консультационный механизм мог бы постепенно развиваться в систему режимов безопасности регионального масштаба. США, Россия, Китай и Япония при этом продолжали бы играть ключевую роль в функционировании и развитии таких режимов.¹¹

Такая тенденция вновь потенциально проявилась в ходе дебатов вокруг предложения о т.н. *четырёхсторонних переговорах по корейскому урегулированию*. Предложение предусматривает создание органа по налаживанию сотрудничества (cooperative body) для выработки мер доверия и снижения напряженности на Корейском полуострове еще до заключения мирного договора. Этот орган позднее мог бы стать основой многосторонней региональной организации по образцу ОБСЕ.¹²

Американские аналитики отмечали, что инициатива четырехсторонних переговоров имеет весьма важное значение для Соединенных Штатов, поскольку затрагивает долгосрочные американские интересы на Корейском полуострове. В частности, Китай, являясь участником Соглашения о перемирии, мог бы по их мнению, обусловить свое участие в переговорах постановкой в той или иной форме вопроса о целесообразности американского военного присутствия в будущей объединенной Корее.

Япония поддержала упомянутую инициативу, представители КНДР воздержались от комментариев, а Китай согласился на участие во встрече при условии, что КНДР, РК и США выработают совместное соглашение, а потом предложат китайской стороне присоединиться.¹³

На встрече министров иностранных дел России и РК 7 мая 1996 г. в Москве Россия выразила свое негативное отношение к этой инициативе. Министр иностранных дел Е. М. Примаков высказал неудовлетворение в связи с тем фактом, что Россия оказалась отстраненной от предлагавшейся встречи, и заявил, что она должна быть заменена многосторонним диалогом с участием ООН, Японии и России.

О дискриминационном характере упомянутой инициативы свидетельствует и то, что она используется Вашингтоном и Сеулом в качестве рычага дипломатического давления: возможная гуманитарная продовольственная помощь КНДР увязывается с согласием Пхеньяна на переговоры в предложенном формате. Это лишний раз подтверждает необходимость учета при создании режима безопасности вокруг Корейского полуострова интересов всех без исключения сторон, причастных к корейскому урегулированию.

Именно такой подход постепенно утверждался в ходе дальнейших дискуссий вокруг четырехсторонней инициативы, что обусловило более заинтересованное отношение к ней со стороны России и Китая. Так, во время встречи на высшем уровне между президентом США Клинтонем и Председателем КНР Цзян Цзэмином в ноябре 1997 г. стороны подтвердили готовность способствовать установлению прочного мира на Корейском полуострове, используя для этого механизм четырехсторонних переговоров, и договорились продолжать консультации с этой целью.

Меры транспарентности и доверия в военно-морской области занимают особое место в структуре режимов азиатско-тихоокеанской безопасности. Акватория Тихого океана - сфера пересечения жизненно важных интересов безопасности крупных ядерных держав и район активной деятельности их военно-морских флотов, особенно ВМФ России и ВМС США.

Меры транспарентности и доверия в военно-морской области становятся особенно актуальными в связи с тем, что за последние годы усилилось наращивание военно-морского потенциала ведущих азиатско-тихоокеанских держав, прежде всего Японии, Китая и Индии. Особую озабоченность американских политиков и военных вызывает, в частности, модернизация ВМФ КНР, связанная, по их мнению, с экспансионистскими устремлениями Китая в Южно-Китайском море.

Акватория Южно-Китайского моря - средоточие острых разногласий, спорных и конфликтных ситуаций, поскольку в этом районе пересекаются экономические интересы и интересы безопасности многих стран АТР. Здесь действуют лишь несколько фрагментарных по своему характеру соглашений о разграничении континентального шельфа и отсутствуют какие-либо соглашения о разграничении исключительных экономических зон.

После вступления в силу в ноябре 1994 г. подписанной в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву, установившей юрисдикцию прибрежных государств над 200-мильной исключительной экономической зоной (при соответствующем повышении требований к обеспечению охраны на море и рациональному использованию ресурсов), ситуация в этом субрегионе еще более обострилась.¹⁴

Уроки кризиса в Тайваньском проливе в 1996 г., когда впервые после 50-х гг. вооруженные силы КНР и Соединенных Штатов находились в непосредственном соприкосновении на грани военной конфронтации, показали неспособность ВМС Китая обеспечить эффективную защиту своих прибрежных вод при наличии двух авианосных групп ВМС США на удалении 200 морских миль от китайского побережья. Это может вынудить китайских стратегов сосредоточить ограниченные ресурсы не на наращивании потенциала проекции военно-морской мощи, а на более эффективной защите побережья и прибрежных вод.¹⁵

В сентябре 1996 г. Индонезия провела объединенные военно-морские, военно-воздушные и сухопутные учения с участием 10 тысяч военнослужащих в районе островов Натуна в Южно-Китайском море, близ совместных американо-индонезийских разработок запасов природного газа.¹⁶ Одна из очевидных целей заключалась в том, чтобы продемонстрировать Китаю готовность Индонезии сохранять контроль над своими территориальными водами.

На этом фоне другие тихоокеанские державы также наращивают мощь своих военно-морских флотов. До конца нынешнего десятилетия Южная Корея планирует приобрести для своих военно-морских сил 17 новых эсминцев, увеличить число фрегатов до 20, а корветов - до 50. Власти Тайваня приобрели сравнительно недавно 16 французских сторожевых кораблей класса «Лафайет» за 2 млрд. долларов.¹⁷

Военно-морская мощь Японии по некоторым данным уже превосходит российскую (боевой состав Тихоокеанского флота был сокращен за последнее десятилетие на 30 %).¹⁸ Японское военное ведомство оправдывает планы модернизации флота своими выкладками и подсчетами, согласно которым качественный состав российского Тихоокеанского флота за указанный период даже усилился - соотношение обычных и модернизированных кораблей сменилось с 2,7 к 1 в 1985 г. на обратное в 1992 г.

Военно-морское присутствие США в АТР продолжает оставаться весьма внушительным, играя в определенном смысле стабилизирующую роль. Американское Объединенное Командование на Тихом океане (CINCPAC), помимо военно-морских сил, располагает мощными силами сухопутных войск, авиации и морской пехоты и в состоянии вести операции на общей террито-

рии в более чем 160 млн. км², что составляет более половины поверхности земного шара.¹⁹

Командование Объединенными тихоокеанскими силами США отстаивает концепцию «кооперативной вовлеченности» (cooperative engagement), согласно которой американское военное присутствие в АТР должно служить трем целям: поддержанию постоянного передового присутствия в регионе, укреплению региональных союзов и обеспечению эффективного кризисного реагирования.²⁰ В связи с этим делается упор на развитие амфибийных сил, военно-транспортной авиации и наземных сил быстрого развертывания, а также на проведение различных двусторонних и многосторонних военных учений (RIMPAC, PACEX, Team Spirit и др.), программ совместного обучения и военных обменов.

Вопросы военно-морской безопасности на Тихом океане всегда рассматривались мировыми державами как глобальные и обсуждались в общей структуре российско-американских переговоров по разоружению и контролю над вооружениями. Какие-либо меры по ограничению военно-морской деятельности на региональном уровне имели шанс на успех лишь в том случае, если соответствовали интересам безопасности сверхдержав или могли послужить экспериментом для последующего распространения на другие регионы земного шара.

На протяжении последнего десятилетия обсуждались предложения о сокращении или взаимном выводе военно-морских сил из определенных районов; об ограничении или полном запрещении деятельности военных флотов на основных морских коммуникациях; о режиме ограничения военно-морских учений и маневров, а также о взаимном предупреждении об учениях и посылке наблюдателей; об уведомлении о наличии ядерного оружия на борту при заходе в порты и о полном запрещении этого класса ядерных вооружений в особых безъядерных зонах; об ограничении противолодочной борьбы; об ограничениях на размещение или полном сокращении крылатых ракет морского базирования; о воспрещении военно-морской деятельности в акваториях, прилегающих к береговой зоне; о ликвидации иностранных военно-морских баз и инфраструктуры береговой поддержки и пр.

Опыт переговоров последних лет показал, что заинтересованные стороны наиболее охотно обсуждают меры транспарентности и военного доверия, касающиеся деятельности флотов. Подобные меры могли бы быть отнесены как к боевой мощи и структуре размещения существующих военно-морских сил, так и к планам военно-морского строительства и модернизации. Они существенно укрепляют стабильность и предсказуемость обстановки в акваториях Тихого океана, устраняют взаимные подозрения и минимизируют угрозу эскалации конфликта в случае неправильного истолкования действий другой стороны.

Особое значение имел бы обмен на взаимной основе данными о военно-морском строительстве и размещении сил флота - сначала несекретными, а затем постепенно все более конфиденциальными, а также установление нижнего «порога данных», относительно которого измерялись бы сокращения военно-морских сил и ограничения деятельности флотов.

Существенный резерв военно-морского сотрудничества в АТР - ограничение противолодочной деятельности, особенно стратегических сил подводного флота. Это касается прежде всего ВМС США и ВМФ России, накопивших в своем арсенале за годы «холодной войны» столь значительное количество атомных подводных лодок²¹, что, помимо соображений военной целесообразности, их содержание и утилизация стала большой финансово-

экономической и экологической проблемой, особенно для российского Тихоокеанского флота, чье нынешнее трудное положение общеизвестно.

Одной из самых продуктивных мер доверия в военно-морской области могло бы стать присоединение Китая и других азиатско-тихоокеанских стран, способных иметь ядерный потенциал, к США, России, Великобритании и Франции, которые в одностороннем порядке отказались от планового размещения ядерного оружия на кораблях и летательных аппаратах морского базирования.

Важным шагом на пути укрепления режима транспарентности и доверия на Тихом океане могло бы стать создание объединенных военно-морских сил для осуществления контроля за соблюдением норм международного права и борьбы с незаконной деятельностью на морях; поддержки сухопутных миротворческих операций сил ООН; осуществления полицейских функций, а также размещения при необходимости в районах напряженности и конфликтов военно-морских сил под эгидой ООН.

В начале 90-х гг. на семинарах Института Дальнего Востока РАН и Центра международной безопасности и контроля над вооружениями (ЦМБКВ) Стэнфордского университета были подготовлены научно-практические рекомендации по ограничению военно-морской активности и налаживанию взаимодействия флотов России и США в целях обеспечения мер доверия и безопасности на Тихом океане, сформулированные в совместном документе «Сотрудничество флотов в Азиатско-тихоокеанском регионе».

Основные положения документа были выработаны осенью 1992 г. военно-морскими специалистами России, США и Японии под эгидой ИДВ РАН и Центра по международной безопасности и контролю над вооружениями (ЦМБКВ) Стэнфордского университета. В ходе развития проекта (позднее к нему подключились представители ВМС Китая) его участники неизменно отмечали особую роль морского тихоокеанского пространства как естественного природного объекта, выступающего источником противоречий и в то же время материальной средой, используемой военными флотами прибрежных государств в интересах национальной и региональной безопасности.²²

Ключевые рекомендации, изложенные в совместном документе «Сотрудничество флотов в Азиатско-тихоокеанском регионе», заключались в том, чтобы, во-первых, усилить акцент на важности открытого обмена информацией со всеми тихоокеанскими странами; во-вторых, продолжить программы и обмены, поддерживаемые неофициальными, неправительственными организациями; в-третьих, сформулировать темы будущих совместных исследований.

Меры транспарентности в области военных расходов стран АТР являются наиболее существенными и необходимыми, поскольку регион на протяжении последних лет прочно занимает лидирующие позиции по затратам на оборонные нужды. Опубликованные за последние годы данные и прогнозы экспертов позволяют проследить динамику военных расходов в Азиатско-тихоокеанском регионе.

В начале 90-х гг. общий оборонный бюджет азиатско-тихоокеанских стран на 25 % превышал военные расходы всех стран мира, за исключением СССР и США. Рост военных расходов был обусловлен общим экономическим ростом в АТР: закупка современных вооружений или совершенствование собственного военно-промышленного комплекса считаются наиболее разумным вложением свободного капитала.²³

По данным Международного Института стратегических исследований, военный бюджет Японии вырос в 1985-1992 гг. на 28,5 %; Китая - на 12,6 %; Тайваня - на 29,9 %; КНДР - на 22,4 %; РК - на 63,5 %.²⁴

Таблица 1.

Военные расходы стран СВА в 1994 г.

	Военный бюджет 1994 г. (млн. долл.)	Рост по ср. 1993 г. (%)	В % от ВВП	В % от общих бюджетных расходов
США	281,563,000	- 3,27	4,1	19,9
Япония	42,100,000	6	0,92	6,1
КНДР	2,300,000	5	11,3	12
РК	14,000,000	16,1	3,7	24,2
КНР ²⁵	6,700,000	8,4	1,3-3,25	9,5
Тайвань	11,300,000	8,1	4,6	24,3
Монголия	18,200	22	2,3	-

Источник: U. S. and Asia Statistical Handbook 1995. Compiled and Edited by Richard D. Fisher, Jr. and John T. Dori. The Heritage Foundation. 1995.

По некоторым зарубежным данным, военные расходы России составили в 1994 г. около 79 млрд. долл., или 7 % от ВВП.²⁶

Наиболее спорным и привлекающим всеобщее внимание является вопрос о военных расходах КНР. Показатели их роста являются предметом дискуссий экспертов и политиков разных стран. Так, Международный Институт стратегических исследований оценил военный бюджет Китая 1994 г. в 27, 4 млрд. долл., а Стокгольмский Международный институт проблем мира (SIPRI) - в 37 млрд. долл.²⁷ Сложность подсчетов усугубляется тем обстоятельством, что реальные военные расходы в силу специфики военного строительства в Китае²⁸ могут значительно отличаться от официальных цифр.

Рост военных расходов КНР обусловлен рядом факторов, среди которых эксперты упоминают нестабильность ситуации в области региональной безопасности; необходимость оснащения китайской армии высокотехнологичным оружием и потенциалом проекции мощи, более приспособленным для участия в современных военных конфликтах; общий экономический рост, позволяющий увеличивать расходы на оборону; высокую статусную роль НОАК в китайском обществе (опора режима), а также рост расходов, связанных с военной реформой и социальным обустройством увольняемых в запас военнослужащих.

На 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 8-го созыва в марте 1995 г. было официально заявлено, что оборонные расходы на 1995 г. были утверждены в размере примерно 7,5 млрд. долл., что на 21,2 % больше, чем в предыдущем году. Это составляет 9,5 % общего бюджета страны.²⁹

С начала 90-х гг., по официальным китайским данным, военный бюджет увеличивался лишь номинально. Например, в 1995 г. его объем составил 63 млрд. юаней (около 7,5 млрд. долл.), увеличившись по сравнению с 1994 г. на 14,5 %. При запланированном централизованном росте цен на 15 % реальный объем военного бюджета даже несколько уменьшился.³⁰

В 1995 г. Китай впервые издал аналог «белой книги» по вопросам обороны, в которой отмечается, что в 1994 г. военные расходы страны равнялись 6,39 млрд. долл., что составляет 2,3 % от соответствующих показателей США, 18,3 % - Великобритании, 18,6 % - Франции и 13,9 % - Японии. Если в 1979 г. расходы на оборону составляли 5, 6 % ВВП страны, то в 1994 г. - 1,3 %.³¹

Номинальный рост китайского военного бюджета и стремление создать потенциал проекции военной мощи не означают, тем не менее, что КНР уже смогла в достаточной мере модернизировать свои вооруженные силы. Значи-

тельное технологическое отставание Китая от Соединенных Штатов и других мировых держав будет сохраняться еще многие годы. Международные эксперты полагают, что нужно следить за военными приготовлениями КНР, но реагировать на них адекватно.³²

Таблица 2.

Военные расходы других стран-участниц АРФ в 1994 г.

	Военный бюджет 1994 г. (млн. долл.)	Рост по ср. 1993 г. (%)	В % от ВВП	В % от общих бюджетных расходов
Австралия	7,143,000	3,5	2,1	8,5
Новая Зеландия	727,300	13	1,4	3,9
Индия	7,300,000	15,3	3,2	16,2
Папуа - Новая Гвинея	55,500	-0,8	11,8	-
Страны АСЕАН				
Бруней	312,000	10,6	7,1	-
Индонезия	2,300,000	18	1,57	7,7
Малайзия	2,800,000	42,9	6,4	16,8
Сингапур	3,000,000	11,1	4,5	34,7
Таиланд	3,500,000	10,8	2,5	15,1
Филиппины	1,300,000	11,1	2	11,3

Источник: U. S. and Asia Statistical Handbook 1995. Compiled and Edited by Richard D. Fisher, Jr. and John T. Dori. The Heritage Foundation. 1995.

Ежегодный прирост затрат на оборону в странах АТР прогнозируется на уровне 6 %, или 4-5 % от уровня ВВП. Прогнозы на 1996 г. показывают, что темп их роста снизится вдвое по сравнению с соответствующим показателем 1992 г.

По данным Международного Института стратегических исследований, оценочный военный бюджет Японии на 1996 г. составляет 4,845 млрд. йен; прогнозируемый бюджет 1997 г. - 4,985 млрд. йен (реальный рост приблизительно на 3 %). Оценочный военный бюджет Китая 1996 г. - 8,4 млрд. долл. (рост на 11 % по сравнению с 1995 г.). Соответствующий показатель для Южной Кореи - 15,6 млрд. долл. (рост на 5 % по сравнению с 1995 г.). Военный бюджет Тайваня 1996 г. оценивается в 13,6 млрд. долл.³³

Следующий объект применения мер транспарентности в региональном масштабе - данные о состоянии вооруженных сил и вооружений стран АТР, позволяющие осуществлять адекватную сопоставительную оценку военного потенциала и, соответственно, оценку потенциальных угроз.

Американское военное присутствие является константой, определяющей пропорции регионального баланса сил. В целом его можно считать стабильным, что создает благоприятные предпосылки для расширения сферы применения мер транспарентности в СВА и АТР в области вооруженных сил и вооружений.

Данные о численности личного состава и вооружениях НОАК также являются предметом дискуссий. Что касается численности, то, по официальным китайским данным, из почти 3 млн. чел. личного состава многие являются гражданскими служащими; на 10 тыс. чел. населения приходится 25 военнослужащих (по этому показателю КНР занимает лишь 70-е место в мире).³⁴

К этому следует добавить, что в рамках китайской военной реформы происходит постепенное сокращение численности вооруженных сил на 500 тыс. чел.

Дискуссии относительно военных расходов, а также состояния вооруженных сил и вооружений стран АТР показывают, что проблема сопоставимости критериев национальной статистики в данных областях продолжает оставаться актуальной; ее следует решать в рамках всего комплекса мер транспарентности и военного доверия на субрегиональном и региональном уровне.

С 1992 г. отмечается устойчивая тенденция роста рынка вооружений в АТР, который в настоящее время считается вторым по объемам продаж после Ближнего Востока. КНР, Япония, Тайвань и Южная Корея и в меньшей степени страны АСЕАН (Таиланд, Малайзия и Сингапур) постоянно увеличивают среднегодовой уровень импорта вооружений по сравнению с предшествующим десятилетием.

В ближайшие пять лет расходы на закупку вооружений в странах АТР могут достигнуть от 69 до 78 млрд. долл. Все большую популярность приобретают у торговцев оружием международная выставка Asia Aegospace в Сингапуре и международная морская и аэрокосмическая выставка на острове Лангкави (Малайзия). Однако, по мнению специалистов, речь идет не столько о наращивании вооружений в ЮВА, сколько о замене устаревших образцов оружия и боевой техники. В целом объем рынка оружия для стран ЮВА оценивается в 12 млрд. долл. в год.³⁵

Страны Северо-Восточной Азии также продолжают оставаться важным сегментом регионального рынка вооружений. С 1984 по 1993 гг. на долю Китая, Японии, КНДР, РК и Тайваня пришлось 73 % всего импорта вооружений. В 1991-1993 гг. на долю стран СВА пришлось 85 % всех закупленных странами АТР боевых самолетов и 89 % ракетной техники.³⁶

Регистр ООН по обычным вооружениям явился наиболее масштабной и до настоящего времени наиболее эффективной мерой транспарентности в области вооружений. Регистр был учрежден Генеральной Ассамблеей ООН по предложению Европейского Сообщества и Японии³⁷ (Резолюция ГА ООН 46/36 L от 9 декабря 1991 г.) и начал действовать с 1 января 1992 г.

В соответствии с основными положениями Регистра, государствам - членам было предложено предоставлять на добровольной основе направляемые на имя Генерального секретаря ООН данные о количестве единиц импортируемой на их территорию или экспортируемой с нее боевой техники семи основных категорий: танков, бронемашин, артиллерийских систем большого калибра, боевых самолетов, боевых вертолетов, военных кораблей и ракетных систем.

В 1993 г., когда Регистр был издан впервые, более 80 государств предоставили для базы данных ООН свои показатели трансферта обычных вооружений. Из 32 стран АТР данные предоставили 18. Как отмечали эксперты ООН, участие некоторых ключевых стран региона, таких как Китай, Индия, Япония, Малайзия, Пакистан, Филиппины, РК и Сингапур, значительным образом содействовало функционированию Регистра в течение первого года, в то же время неучастие таких стран, как КНДР, Индонезия, Таиланд и Вьетнам, достойно сожаления.³⁸

Анализ данных показывает, что Регистру пока удается поддерживать неустойчивый баланс между достижением представительного участия и сохранением ценности представляемых данных.³⁹ К августу 1996 г. свои данные за 1995 г., четвертый год существования Регистра, представили 84 государства (среди них отсутствовали Китай и Россия, которые, как правило, предоставляют свои показатели позже установленного срока). Основные поставщики

на мировом рынке оружия, за исключением КНДР, исправно поставляют свои данные для Регистра (в отличие от импортеров оружия).

Тем не менее, поскольку более 90 % всего объема сделок на мировом рынке оружия зафиксированы в Регистре, данные от основных экспортеров восполняют информацию, утаиваемую импортерами оружия.⁴⁰

В подготовленном экспертами ООН «Исследовании о путях и средствах содействия повышению транспарентности в международных поставках обычного оружия» подчеркивалось, что в дополнение к универсальной системе регистрации поставок обычного оружия могли бы быть созданы вспомогательные региональные или субрегиональные системы, предназначенные для удовлетворения конкретных потребностей данного региона или субрегиона (например, путем включения дополнительной информации). Универсальная система могла бы устанавливать минимальные стандарты и руководящие принципы для обеспечения сопоставимости данных.⁴¹

Хотя Регистр ООН по обычным вооружениям является скорее мерой транспарентности и военного доверия, чем режимом экспортного контроля,⁴² он мог бы быть использован и для укрепления режима транспарентности в области передачи технологий двойного назначения, а также для продвижения на региональном и глобальном уровне вопроса о режиме ограничения торговли оружием.

Предлагалось, в частности, сделать обязательным представление для Регистра данных о трансферте вооружений, а также выработать меры по прекращению или ограничению государственной поддержки или финансирования экспорта оружия. Особая ответственность ложится в этой связи на постоянных членов Совета Безопасности ООН⁴³, которые должны по крайней мере достичь договоренности между собой о регулировании экспорта вооружений.

Что касается России, то она неоднократно предлагала выработать принципы торговли оружием в АТР, основанные на соответствующих Основных положениях, разработанных пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН. Это затруднило бы «подпитку» оружием потенциальных конфликтных очагов в регионе и исключило бы надуманную дискриминацию на рынке оружия.⁴⁴

В то время как Регистр дает исчерпывающее представление о легальной торговле оружием, его роль в раскрытии незаконных сделок на «черном рынке» оружия еще предстоит определить. Неконтролируемые поставки обычного оружия являются не только опасным каналом распространения гонки вооружений, но и способом облегчения доступа к самым современным видам оружия, повышающим разрушительность и кровопролитность региональных конфликтов.

Комиссия ООН по разоружению приняла Руководящие принципы в отношении международных поставок оружия, что явилось первой многосторонней акцией по осуществлению контроля за незаконным оборотом оружия. Япония выступила с инициативой о создании Группы правительственных экспертов по стрелковому оружию.

Проблема ограничения распространения легкого и стрелкового оружия приобретает все большую актуальность, в том числе и для АТР. Именно такое оружие приводит к наибольшим жертвам и разрушениям в ходе локальных войн и региональных конфликтов. В обиход международных переговоров по контролю над вооружением и разоружению вошел термин «микроразоружение». Один из способов утверждения микроразоружения в качестве неотъемлемого элемента режимов транспарентности и мер доверия – внесение легко-

го и стрелкового вооружения в качестве самостоятельной категории вооружений в Регистр ООН по обычным вооружениям.

Важным фактором развития режимов транспарентности и ограничения в области обычных вооружений становится в последнее время движение за запрещение противопехотных мин. Начатые в 1996 г. в Канаде международные переговоры (т.н. Оттавский процесс) завершились подготовкой *Конвенции о запрещении применения, хранения, производства и передачи наземных противопехотных мин, и об их уничтожении*, которая 3 декабря 1997 г. была открыта к подписанию в Оттаве. 117 государств мира уже заявили о своем желании присоединиться к Конвенции; Международная кампания за запрещение противопехотных мин (коалиция государств, неправительственных организаций и международных институтов) была удостоена Нобелевской премии мира за 1997 г.

Тем не менее, движение за запрещение противопехотных мин не встречает однозначной поддержки в Азиатско-тихоокеанском регионе; ведущие азиатские державы (Китай, Индия, Пакистан, а также Россия и США) не спешат подписать Конвенцию, поскольку считают, что это может нанести ущерб интересам их безопасности – мины продолжают оставаться эффективным средством защиты национальной территории от потенциального агрессора для стран с протяженной сухопутной границей.

При этом очевидный антигуманный характер противопехотных мин, настроения широких кругов международной общественности и интересы укрепления международных режимов безопасности диктуют необходимость принятия компромиссных решений. Наглядным примером может служить подписанный Президентом РФ Указ «О продлении моратория на экспорт Российской Федерацией противопехотных мин», пролонгирующий с 1 декабря 1997 г. на пять лет запрет на экспорт из России противопехотных мин, не оснащенных механизмами самоликвидации и не обнаруживаемых миноискателями.

Таким образом, режим транспарентности в области военных расходов, вооруженных сил и вооружений стран АТР представляется наиболее разработанным и институализированным. Он смыкается с мерами по регулированию и ограничению вооруженных сил и вооружений и в перспективе способен приобрести черты рестриктивного международного режима.

1. *Красная Звезда*, 1995 27 сентября.
2. Young-Koo Cha and Bon-Hak Koo. *Multilateral Confidence-Building Measures in Northeast Asia*. The 1st Northeast Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. Pp. 15-16.
3. См. напр.: U.S.-Soviet Cooperation and the New Structure of International Relations in Northeast Asia: A Special Report of the Center for International Security and Arms Control. August 1991. P. 12.
4. *The Military Balance 1996/9.*, P. 170.
5. *Regional Security and Economic Cooperation*. International Academic Symposium. Published by World League for Freedom and Democracy Republic of China Chapter. Taipei, Taiwan, ROC. January 14, 1993. p. 64.
6. Jang Seop Oh. *South Korea's Northern Policy and Peace in Northeast Asia. The Role of the Soviet Union and South Korea for the Peace Settlement of the Northern Asia in the 21st Century*. Prepared for the Korean-USSR Friendship Association Conference of Institute of Far Eastern Studies Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Feb. 25-27, 1991. P. 20-21.
7. *Restoring American Leadership: A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint*. Ed. By Kim R. Holmes and Thomas G. Moore. Heritage Foundation. 1996. P. 54.
8. Практическая реализация согласованных мер транспарентности и военного доверия определяется сложным и противоречивым характером межкорейского диалога, в

- частности, нежеланием Севера пойти на меры взаимной открытости в военно-политической и других областях.
9. *An Era of Reconciliation and Cooperation Begins*. National Unification Board. Republic of Korea. 1992. p. 38.
 10. *Adelphi Papers* 29., P. 53.
 11. Ведущая роль четырех держав в инициации региональных режимов безопасности обсуждалась на неправительственном уровне на заседаниях т.н. четырехстороннего форума, работавшего в 1990-1993 гг. при поддержке американской Ассоциации содействия ООН (UNA - USA). - Edward C. Luck. *Layers of Security. Regional Arrangements, the United Nations, and the Japanese-American Security Treaty. Asian Survey*. Vol. 35, # 3, March 1995. P. 250-251.
 12. *Korea Herald*. April 17. 1996.
 13. *East Asian Revic.*, Vol. 8. # 2, Summer 1996. P. 38.
 14. Подробнее об этом см.: Степанов Е. Д. *Правовые аспекты территориальных споров в Южно-Китайском море*. ИДВ РАН. М., 1997.
 15. Ross, Robert S. The 1996 Taiwan Strait Crisis. Lessons for the United States, China, and Taiwan. // *Security Dialogue*. Vol. 27. # 4. December 1996. P. 467.
 16. *The Military Balance 1996/97*. P. 173.
 17. Young-Koo Cha and Bon-Hak Koo. *Multilateral Confidence-Building Measures in Northeast Asia*. P. 5.
 18. Lee Choon Kun. Causes of Tension in Northeast Asia and the Arms Race There. // *East Asian Review*. Vol. II, # 2. 1995. P. 32.
 19. *Acrospace*. August 1991. P. 22.
 20. *Adelphi Papers* 299. P. 13.
 21. На долю двух флотов приходится приблизительно половина стратегических подводных лодок и 90% атомных подводных лодок. В конце 1991 г., накануне распада СССР, советский Военно-морской флот располагал приблизительно 200 стратегическими подводными лодками (более половины из них - атомные); ВМС США располагали 90 стратегическими подводными лодками. См. James L. Lacy. *Arms Control and Confidence-Building in the Pacific Northwest: Naval and Regional Considerations. // Soviet Russia, North Korea, and South Korea in the 1990s*. P. 46-47
 22. Скаридов А.С. *Военно-морское сотрудничество России со странами Северо-Восточной Азии и северной части Тихоокеанской зоны - реальность и перспективы* (по опыту работы офицеров ВМС Китая, США, Японии и ВМФ России в Стэнфордском университете (США). С. 1.
 23. *Сегодня*. 1993. 7 мая.
 24. *Strategic Survey 1993-199*. P. 44.
 25. Оценочные данные.
 26. Ким Сок Кю. Ук. соч. С. 21.
 27. Rex Li. *China and Asia-Pacific Security in the Post-Cold War Era*. P. 337.
 28. В 1992 г. официальные военные расходы КНР составили 6 млрд. долл., а фактические - в 3-4 раза выше. По некоторым расчетам, китайцы могут содержать целый батальон солдат на те средства, на которые японцы содержат только одного пехотинца. // *Сегодня*. 1993. 5 мая.
 29. Ким Сок Кю. Ук. соч. С. 58.
 30. Xu Yimin. The Strategic Situation in East Asia and China's Place and Role. *International Strategic Studies*, # 1, March 1996. P. 23.
 31. *China: Arms Control and Disarmament*. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. November 1995, Beijing. p. 13.
 32. *The United States and China into the 21st Century*. An Asian Studies Center Symposium. By Chas Freeman, Harvey Feldman, Harry Harding, and Richard Solomon. The Heritage Lectures, # 551. The Heritage Foundation. 1995. P. 7
 33. *The Military Balance 1996/97*. P. 174.
 34. Luo Renshi. On the Ways of and China's Efforts in Increasing Transparency in the Asia-Pacific Region. P. 13.
 35. Parris H. Chang. Forging Security Cooperation in Asian-Pacific Region: A Taiwan Perspective. P. 391.
 36. Simon Duke. *Northeast Asia and Regional Security*. P. 328.

37. Интересно заметить, что Япония, затратив в 1988-1992 гг. на импорт вооружений 9,2 млрд. долл., стала вторым по величине закупок импортером оружия в мире. // *SIPRI Yearbook 1993: World Armaments and Disarmament*. Oxford, Oxford Univ. Press, 1994. P. 445.
38. *Разоружение*, т. XVII, № 1, 1994. С. 162.
39. Там же. С. 178.
40. *The Military Balance 1996/97*. P. 289.
41. Там же. С. 128-129.
42. *The Military Balance 1996/97*. P. 289.
43. На них приходится более 80 % мирового экспорта оружия. // *Security Dialogue*. # 2, 1995. P. 230.
44. *Япония и проблемы безопасности в АТР*. С. 149.

КНДР на “форсированном марше”

© 1998

Ю.Ванин

2 сентября 1948 г. театр “Моранбон” в центре Пхеньяна заполнили депутаты только что избранного Верховного народного собрания (ВНС). Началась первая его сессия первого созыва, принявшая исторические решения и самое главное из них - о создании Корейской Народно-Демократической Республики. С тех дней ведется отсчет истории КНДР, отметившей первые полвека своего существования. Сентябрьская сессия ВНС 1948 г. явилась своего рода завершением цикла крупных политических событий, имевших поистине судьбоносное значение для Кореи. Напомним некоторые из них.

Как известно, в сентябре 1947 г. закончилась неудачей работа Совместной советско-американской комиссии по Корее. Образованная Московским совещанием министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (декабрь 1945 г.) для помощи в демократическом развитии Кореи, незадолго до того освобожденной от японского колониального ига, Совместная комиссия не справилась с поставленной задачей. СССР предложил тогда одновременно вывести из Кореи советские и американские войска, предоставив корейцам возможность самим решить свои проблемы. США предпочли передать корейский вопрос на рассмотрение ООН, где они в ту пору безусловно доминировали. Генеральная Ассамблея 14 ноября 1947 г. сформировала Временную комиссию ООН по Корее, поручив ей провести там до 31 марта 1948 г. всеобщие выборы. Советский Союз и северокорейские власти не согласились с резолюцией ГА ООН и не допустили комиссию на территорию Северной Кореи. С ведома ООН Временная комиссия взяла курс на организацию выборов там, где они были для нее возможны - в Южной Корее. Это совпало с желаниями наиболее влиятельной на Юге крайне правой группировки Ли Сын Мана. С конца 1946 г. Ли Сын Ман настаивал на сепаратных выборах и создании на Юге правительства, которое взяло бы на себя объединение Кореи, конечно же, под своей эгидой.

Надвинувшаяся угроза раскола Кореи, чреватого самыми трагическими последствиями для страны, вызвала волну протестов корейской патриотической общественности. Уже с осени 1947 г. на Юге все активнее раздавались призывы к налаживанию контактов с Севером, чтобы совместными усилиями предотвратить окончательное расчленение Кореи. Во главе этого движения стояли Ким Гу (многолетний премьер временного корейского правительства в изгнании), его соратник по эмигрантскому правительству Ким Гю Сик и другие видные политические деятели. В большинстве своем они были далеки от симпатий к коммунизму, который исповедовали политические силы, находив-

шиеся у власти на Севере. Но искренняя тревога за судьбу страны побудила их подняться выше идеологических предубеждений.

Северокорейское руководство во главе с Ким Ир Сенем неизменно поддерживало курс СССР на реализацию решений Московского совещания министров иностранных дел о создании в Корее единого демократического правительства. Можно как угодно оценивать эти решения и борьбу за их осуществление, но нельзя отрицать того, что в их основе лежало стремление во что бы то ни стало сохранить единство Кореи. Ради этого на Севере также сумели преодолеть давнюю неприязнь к идейным противникам, коль скоро они оказались теперь единомышленниками в жизненно важном для страны вопросе. В марте 1948 г. II съезд Трудовой партии Северной Кореи высказался за сплочение патриотических сил Севера и Юга против антинациональных действий сепаратистов и их покровителей.

19 апреля 1948 г. в Пхеньяне открылось Объединенное совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. В нем участвовали 695 делегатов от 41 партии и организации Юга (за исключением откровенно пролисынмановских) и 15 - с Севера. Среди них были Ким Ир Сен, Ким Гу, Ким Гю Сик, Ан Джэ Хон (глава Гражданской администрации Южной Кореи) и многие другие лидеры национального масштаба. Совещание 23 апреля приняло обращение к корейскому народу с призывом сорвать сепаратные выборы на Юге, добиться удаления иностранных войск и собственными силами решить корейский вопрос, а в послании к правительствам СССР и США потребовало одновременного вывода их войск из Кореи. Руководители партий и общественных организаций выступили 30 апреля с совместным заявлением, в котором также высказались против сепаратных выборов на Юге, предупредив об отказе признавать сфабрикованное на их основе правительство. Они заверили, что после вывода иностранных войск Корея не допустит гражданской войны, что будет созвана общекорейская политическая конференция и сформированное на ней демократическое правительство проведет всеобщие выборы в законодательный орган, который примет конституцию и образует единое демократическое правительство.

Вернувшись на Юг, Ким Гу и Ким Гю Сик заявили: "Объединенная конференция северокорейских и южнокорейских политических партий и общественных организаций еще раз доказала на деле, что корейский народ может преодолеть разногласия в политических концепциях и партиях ради восстановления отечества и благоденствия народа. Это было единодушное решение Объединенной конференции, что строительство свободной, демократической Кореи требует полного противодействия сепаратным выборам и созданию сепаратного правительства в Южной Корее". Итоговый документ они назвали "основой национальной единства", подчеркнув тем самым согласованный, действительно общекорейский характер выдвинутой в нем программы¹. Столь же высоко оценил результаты Совещаний Ким Ир Сен². В память об этом событии в Пхеньяне был воздвигнут затем впечатляющий монумент.

При всем бесспорно историческом значении апрельского Совещания с его организацией явно запоздали. Для реализации принятого им курса на бойкот сепаратных выборов оставалось слишком мало времени. Американские и южнокорейские власти бросили на подготовку и проведение выборов огромные средства и респрессивные силы, и выборы состоялись 10 мая 1948 г. Бойкот их привел лишь к тому, что левые партии и организации самоустранились и в избранном тогда Национальном собрании преобладали сторонники Ли Сын Мана. 15 августа в Сеуле была провозглашена Республика Корея (РК).

В Пхеньяне 29 июня - 5 июля 1948 г. состоялось второе Объединенное совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. Оно было уже первого по составу (17 партий и организаций с Юга, 16 - с Севера) и ниже уровнем представительства южнокорейской общественности. Его участники отказались признать Национальное собрание и правительство Южной Кореи, как незаконно сформированные с целью установить в Корее антинародный, антидемократический строй, навеки расколоть Корею и превратить Юг в американскую колонию. Совещание постановило провести подлинно свободные демократические выборы, на их основе создать Верховное народное собрание Кореи и образовать из представителей Северной и Южной Кореи центральное правительство, которое должно добиться одновременного вывода из Кореи иностранных войск.

Выборы в ВНС были проведены 25 августа 1948 г. и в Северной (прямые), и в Южной Корее (здесь двухступенчатые). Относительно выборов на Юге до сих пор наблюдается определенное недоверие. Однако факт их проведения практически подтвердил тогда же сам Ли Сын Ман. Выразив сомнение в официальных данных о количестве голосовавших на Юге, он вместе с тем заявил: " По сведениям полиции, в Южной Корее было арестовано несколько тысяч человек за участие в подпольных выборах, изъято много бюллетеней. Левые элементы пытались насильно заставить крестьян принимать участие в голосовании и ставить свои печати на избирательных бюллетенях. Только коммунисты-подпольщики добровольно участвовали в выборах"³. Оставим на совести Ли Сын Мана характеристику выборов. Она выглядит особенно "достоверной" у руководителя прошедшей перед тем избирательной кампании, прославившейся на весь мир массовыми насилиями.

И вот 2 сентября 1948 г. в Пхеньяне открылась первая сессия ВНС. В заслушанных на заседаниях докладах, в речах около 30 депутатов, представлявших различные партии и общественные организации, разные слои населения всей страны, содержалась огромная информация о положении и борьбе за свои права трудящихся Юга, о достижениях в строительстве новой жизни на Севере, где, по общему признанию, создавалась демократическая база будущей единой Кореи. Сессия 8 сентября приняла Конституцию, провозгласившую Корею Народно-Демократической Республикой. 9 сентября она сформировала правительство во главе с Ким Ир Сенем. Эта дата и считается с тех пор Днем образования КНДР. 10 сентября сессия ВНС завершила работу, утвердив политическую программу правительства и приняв очередное обращение к СССР и США с просьбой вывести свои войска из Кореи. СССР сделал это к концу 1948 г., США - в середине 1949 г.

Говоря о процессе возникновения двух корейских государств, нельзя обойти вниманием существенную его черту. Известно, что оба они не признавали друг друга и каждое претендовало на исключительное право представлять всю Корею. В обоснование этого на Юге обычно ссылаются на резолюцию ГА ООН от 12 декабря 1948 г., признавшую правительство РК единственно законным в Корее. Но нередко умалчивают об одной детали: резолюция ГА ООН исходила из того, что только на Юге выборы проходили под контролем Временной комиссии ООН, и юрисдикцию правительства РК она признавала лишь над той территорией, где эти выборы состоялись, т.е. над Южной Кореей⁴. К сказанному стоит добавить, что выборы 10 мая 1948 г. проводились только на Юге, фактически без участия многочисленных тогда левых сил и при наличии отмеченных даже Временной комиссией ООН значительных ограничений и нарушений избирательных прав населения.

Выборам 25 августа 1948 г., как показано выше, предшествовали два совещания представителей патриотических сил Севера и Юга. Среди избранных 572 депутатов ВНС 360 (т.е. почти 2/3) были из Южной Кореи. Южане составляли половину членов президиума ВНС и правительства, других выборных органов КНДР. В их числе были такие известные политические деятели, лидеры ряда южнокорейских партий, как Хо Хон, Пак Хен Ен, Хон Мен Хи, Ким Вон Бон, Пэк Нам Ун и др. Как сообщалось на сессии ВНС, в ее адрес поступили с Юга 1356 приветственных посланий, 127 приветственных знамен и венков, множество подарков⁵. Все это позволяет полагать, что в период своего образования КНДР имела достаточно юридических и моральных прав считать себя вполне легитимным общекорейским государством.

12 сентября 1948 г. в Пхеньяне состоялся массовый митинг в честь провозглашения КНДР и формирования ее правительства. Историческое значение этого подчеркнул выступивший на митинге Ким Ир Сен: "Образование правительства КНДР открыло новую яркую страницу в истории борьбы нашего народа за построение суверенного и независимого государства. С этого момента корейцы станут полноправной нацией, имеющей свое правительство, будут находиться под его постоянной защитой, обретут авторитет, права и достоинство как граждане КНДР... Создание КНДР и образование центрального правительства - это результат общей борьбы народа Северной и Южной Кореи за объединение, свободу и независимость Родины, это великая историческая победа нашего народа"⁶.

* * *

Прошедшие после событий 1948 г. 50 лет были для КНДР очень не простым временем. В эти полвека вместились кровопролитная и опустошительная война (1950-1953), послевоенное восстановление, когда многое пришлось начинать почти с нуля, крупные, усложнявшиеся раз от разу по объему и сложности решаемых задач, этапы развития экономики и культуры, повышения жизненного уровня населения, продвижения в строительстве избранной в КНДР модели социализма. При всем несомненно большом значении оказанной на этих этапах интернациональной помощи, главную тяжесть забот и колоссального труда вынес на своих плечах сам корейский народ. Причем ему приходилось и приходится до сих пор жить и работать в условиях постоянной военной напряженности, периодически достигающей критической отметки и отвлекающей на себя огромные силы и средства. И тем не менее за сравнительно короткий исторический срок сделано чрезвычайно много. На каждого, кто посетил КНДР, неизгладимое впечатление производят красавец Пхеньян, благоустроенные города и села, где строительные краны - непременная часть пейзажа, современные предприятия, сельские кооперативы, учреждения культуры. У страны, члена ООН, высокий международный авторитет. У многих за ее пределами вызывают уважение стойкость и мужество народа КНДР и ее руководителей в защите своих суверенных прав, национального достоинства и социалистического выбора.

В короткой журнальной статье невозможно осветить весь путь, пройденный КНДР за полвека. Остановимся лишь на некоторых аспектах последнего периода.

К концу 1970-х гг. в КНДР все сильнее ощущалась необходимость серьезной модернизации народного хозяйства, более широкого и активного его приобщения к мировому научно-техническому прогрессу. Потребность в такого рода преобразованиях возникала тогда во многих странах. Эта задача была

центральной в докладе Ким Ир Сена на VI съезде Трудовой партии Кореи (декабрь 1980 г.). На конкретные меры по ее реализации нацеливало большое количество решений партии и правительства, охвативших практически все отрасли экономики. В первую очередь нараставшие экономические проблемы стимулировали визиты Ким Ир Сена в СССР и восточноевропейские страны в 1984 и 1986 гг., в итоге которых были заключены крупные соглашения, предусматривавшие содействие модернизации и развитию народного хозяйства КНДР.

Среди мероприятий правительства КНДР существенное место заняли меры по совершенствованию планирования и управления экономикой, хозяйственных методов ведения хозяйства. В большей степени, чем прежде, планирование в промышленности и сельском хозяйстве стало базироваться на наметках самих предприятий, хотя окончательные решения оставались за центром. Делались попытки реорганизовать, сделать более рациональной высшую управленческую структуру (на уровне министерств и ведомств). Органы исполнительной власти в провинциях, уездах и городах, чтобы полнее и эффективнее использовать местные ресурсы, преобразовали из "административных" в "административно-экономические комитеты", передав им часть организационных и контрольных функций. Большое внимание уделялось дальнейшей активизации партийных организаций и трудовых коллективов, усилению их роли в деятельности каждого предприятия, кооператива и учреждений.

Новшеством принципиальной важности для КНДР явилось стремление к значительному расширению ее экономических контактов с внешним миром (помимо социалистических союзников) и привлечению в свою экономику иностранного капитала. В 1984 г. был принят Закон о внешней торговле, намечавший резкое увеличение ее масштабов, прежде всего за счет повышения экспортного потенциала самой республики. Тогда же впервые в практике КНДР появился Закон о совместных предприятиях, санкционировавший разностороннее взаимовыгодное сотрудничество с иностранным капиталом на основе кооперационных связей и совместного предпринимательства. В последующие годы вышло несколько десятков законов и постановлений, создававших, по отзывам экспертов, благоприятные условия для иностранных партнеров. Предоставляемые льготы используются менее активно, чем хотелось бы. В КНДР и за ее пределами насчитывалось примерно 140 совместных предприятий, разных по размерам и видам деятельности. Многие из них учреждены в сотрудничестве с корейскими соотечественниками из Японии.

Меры властей КНДР по модернизации и ускорению развития экономики приносили определенные результаты. Однако с начала 1990-х гг. этот легкий сам по себе процесс столкнулся с большими трудностями. В 1990 г. СССР и другие страны разваливавшейся социалистической системы в торгово-экономических отношениях с КНДР перешли на мировые цены в свободно конвертируемой валюте, что сразу же резко ограничило возможности их сотрудничества. Последовавшие вскоре после того распад СССР и отказ от социализма восточноевропейских стран повлекли за собой нарушение ими многих важных обязательств перед КНДР, сказались на ее планах и расчетах.

События начала 1990-х гг. показали, что не стоит излишне абсолютизировать осуществляемые в КНДР идеологию и политику чучхе (дословно "сам себе хозяин"), в основе которых принципы опоры на собственные силы. Они играли и играют большую роль в мобилизации внутренних ресурсов республики, сохранении установленного там общественного строя и воспитательном воздействии на население, в определении позиции властей КНДР по всем вопросам, исходя исключительно из национальных интересов. Но они вовсе не

означают автаркии, полной независимости, хотя бы в экономике, от внешнего мира. Практика последнего времени наглядно свидетельствует об обратном. Исчезновение Советского Союза с его огромными материальными ресурсами и необъятным рынком, мощным научно-техническим потенциалом, дешевыми кредитами и другими льготами, представляемыми дружественным странам, оказалось более чем ощутимым для КНДР. Ведь целый ряд ее предприятий зависел от советских кредитов и поставок, ориентировался на советский рынок. СССР постоянно был главным торгово-экономическим партнером КНДР. Те экономические связи, которые имеются теперь у КНДР с Россией, не идут ни в какое сравнение с прежними (достаточно сказать, что товарооборот уменьшился в 15-20 раз). Другие страны, даже КНР, не в состоянии возместить того, что утрачено с развалом СССР.

Одним из результатов случившегося стало невыполнение третьего семилетнего плана развития народного хозяйства КНДР (1987-1993). Не "провал" плана, как у нас иногда утверждают, но отсутствие у государства возможности по некоторым его направлениям полностью достичь намеченных рубежей. Об этом, что тоже необычно для КНДР, было откровенно заявлено на официальном уровне. Не приходится говорить о "провале" уже потому, что в целом экономический потенциал республики, как сообщалось, все же возрос за годы семилетки в 1,5 раза. Преодолевая отставание от запланированных показателей, правительство разработало рассчитанный на 1993-1996 гг. план "регулирования" экономики, выделив в качестве приоритетных внешнюю торговлю, легкую промышленность, транспорт и сельское хозяйство с одновременным подтягиванием и остальных отраслей.

Видимо, все, что произошло тогда и впоследствии в экономике КНДР, не следует объяснять только внешними причинами. Сказались, наверное, также некоторые собственные просчеты и упущения. Так, например, можно полагать, что при составлении планов, как это бывало в прошлом и в СССР, допускалось определенное завышение контрольных цифр ради "мобилизующего" воздействия на работников народного хозяйства, стимулирования их инициативы. Огромные задачи в деле модернизации и ускорения развития экономики требуют столь же огромных материальных и финансовых средств, которых у КНДР на все явно не хватает. Много сил и средств, как уже говорилось, отвлекается на оборонительные цели. Но, вероятно, допускаются в каких-то случаях и неоправданные затраты, особенно при сооружении грандиозных зданий и мемориальных комплексов, потрясающих иностранных гостей, при проведении крупномасштабных пропагандистских акций и т.д.

В известной мере влияет и не совсем верное, слишком догматичное восприятие отдельными категориями исполнителей идей и принципов чучхе. На это обратил внимание нынешний лидер КНДР Ким Чен Ир еще в августе 1985 г. в речи перед аппаратом ЦК ТПК: "Сейчас наши руководящие работники думают, что освоение новейших достижений науки и техники зарубежных стран противоречит, по их мнению, требованиям о чучхейском развитии отечественной науки и техники. И не случайно, что они боязливо относятся к внедрению достижений передовой науки и техники. Стоит нашим товарищам, вернувшимся из поездки в зарубежную страну, упомянуть о развитии там науки и техники, как некоторые крикуны уже злословят: видишь, они забыли дух чучхе, погрязли в низкопоклонстве и т.д."⁷

Не будет, наверное, совсем уж ошибочным представление о том, что важные и нужные решения не всегда своевременно и полностью реализуются, с трудом порой преодолевают бюрократические преграды. На эти мысли наводят критические замечания Ким Чен Ира. Еще в 1979 г. на одном из со-

вещаний в ЦК ТПК он говорил: "Сейчас некоторые работники, цепляясь за всякие предлоги, откладывают в долгий ящик проведение в жизнь решений и директив партии... Часть из них, заразившись болезнью узковедомственности и приспособленчества, проявляет безответственность в работе по осуществлению решений и директив партии, а ответственность за неполадки в работе стремится переложить на других"⁸. Более резко он высказывался по этому поводу в 1986 г.: "...Бывают и такие случаи, когда не соблюдают принципа абсолютности и беспрекословности в отношении указаний великого вождя и курса партии, а перед трудностями проявляют колебание и допускают приспособленчество, попав в плен пораженчества"⁹.

Выше изложены предположения автора о некоторых внутренних факторах, негативно отразившихся на экономике КНДР. Можно не сомневаться, что в самой КНДР их непременно анализируют, причем, естественно, более обстоятельно и глубоко. Судя по трудам Ким Чен Ира последних лет, там внимательно присматриваются к тому, что привело к распаду СССР и неудачам социализма. Из этого печального опыта наверняка делаются по всем направлениям, прежде всего в экономике, надлежащие выводы для КНДР.

Между тем, несмотря на все осложнения и трудности, экономический и культурный прогресс КНДР не остановился. Правительство изыскало возможности в 1992 г. значительно увеличить заработную плату рабочим и служащим, пенсии и стипендии учащимся, повысить закупочные цены на продукцию сельского хозяйства. Продолжалось строительство и реконструкция промышленных предприятий, транспортных артерий, жилья и культурно-бытовых объектов. Предметом гордости является открытая в Пхеньяне к 50-летию ТПК (1995 г.) Выставка достижений трех революций (идеологической, технической и культурной). Начата большая работа по всеобщей компьютеризации. В Пхеньяне в 1990 г. учрежден Корейский компьютерный центр, занимающийся разработкой автоматических систем управления, подготовкой соответствующих программ, пользующихся спросом в стране и за рубежом.

Крупный шаг был сделан в налаживании сотрудничества с иностранным капиталом. В 1991 г. правительство приняло решение о поэтапном создании (в течение 17 лет) на крайнем северо-востоке КНДР, в районе городов Наджин-Сонбон обширной (площадью свыше 600 кв. км) Свободной торгово-экономической зоны (СТЭЗ). Условия ее функционирования и возможные выгоды привлекли внимание фирм Японии, КНР, Гонконга, Южной Кореи, других стран. В 1992 г., когда наметилось некоторое сближение между КНДР и РК, с подачи южнокорейской стороны обсуждался вопрос о еще одной СТЭЗ - на западе, возле промышленного центра и порта Нампхо. Однако дальше обмена мнениями тогда не пошли, поскольку межкорейские контакты вскоре были прерваны из-за надуманной "ядерной проблемы".

Почти незамеченным прошло у нас принятие в апреле 1992 г. нового варианта "Социалистической Конституции КНДР". В ней много примечательного: впервые внесена статья о руководящей роли ТПК, уточнена характеристика государства (диктатура не пролетариата, а народной демократии), сняты упоминания о марксизме-ленинизме и пролетарском интернационализме, проведена "чужезизация" всех основных положений Конституции. Расширены полномочия ВНС, зато у президента республики они несколько сужены. Впервые введен раздел о Комитете обороны КНДР (его председатель сейчас - Ким Чен Ир), которому передано все руководство вооруженными силами и оборонным строительством. Новые тенденции в социально-экономическом курсе подкреплены статьями о том, что государство "обеспечивает законные права и интересы иностранных граждан" на его территории и "поощряет со-

вместное и кооперативное предпринимательство учреждений, предприятий, организаций нашей страны и юридических или частных лиц зарубежных стран"¹⁰.

В июле 1994 г. скончался Ким Ир Сен - основатель и первый президент КНДР, Генеральный секретарь ЦК ТПК. Автору данной статьи довелось вскоре после этого побывать в КНДР и лично удостовериться в том, как глубоко и искренне горевали там люди об этой утрате. Многие за рубежом, в том числе и в России, надеялись, что существующий в КНДР политический режим со смертью его создателя рухнет. Но их ожидания не оправдались. Руководство страной и партией плавно перешло к сыну и соратнику покойного лидера - Ким Чен Иру, которого уже давно привыкли воспринимать вторым лицом в республике, общепризнанным преемником вождя. По прошествии традиционного для Кореи траурного трехлетия, Ким Чен Ир в 1997-1998 гг. официально вступил на высшие посты в ТПК и государстве, что встречено в корейском обществе как нечто само собой разумеющееся. В очередной раз недругам КНДР пришлось согласиться с тем, что утверждения о ее идейно-политической консолидации не лишены основания.

Тяжелейший удар по КНДР, как известно, нанесла стихия. Климатические условия никогда не были благоприятными в Северной Корее, но в последнее время они заметно ухудшились. В 1994 г. там случилась засуха; в 1995 г. - беспрецедентное наводнение, захватившее 3/4 всей территории и нанесшее материальный ущерб, по самым скромным подсчетам, в 15 млрд. долларов; в 1996 г. - снова наводнение, меньше предыдущего по масштабу (ущерб 1,7 млрд. долларов), но затронувшее западные и центральные хлебобродные районы; в 1997 г. - еще раз засуха, погубившая часть обещавшего быть неплохим урожаем (недобраны примерно 1,2 млн. т кукурузы и более 600 тыс. т риса). Часто, когда у нас и за рубежом говорят о последствиях для КНДР стихийных бедствий, имеют в виду только сельское хозяйство (гибель урожая, уничтожение с таким трудом обустроенных рисовых полей, разрушение жизненно важной оросительной системы и т.д.). Но от стихии пострадали также многие населенные пункты, предприятия, транспортные магистрали, линии связи, что еще более увеличило понесенный республикой колоссальный урон.

В сложившейся, поистине драматической ситуации правительство КНДР обратилось за помощью к международному сообществу. Это тоже впервые в истории КНДР (хотя критические ситуации случались и раньше) и тоже косвенно отражает тенденцию к расширению ее контактов с внешним миром. Международные организации и многие страны откликнулись на призыв о помощи, содействуя частичному удовлетворению продовольственных нужд республики.

Ликвидация тяжких последствий разгула стихии требует много времени, огромных сил и средств. Естественно, что она занимает сейчас центральное место в деятельности ТПК, правительства, всего народа КНДР. Ведутся большие работы по очистке от песка и ила и восстановлению рисовых полей, ирригационных сооружений, хозяйственных построек, дорог, мостов, линий связи. Берега моря и рек укрепляются дамбами, древесными насаждениями. Принимаются меры к пополнению парка сельскохозяйственной техники, улучшению семенного фонда за счет более урожайных и устойчивых культур. Увеличиваются поставки минеральных удобрений, в том числе при содействии из-за рубежа. Нехватку продовольствия, помимо иностранной помощи, стараются восполнить посредством расширения подсобных хозяйств предприятий и учреждений, создания хозяйств прудового рыбоводства, грибных плантаций и т.д. Возрождаются некоторые пострадавшие предприятия, недостаток особенно остро сейчас необходимой электроэнергии возмещают ускорен-

ным строительством на горных реках и ручьях нескольких сотен средних и малых ГЭС. Большие надежды возлагаются на огромную по масштабам Кымгансанскую ГЭС, первая очередь которой завершена в 1996 г.

Стихийные бедствия нанесли удар и по программе модернизации КНДР, но также не смогли ее полностью сорвать. Продолжается создание Наджин-Сонбонской СТЭЗ: организуется соответствующая инфраструктура, готовятся кадры корейских рабочих и специалистов, которым предстоит там трудиться, совершенствуется законодательная база существования СТЭЗ. К середине 1996 г. было подписано свыше 150 контрактов, предусматривающих иностранные капиталовложения в этой СТЭЗ в размере 350 млн. долларов. В сентябре 1996 г. там состоялась конференция представителей заинтересованных фирм из многих стран. Правительство КНДР выдвинуло на рассмотрение ее участников 119 промышленных и строительных проектов на сумму 850 млн. долларов, что свидетельствует о масштабности его намерений¹¹. Далеко не все предложения приняты и не все заключенные соглашения реализуются, но количество объектов приложения иностранного капитала постепенно растет.

От провинциальных, уездных и городских властей руководство КНДР требует энергичнее использовать местные экономические возможности, соблюдать режим экономии. Меняется система планирования в сельском хозяйстве: плановые наметки устанавливаются не от достигнутого прежде рекордного уровня, а по среднегодовым показателям за последние 10 лет. Основная производственная ячейка - звено имеет теперь право реализовать по собственному усмотрению не часть, а всю сверхплановую продукцию. При содействии государства активизировалась деятельность бригад надомников, производящих не только ремесленные изделия, но и продукты питания. Разрешена уличная и расширена рыночная торговля, причем сняты ограничения на рис, считавшийся прежде монополией государства. В пограничных с Китаем районах с ведома и при участии властей осуществляется бартерный обмен продовольствием и товарами.

Появляющиеся в КНДР качественно новые явления не остаются незамеченными за рубежом. Вот, что, например, утверждалось недавно в Специальном докладе Института мира США: "Возможно, наиболее значительными экономическими событиями в Северной Корее после смерти Ким Ир Сена являются передача де-факто экономической власти и ответственности от центрального правительства местным властям, экономическое проникновение в КНДР внешних сил и превращение обанкротившейся (default) экономической структуры КНДР из основанной на центральном планировании, регулирующем спрос и предложение, в такую, где рыночные механизмы - хотя и искаженные коррупцией и особыми привилегиями - играют ключевую роль"¹². Не соглашаясь с несправедливостью некоторых оценок, следует, видимо, признать, что общая тенденция изменений социально-экономической ситуации в КНДР выявлена достаточно верно.

Позитивные сдвиги в КНДР, надо думать, были бы интенсивнее и глубже, если бы она, помимо продовольствия, получала более содержательную внешнюю помощь и поддержку. В отношении этой страны Запад вообще ведет себя весьма двусмысленно. С одной стороны, от нее требуют "открытости", прекращения "самоизоляции". КНДР готова к этому, в разумных, по ее пониманию, пределах (последний тому пример - открытие ее воздушного пространства для гражданской авиации всех стран, включая РК). Но, с другой стороны, ее держат в условиях фактической блокады, оказывают силовое давление, добиваясь недопустимых для нее уступок. Возглавляют этот неразумный курс США, нарушая взятые на себя по Рамочному соглашению 1994 г. об

урегулировании проблем корейской ядерной энергетики обязательства нормализовать отношения с КНДР и наладить с ней экономическое сотрудничество. Даже вновь избранному президенту РК Ким Тэ Чжуну не удалось пока уговорить власти США отменить экономические санкции против КНДР. Тем самым ее принуждают оставаться в положении "осажденной крепости", что, конечно же, никак не на пользу миру, стабильности, экономическому благополучию региона.

* * *

Пятидесятилетие КНДР и РК, пусть для каждой из них по-своему, - радостный и торжественный праздник. Но он одновременно и очень печальный. Ведь это также полувековой юбилей раскола Кореи, до сих пор отдающего болью в сердцах всех корейцев и их друзей во всем мире. Нетерпимость раскола все острее ощущается по обе стороны 38-й параллели. "Наша корейская нация, - писал Ким Чен Ир в августе 1997 г., - тысячелетиями обитала на одной общей территории как единая нация. Оставаясь расколота внешней силой на две части, ей не избежать национальных несчастий и бедствий, не избавиться от господства и кабалы внешних сил. Только в объединении лежит единственно верный путь - путь к полному утверждению суверенитета страны и нации, сохранению чести и достоинства нации, приумножению богатства и могущества Родины и нации, их процветанию"¹³. К движению "по широкой дороге и объединению" на основе уже существующих, но не действующих межкорейских соглашений призвал, вступая в должность в феврале 1998 г. президент РК Ким Тэ Чжун. "Я не могу не чувствовать, - говорил он, - безграничного стыда перед нашими предками, которые сохраняли единую страну более чем 1300 лет"¹⁴.

Все 50 лет своего существования КНДР добивается доступными ей способами мирного объединения Кореи. Эта страница ее "биографии" освещена у нас довольно широко (хотя часто односторонне). Поэтому напомним лишь, что в основе объединительной программы КНДР - идея сплочения Севера и Юга на принципах "великой национальной консолидации" (т.е. при широком участии всех патриотических сил, а не только правительств), создания ими Демократической Конфедеративной Республики Коре. В России и за рубежом, прежде всего в РК, не до конца еще вникли в те благоприятные возможности, которые, как нам кажется, способна предоставить реализация этих предложений КНДР делу взаимопонимания и продвижения к единству двух частей Кореи. Некоторые надежды порождает то, что в недавнем прошлом сходные идеи высказывал нынешний глава РК Ким Тэ Чжун¹⁵.

Межкорейский диалог, без которого невозможно сближение Севера и Юга, так многообещающе начатый в 1991-1992 гг., был прерван под давлением США из-за "ядерных подозрений" в отношении КНДР и заморожен все последующие годы. Возобновить его трудно, слишком много накопилось взаимных обид и претензий. Тем не менее отдельные признаки его оживления все же проявляются. Товарооборот между РК и КНДР (через третьи страны) в 1997 г. приблизился к 300 млн. долларов. Они взаимодействуют в Наджин-Сонбонской СТЭЗ, в перестройке ядерной энергетики КНДР и устранении ее продовольственных трудностей, обсуждают некоторые проекты экономического сотрудничества, хотя оно осложнено обрушившимся на РК в конце 1997 г. финансовым кризисом. Новый президент РК Ким Тэ Чжун не раз высказывался за восстановление межкорейского диалога, в том числе на высшем уровне.

Встречные сигналы поступают из Пхеньяна. В апреле 1998 г. там состоялась конференция, посвященная 50-летию первого Объединенного совещания представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, о котором упоминалось в начале статьи. К ее участникам обратился Ким Чен Ир с посланием "Великой национальной консолидацией осуществить самостоятельное и мирное воссоединение Родины". В нем руководитель КНДР, в частности, говорил о необходимости оздоровить отношения между Севером и Югом, признать существование у них различных систем и идеологий и на этой основе добиваться согласия и примирения, обеспечивать сосуществование, сопроцветание и общие интересы, вместе прокладывать путь к объединению Кореи¹⁶.

Весьма симптоматично выглядит посещение КНДР в июне 1998 г. Чон Чжу Еном - главой крупнейшего южнокорейского промышленно-финансового конгломерата "Хендэ". Ему первому в послевоенный период разрешили прибыть туда не окружным путем, через Пекин, а напрямую - через переговорный пункт на 38-й параллели Пханмунджом. Чон Чжу Ен передал в дар КНДР 500 голов крупного рогатого скота, заключил с ее властями соглашение о создании туристического центра в главном курортном районе КНДР - горах Кымгансан, вел переговоры о других объектах сотрудничества. Ему был оказан в КНДР достаточно уважительный прием¹⁷. Можно надеяться, что этот контакт не останется единичным.

Хочется верить, что теперь, когда прошло полвека со времени раскола Кореи и он угрожает стать в полном смысле слова вечным, стороны не ограничатся, как не раз бывало, "демонстрационным эффектом" и начнут делать реальные шаги к ликвидации национальной трагедии корейского народа, к воссоединению своей многострадальной Родины, чего страстно желает подавляющее большинство населения и на Севере, и на Юге.

* * *

Свое 50-летие КНДР отметила в обстановке политического и трудового подъема, откликаясь на выдвинутый в начале 1998 г. призыв ТПК и правительства отметить юбилей достижениями в выполнении стоящих перед ней больших и ответственных задач, в укреплении и развитии социалистического строя. Республика может по праву многим гордиться, хотя ей сейчас очень нелегко. Мы лишь в незначительной части коснулись того, чем она живет, что решает, над чем работает. В полной мере об этом, к сожалению, трудно судить: сама КНДР "не балует" конкретной информацией, а зарубежным, чаще всего предвзятым, источникам и суждениям "наблюдателей" трудно верить.

В предшествующие несколько лет в КНДР свою жизнь и борьбу с бедствиями называли "трудным походом", сравнивая их с тяжелейшими условиями, в которых Корейская народно-революционная армия Ким Ир Сена в конце 1930-х гг. сражалась с превосходящими силами японских оккупантов. Нынешний период столь же образно назван "форсированным маршем", из чего следует, что главное его содержание - активный и напряженный труд всего народа для устранения обрушившихся на него невзгод, искоренения имеющихся недостатков и препятствий, чтобы двинуться к новым, более высоким рубежам в экономическом и культурном строительстве. Друзья КНДР от души желают ей успехов на этом пути.

1. Korean Unification. Source Materials with Introduction. Research Center for Peace and Unification. Seoul. 1976, p. 103-104.
2. Ким Ир Сен. Сочинения. Т. 4. Пхеньян. 1981, с. 347-348.

3. Архив внешней политики РФ. Фонд 1 ДВО. Реф-ра по Корее. Опись № 8. Пор. № 6. Инв. № 042. Папка № 6. Информация из Северной Кореи (переданная по бодо сельская радиоинформация), л. 75.
4. Korean Unification, p. 109-110.
5. Стенограмма первой сессии Верховного народного собрания Кореи, состоявшейся в период с 2 по 10 сентября 1948 г. в г.Пхеньяне, с. 268.
6. Ким Ир Сен. Сочинения. Т. 4, с. 443-444.
7. Ким Чен Ир. О дальнейшем развитии науки и техники. Пхеньян, 1989, с. 12.
8. Ким Чен Ир. О последовательном установлении системы партийного руководства, Пхеньян, 1988, с. 3.
9. Ким Чен Ир. О некоторых вопросах воспитания на идеях чучхе. Пхеньян, 1987, с. 27.
10. Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, 1993, с. 3, 7.
11. "Пульс Планеты". 10.07.1996 ("АК-9"), 16.09.1996 ("АК"-7, 8).
12. United States Institute of Peace. Soecial Report. Challenges of Building a Korean Peace Process. Political and Economic Transition on the Korean Peninsula, Washington, June 1998, p. 7.
13. Ким Чен Ир. Последовательно претворять в жизнь заветы великого вождя товарища Ким Ир Сена в деле воссоединения Родины. Палея. М. 1997, с. 3.
14. Korea Observer. Vol. XXIX, N 1. Spring 1998, p. 231.
15. Ким Тэ Чжун. Южная Корея: драмы и надежды демократии. М., 1992, с. 275.
16. "Нодон синмун". 18.04.1998.
17. Vantage Point. July 1998. Vol XXI, N 7, p. 11-13.

Российско-монгольские отношения: реальность и перспективы

© 1998

Г.Яскина

20 января 1993 г. Российская Федерация и Монголия заключили между собой Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве - документ, скрепленный подписями Президента РФ Б.Н.Ельцина и первого в истории Монголии Президента П.Очирбата.

Договор отразил не только назревшие перемены в характере российско(советско)-монгольских отношений, но и зафиксировал пересмотр обоими государствами своих внешнеполитических доктрин, их курс на либерализацию внешней политики в целом и двусторонних отношений, в частности. Подписание этого правового акта состоялось после принятия в России и Монголии новых конституций, нацеливающих на развитие политической демократии и создание современной рыночной экономики в обеих странах. Но при этом был сделан акцент на сохранение преемственности традиционных дружественных связей при определенной прагматизации задач сотрудничества, переходе к соблюдению экономического и морального требования рыночных отношений во внешнеэкономических связях - эквивалентному обмену. Этот переход диктовался не только общецивилизационными нормами отношений, принятыми в мировой практике, но и был обусловлен трудностями, переживаемыми Россией и Монголией - экономическим кризисом, падением экспортных потенциалов, блокировкой инвестиций, ростом инфляции и потребительских цен.

Российская Федерация при этом отказалась от одного из основополагающих принципов внешней политики СССР, именуемого пролетарским или социалистическим интернационализмом, который обязывал его предоставлять постоянную помощь более отсталым странам ("младшим братьям") - членам мировой социалистической системы. Отказ России от такого рода спонсорства сделал Монголию более свободной в выборе новых внешнеполитических и торгово-экономических партнеров, хотя одновременно усугубил ее экономические трудности, так как Монголия еще только начинала налаживать более широкие деловые связи с внешним миром.

Другим фактором, определившим необходимость заключения Договора 1993 г., был вывод советских войск с территории Монголии. Это лишило ее "зонтика безопасности", но вместе с тем позволило улучшить отношения с Китаем и открыло возможности выступать на международной арене более свободно и инициативно, способствовало росту внимания к Монголии со стороны зарубежных стран.

К договорному оформлению новых взаимоотношений Россия и Монголия шли долгим путем, и было на этом пути многое: совместные бои на Халхинголе, общее участие в войне против империалистической Японии, коллективный труд советских и монгольских строителей на сооружении Улан-Баторской железной дороги, крупнейшего в Азии медно-молибденового комбината "Эрдэнэт", экономического комплекса в Дархане. Но были и далеко не светлые страницы: политические репрессии в МНР типа сталинских чисток, подталкивание Монголии к форсированию социалистических преобразований, не всегда четко продуманная и обоснованная экономическая политика. Гипертрофированная привязка монгольской экономики к советской сделала ее зависимой от СССР и означала неизбежность пребывания в зоне советского влияния, а сбои в экономике страны-спонсора должны были немедленно и болезненно отражаться на стране-реципиенте. Это подтверждается историческим опытом.* К середине 1980-х гг. в экономике СССР особенно отчетливо проявилась тенденция к отставанию от других, более динамично развивающихся стран мира - США, государств Западной Европы, где подошел к завершению переход на интенсивный путь развития и начинался новый этап НТП. На Востоке также наблюдались высокие темпы экономического роста новых индустриальных стран и Китая.

В конце 1980-х - начале 1990-х гг. в хозяйственном сотрудничестве России и Монголии под вопросом оказались сам его характер, кредитные отношения и т.д. Однако с обеих сторон возобладала готовность преодолеть накопившиеся противоречия и строить связи на принципиально новых основах. Подписанию Договора 1993 г. предшествовало принятие Декларации о дружбе и добрососедском сотрудничестве между РСФСР и МНР от 12 февраля 1991 г. в ходе официального визита в Москву премьер-министра первого сформированного в ходе демократических преобразований в Монголии правительства Д.Бямбасурэна.

В Декларации были провозглашены взаимный отказ от идеологических подходов к вопросам двустороннего сотрудничества, обоюдная готовность развивать всесторонние связи и контакты в новых условиях.

Российско-монгольский договор 1993 г., опираясь на положения Декларации о дружбе и добрососедском сотрудничестве, закрепил новые принципы взаимоотношений двух суверенных независимых государств и открыл широкие перспективы для укрепления и дальнейшего развития политических, экономических и гуманитарных контактов между двумя странами. В связи с этим утратил силу Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой от 15 января 1966 г.

Появление на свет нового Договора имело важное международное значение. Его содержание и характер свидетельствуют о развитии отношений

* Техничко-экономическая помощь Советского Союза другим странам, в том числе Монголии, способствовала их экономическому развитию, хотя и сопровождалась политическими и прочими издержками, содействовала решению целого ряда жизненно важных проблем, связанных с организацией здравоохранения, народного образования, становлением научной базы и т.д. Но при этом она была производной от общего положения и динамики развития советской экономики, отстающего от мирового уровня. Монголия, которая сама не производила средств производства, необходимых для индустриализации и развития сельского хозяйства, была не в состоянии обеспечить скопление производственных фондов, обеспечивающих устойчивый экономический рост. В итоге к началу 1990-х гг. на плаву держались лишь самые крупные монгольско-советские совместные предприятия.

между странами на более высоких демократических принципах. Это, заметим, не означает, что советско-монгольский Договор 1966 г., равно как и предшествовавшие ему договоры и соглашения между СССР и МНР, можно отнести к типу документов, ущемляющих интересы одной из сторон. В свое время все они отражали вполне конкретные реалии и расстановку сил на Дальнем Востоке, сыграли конструктивную роль в поддержке мира в Азии. Продолжающийся сейчас с согласия обеих сторон пересмотр содержания большинства этих документов - неизбежная дань изменениям международной обстановки, курсу России и Монголии на политические и экономические реформы.

Более глубокая демократическая сущность нового Договора, по сравнению, например, с Договором 1966 г.,* заключается в том, что он, предполагая развитие сотрудничества между Россией и Монголией по самым широким направлениям, не связывает при этом договаривающиеся стороны взаимными обязательствами военного, союзнического характера и открывает простор для развития связей с учетом национальных интересов каждой из них. Как говорится в тексте Договора, он "не затрагивает обязательств по действующим двусторонним и многосторонним договорам и соглашениям, заключенным сторонами с другими государствами" (статья 118)¹.

Международное значение Договора 1993 г. определяется также тем, что он пополнил собой систему новых международных правовых актов, заключенных Россией с другими государствами после дезинтеграции СССР, и внес таким образом конструктивный вклад в формирование нового типа безопасности в АТР, основанного не на силовых, а на альтернативных им методах решения возникающих противоречий и разногласий. В этом документе содержатся все доказательства того, что и Российская Федерация, и Монголия относятся друг к другу как суверенные независимые страны, что они "рассматривают друг друга как дружественные государства и будут в своих отношениях руководствоваться принципами уважения суверенитета и независимости, суверенного равенства, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, уважения прав человека и основных свобод, равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, добросовестного выполнения обязательств, добрососедства, партнерства и сотрудничества" (статья 1). При этом Россия заявила, что "будет уважать политику Монголии, направленную на недопущение размещения на ее территории и транзита иностранных войск, ядерного и других видов оружия массового уничтожения" (статья 4).

Примечательно, что Договором предусматривается и механизм сотрудничества: обмен мнениями на разных уровнях, незамедлительные консультации по просьбе одной из сторон, считающей, что под угрозой могут оказаться интересы ее безопасности; сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе. Следовательно, в российско-монгольском Договоре 1993 г. не заложена возможность волевого, силового подхода к решению возникающих проблем.

И, наконец, следует еще раз подчеркнуть гуманитарную направленность данного Договора, предписывающего уважение прав человека во всем их многообразии в соответствии с принципами Организации Объединенных Наций.

В целом содержание Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г.

* Полный текст документа приведен в сборнике материалов и документов "Советско-монгольские отношения. 1921-1974", Том 2, Часть II, М.: Международные отношения; Улан-Батор: Госиздат, 1979, с. 1-4.

отвечает прогрессивным тенденциям развития современных международных отношений, духу и букве конституции как РФ, так и Монголии, что придает ему реалистичный и конструктивный характер.

Важным вопросом остается перевод договорных статей в сферу практических действий. За истекшие пять лет в отношениях между Россией и Монголией достигнуто немало позитивных результатов. С нашей точки зрения, первый и решающий успех - это восстановление взаимного доверия, которое если и не было нарушено на государственном уровне, но все-таки подвергалось немалым испытаниям в конце 1980-х - начале 1990-х гг. Исполнение Договора обеими сторонами убеждает в том, что между нашими народами сохраняется чувство взаимной симпатии, готовность к взаимопониманию.

Достигнуты большие успехи в деятельности дипломатических ведомств обоих государств по уточнению границ. Тронулось с места решение такой острой проблемы как задолженность Монголии российской стороне, сложившейся в годы сотрудничества СССР и МНР. Конструктивное решение этой проблемы обоюдовыгодно: России будет возвращен монгольский долг, а риск кредитования монгольского государства в глазах других стран и международных финансовых учреждений будет сокращаться.

В ходе реализации договорных статей определелись и точки соприкосновения национальных интересов России и Монголии в вопросах внешней безопасности. Они отражены в таких документах как Концепция национальной безопасности Монголии (1994 г.) и Концепция национальной безопасности Российской Федерации (декабрь 1997 г.). В них отразилась заинтересованность каждой стороны в стабилизации политической обстановки в АТР, в регионе Северо-Восточной Азии.

Принятие нового договора активизировало политические контакты России и Монголии. В 1994 г., через год после подписания Договора, состоялся визит монгольской парламентской делегации в Москву, в ходе которого был принят меморандум, нацеленный на расширение сотрудничества между двумя странами, достигнута договоренность о сотрудничестве на уровне парламентов - подписаны протоколы о переговорах, касающихся контактов между парламентскими группами Россия-Монголия Госдумы и Монголия-Россия ВГХ. В целом же за истекшее пятилетие дважды посетили Российскую федерацию высшие руководители Монголии - президент и премьер-министр. Обменялись визитами спикеры парламентов обоих государств и министры иностранных дел. Более двух десятков взаимных визитов пришлось на отраслевые министерства и ведомства. В общей сложности за указанное время между Россией и Монголией было подписано более 50 межправительственных соглашений и протоколов о сотрудничестве в конкретных областях. На 1998 г. намечен визит главы российского правительства в Монголию. Все эти связи и намерения о сотрудничестве еще раз подтвердили, что в отношениях России и Монголии фактически нет проблем политического характера, препятствующих расширению и углублению двусторонних связей. У наших двух стран есть общая граница, взаимосвязанная экономическая и транспортная инфраструктура, взаимодополняющие рынки. Однако, если политические отношения России и Монголии характеризуются динамичной стабильностью и развиваются по нарастающей, то экономическое сотрудничество носит на себе отпечаток кризисной ситуации и ее последствий в национальных экономиках. Ни в России, ни в Монголии экономика пока еще не достигла того уровня развития, чтобы стороны могли в полной мере реализовать намерения, изложенные в Договоре 1993 г. и в большинстве соглашений.

Что касается России, то и сегодня, в 1998 г., ее экономика, как известно, находится в состоянии деперессивной стабилизации.

В Монголии же, по сообщению Монгольского центрального телеграфного агентства, демократические перемены в начале 1990-х гг. сопровождался упадком производственных мощностей. В 1996 г. производство ВВП сократилось на 46,9%, по сравнению с предреформенным 1989 г., что было связано с гиперинфляцией и общим кризисом в экономике в условиях перехода от административно-командной системы управления народным хозяйством к рыночной². Однако наметились в 1997 г. и позитивные сдвиги, когда рост ВВП составил 3,3%, поголовье скота в стране увеличилось до 31,3 млн. голов и впервые дала о себе знать тенденция к улучшению положения дел в земледелии. Эти показатели (предварительные) дали основание премьер-министру Монголии М.Энхсайхану оценить 1997 г. как год подготовки платформы для старта стабильного и более интенсивного развития Монголии³. По данным, приведенным в совместном пресс-релизе Правительства Монголии и Мирового банка в октябре 1997 г., дефицит ВВП страны должен был составить в году 11% и сократиться в 1999 г. до 9%⁴.

Тем не менее восполнить потери за прошлые годы и обеспечить экономический рост обеим странам пока не удается, это задача не одного года. Объем внешнеторгового оборота России и Монголии в силу перечисленных причин, к сожалению, пока не отражает тенденции к росту. Противодействуют ей и такие не поддающиеся статистическому учету факторы, как инертность и бюрократизм торгово-экономических организаций, низкий уровень исполнения решений и т.п. Нельзя упускать из виду и криминализацию экономики обеих стран. Открываясь мировому сообществу, Россия подвергается воздействию такой интернациональной проблемы как коррупция. Но даже и в этих условиях Россия продолжает занимать лидирующее место в ведущих отраслях монгольской экономики и внешней торговли.

Совместные предприятия, созданные на территории Монголии при участии государственных инвестиций Советского Союза, ныне представляют собой крупные, высокотехнологичные промышленные комплексы с развитой производственной инфраструктурой и социальной сферой, обладающие потенциалом, достаточным для дальнейшего развития горнорудной промышленности и цветной металлургии. В последние годы доля российско-монгольских СП в совокупном объеме монгольского экспорта составляет примерно 60%. Один только горнообогатительный комбинат "Эрдэнэт", выпускающий медные и молибденовый концентраты, обеспечивает более 50% экспорта Монголии и значительную часть валютных поступлений в ее бюджет⁵.

Набирает силы другое монгольско-российское предприятие - "Монголросцветмет", второе по объему производства после "Эрдэнэта" объединение. В 1997 г. оно выпустило 131 тыс. т флотационного шпатового концентрата, 41 тыс. т металлургического концентрата, выдало на гора 146 тыс. т каменного угля и добыло 2274 кг золота⁶.

Намечается реализация ряда совместных проектов, в том числе строительство газопровода, который протянется из России в Китай через территорию Монголии. За счет российского кредита будет сооружена гидроэлектростанция в Западной Монголии мощностью 12 мВт.

Начали укрепляться экономические связи Монголии с отдельными регионами России. В 1997 г. были проведены консультации и переговоры монгольских геологов с компанией "Алмазы-Россия-Саха" Республики Якутия о разработке алмазных месторождений на территории Монголии, достигнута

договоренность об освоении объединенными усилиями одного из месторождений золота на севере страны⁷.

Ныне в Монголии функционирует свыше 150 монголо-российских предприятий. В итоге около 30% иностранных инвестиций в монгольскую экономику принадлежат России. Вместе с тем инвестиционная активность РФ в республике переживает трудные времена из-за отсутствия кредитов. Центробанк РФ оказался открыт свой филиал в Улан-Баторе, хотя во время поездки в монгольскую столицу его председатель С.К.Дубинин подписал с руководством Монголбанка ряд документов о межбанковском сотрудничестве⁸. Сотрудничество же с коммерческими банками России стоит пока под вопросом. Видимо, им недостаточно известен денежный рынок Монголии, возможности банковских гарантий и т.д. Кроме того, от риска так называемых коротких кредитов, выдачу которых охотнее всего осуществляют коммерческие банки, Монголию должен предостерегать азиатский финансовый кризис. Но поиски обоюдовыгодных решений, касающиеся инвестиций, продолжаются.

Монгольско-российскому сотрудничеству препятствуют и другие обстоятельства. Из-за недостатка кредитов Россия не участвует в конкуренции с другими странами, успешно осваивающими незанятые ниши на монгольском рынке. Ослабли ее позиции в угольной промышленности и энергетике, где преобладают американские и японские капиталы, в добыче урана и разработке нефтяных месторождений, куда устремились инвестиции США, в сооружении дорог и инженерных коммуникаций, инвестируемого Азиатским банком развития. Жилое строительство и создание социальной инфраструктуры, в которых Советский Союз принимал самое широкое участие, сейчас финансируется другими странами. К тому же Россия вынуждена жестко отстаивать свои национальные экономические интересы на внешних рынках, проводя соответствующий курс. В частности, по-видимому, будет сохраняться высокий уровень таможенных пошлин для переходного периода в пять-семь лет, "пока не произойдет реструктуризация промышленности и не начнется подъем производства"⁹.

Такая политика РФ по отношению к Монголии, стране, которая еще только пытается вырваться из кризиса, неизбежно ведет к сокращению объемов монгольского экспорта в Россию. Для большинства монгольских товаров (кожаные, меховые, овчинно-шубные и ковровые изделия) импортная пошлина составляет 25-30%, не считая налога на новую добавочную стоимость, равную 20%.¹⁰ Подобная ситуация в сфере российско-монгольской внешней торговли не изменится, если стороны не договорятся о смягчении таможенных пошлин России на монгольские товары в виду исключительных обстоятельств. Это наверняка возможно, так как между РФ и Монголией существуют договоренности о предоставлении режима наибольшего благоприятствования и пользовании схемой преференций.

С монгольской стороны, на наш взгляд, также требуются определенные усилия для улучшения условий торгового обмена с Россией. Речь идет о необходимости повышения качества монгольских товаров. На конец 1997 г. в Монголии действовало около 3500 стандартов, из которых только 5,6% отвечало требованиям международных норм стандартизации, в том числе продукция ведущих предприятий страны по производству кашемира и медного концентрата, которой не исчерпывается структура монгольского экспорта в Россию. Но надежды на улучшение положения имеются - Монгольский национальный центр стандартизации и метрологии планирует довести показатель стандартизации международного уровня до 15%¹¹.

Таким образом, пятилетие действия Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г. высветило как основное достижение в развитии российско-монгольских отношений, которое мы определяем динамичной стабилизацией, так и трудности в сфере экономического сотрудничества по линии инвестиций, внешнеторгового товарооборота и некоторые другие. Поэтому уровень внешнеэкономических связей между РФ и Монголией практически соответствует уровню и темпам перехода их национальной экономики к современным рыночным отношениям. Опережающее политическое развитие по линии демократизации общественной жизни по сравнению с экономикой – явление закономерное в условиях переходного периода, оно открывает путь к постепенному наращиванию международного торгово-экономического и научно-технического сотрудничества по мере преодоления последствий социально-экономических потрясений. В связи с этим можно утверждать, что взаимоотношения России и Монголии в рамках Договора 1993 г. воплотили в себе основные черты переходного этапа истории, в который вступили многие страны, демократизирующие свои политические и экономические системы. От уровня и динамики российско-монгольских отношений в какой-то мере зависит развитие международной ситуации на Дальнем Востоке, в том числе российско-китайских и монгольско-китайских отношений, и следовательно, мир и спокойствие на азиатских границах РФ и Монголии, внешнеполитическая и экономическая безопасность двух стран. Следовательно, углубление и совершенствование российско-монгольских отношений лежит в русле государственных интересов обеих стран, тем более, что для этого у них есть все необходимые предпосылки: опыт традиционных политических, экономических и культурных связей, непосредственная географическая близость, известная общность исторических судеб, схожесть проводимых реформ. Однако инерция развития экономических отношений себя исчерпала, а формирование новых современных рыночных контактов происходит медленно, и пока этот процесс проложит себе дорогу и произойдут качественные сдвиги, следует активизировать параллельные пути к сближению. На наш взгляд, большего внимания и усилий требует развитие гуманитарных связей: известно, что именно они всегда способствуют взаимопониманию и углублению доверия между народами. Окончательное решение о смягчении визового режима в отношении монгольских граждан, урегулирование других проблем того же рода могли бы сыграть конструктивную роль для развития двусторонних отношений. Требуется более подробная и широкая информированность российских деловых кругов, в том числе банковских, и налаживание непосредственных живых контактов в этой сфере. В настоящее время при отсутствии достаточного финансирования трудно ставить вопрос об увеличении обменов учеными, работниками науки, культуры и искусства, но можно энергичнее продвигать создание совместных трудов, шире популяризировать в средствах массовой информации данные о ходе выполнения договорных обязательств, об изменениях таможенного законодательства и условий инвестирования иностранных капиталов в монгольскую экономику и т.д. В России должны внимательнее относиться к предложениям монгольской стороны по отдельным вопросам сотрудничества.* Им нужна более широкая информационная поддержка.

* Мало замеченным прошло, например, в России предложение о наборе российских рабочих на стройки Монголии для работы на заводах и электростанциях, оснащенных оборудованием советского производства. Реализация этого предложения могла бы способствовать снижению остроты проблемы безработицы в РФ // Иностранец, 29.01.1997.

Итак, история предоставила России и Монголии новый шанс еще более утвердиться в качестве партнеров, эффективно развивающих многоаспектное взаимовыгодное сотрудничество. Но ответственность за то, как будет использован этот шанс, разумеется, лежит на правительствах и народах обеих стран.

1. Здесь и далее цитируется по копии подлинного текста "Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией:" (Текущий архив МИД РФ).
2. МОНЦАМЭ, Улан-Батор, 10 ноября 1997 г.
3. Пресс-релиз Посольства Монголии в Российской Федерации, 1998, № 1.
4. Joint Press Release by the Government of Japan and the World Bank. Tokyo, October 16 1997, p. 1.
5. МОНЦАМЭ, 9 декабря 1997 г.
6. Ардын эрх (Улан-Батор), 08.01.1998.
7. Ардын эрх, 06.10.1997.
8. МОНЦАМЭ, 1 октября 1997 г.
9. Российская газета, 20.02.1998.
10. Выступление посла Монголии Цэрэндашийн Цолмона на пресс-конференции, посвященной 5-й годовщине подписания Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и Российской Федерацией от 20 января 1993 г.
11. МОНЦАМЭ, 13 октября 1997 г.

Пять лет политической перегруппировки в Японии. Многопартийность или двухпартийная система?

© 1998

А. Сенаторов, И. Цветова

Составители отечественных справочников по Японии, авторы статей о ее современной внутренней и внешней политике не успевают за бурными переменами, характерными для последних пяти лет политической жизни этой страны. Расстановка политических сил непрерывно меняется. Казалось бы, не так давно, в 1993-1994 гг., завершился первый цикл их перегруппировки, в ходе которого сначала число партий множилось из-за раскола прежних и появления новых, а затем вновь размежевание уступило место тенденции к объединению. И вот в конце 1997 г. начался очередной виток реорганизации политических сил – вновь через размежевание к поискам вариантов последующих слияний.

Для уяснения истоков и существа этого калейдоскопа событий сделаем краткий экскурс в историю становления послевоенной партийно-политической системы Японии.

Формирование "политической системы 1955 года"

Как известно, на путь демократического развития Япония вступила после военного поражения при непосредственном участии и под контролем оккупационных войск. Естественным следствием ликвидации тоталитарного режима и конституционного закрепления демократических принципов общественного строя стал выход на политическую арену послевоенной Японии партий различной ориентации – от консервативной до коммунистической. К концу первого десятилетия ожесточенного соперничества в борьбе за власть партии консервативной ориентации пришли к выводу о необходимости сплочения и объединились в Либерально-демократическую партию (ЛДП). На левом фланге реальное политическое влияние сохранила лишь Социалистическая партия Японии (СПЯ). Радикализм Коммунистической партии Японии (КПЯ), напротив, не получил массовой поддержки.

Так в Японии утвердилась "политическая система 1955 года", иногда именуемая "полуторапартийной". Ее суть заключалась в соперничестве в парламенте главным образом двух партий – ЛДП и СПЯ, причем первая неизменно формировала однопартийное правительство, а вторая довольствовалась

Сенаторов Алексей Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН.

Цветова Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

лась положением “вечной оппозиции”. Единоличное правление ЛДП затянулось на 38 лет, СПЯ же, оставаясь крупнейшей силой оппозиции, постепенно утрачивала свое влияние. Парламентская оппозиция становилась многопартийной. Признав важность участия в деятельности законодательного органа страны, в парламент вернулись коммунисты. В результате раскола СПЯ появились партии правой социал-демократии: Партия демократического социализма (ПДС, 1960) и Социал-демократический союз (СДС, 1978). В 1964 г. буддистская организация Сока гаккай создала свой политический филиал – Партию чистой политики (Комэйто), которая среди оппозиции быстро стала второй после СПЯ по представительству в парламенте.

Расширение спектра оппозиционных партий не ослабило правящего положения либерал-демократов. Напротив, оно означало дифференциацию сил оппозиции, на левом фланге которой стояла КПЯ, на правом – партии “среднего пути” (ПДС, СДС, Комэйто), в центре – СПЯ. Попытки последней использовать свое срединное положение и электоральное превосходство в целях объединения оппозиции для противостояния ЛДП к успехам не приводили.

Несмотря на то что каждая из партий имела возможность открыто и свободно отстаивать свои взгляды и требования, японская демократия при “политической системе 1955 года” носила отпечаток определенной ущербности. Ей не доставало такого важного атрибута, как сменяемость власти, характерного для подлинно демократических стран.

От единовластия к коалиционному правлению

Либерал-демократы утратили единоличную власть лишь летом 1993 г., когда партии оппозиции достигли согласия о формировании коалиции, что явилось концом “политической системы 1955 года” и началом непрекращающейся до настоящего времени реорганизации японских политических сил.

Факторами, способствовавшими отстранению ЛДП от власти, явились, в первую очередь, раскол внутри самой правящей партии, образование вышедшими из ЛДП депутатами собственных партий и их самостоятельное участие в выборах нового состава распущенной правительством палаты представителей и, как следствие, утрата либерал-демократами парламентского большинства, сделавшая возможным выражение парламентского недоверия правительству.

Согласие о формировании широкой коалиции с целью осуществления “политической реформы” было достигнуто между выходцами из ЛДП, создавшими Партию обновления, Новую партию Сакигакэ и более мелкие политические объединения, и партиями прежней оппозиции (в 1992 г. к ним добавилась Японская новая партия, созданная бывшим либерал-демократом М. Хосокава). В стороне от участия в коалиции, направленной против ЛДП, оказались только коммунисты.

Принимая во внимание тот факт, что прежде японская оппозиция не могла добиться сплочения в гораздо более узком составе, нельзя не придти к заключению о появлении новых факторов, стимулировавших разнородные политические силы обеспечить смену власти совместными действиями.

На наш взгляд, к числу таких факторов относится прежде всего осознание политиками глубокой общественной неудовлетворенности затянувшейся несменяемостью власти одной партии со всеми ее негативными последствиями. Бессменное правление ЛДП привело к тесному смыканию политиков, бюрократии, финансово-промышленных кругов, широкому распространению коррупции, факты о причастности к которой политических деятелей ЛДП

уже стало невозможным ни скрыть, ни как-то оправдать. Кроме того, чрезмерно затянувшееся пребывание у власти породило у руководства ЛДП не только вседозволенность, но и самодовольство, утрату прежней динамичности, способности быстро и решительно разрешать проблемы в соответствии с большими переменами внутри страны и в международной обстановке. В таких условиях обоснование несменяемости власти японской спецификой – будто ее замещает фракционная борьба внутри ЛДП за пост главы правительства – становилось неубедительным. Тем более, что сама фракционность правящей партии воспринималась в сознании японцев как явление, тесно связанное с политической коррупцией. Но общественное недовольство было направлено не только в адрес правящей партии, оно распространялось и на оппозицию из-за ее неспособности сменить либерал-демократов у власти. Критическое отношение ко всем традиционным партиям вело к расширению слоя избирателей, индифферентно относящихся к любой из политических партий, усиливало абсентеизм. Общественные настроения побуждали политиков различной идейной ориентации к неординарным действиям, которые могли бы улучшить их имидж в глазах электората.

Значительное влияние на деятельность политических партий и отдельных политиков оказывали перемены среди общественных сил, являющихся их социальной опорой.

Так, в предпринимательских кругах, изначально считавших ЛДП надежным проводником и защитником их интересов, появились новые веяния. Еще во второй половине 1970-х годов, обеспокоенный первыми признаками кризиса правящей партии, президент Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) Т. Доко высказал мнение о допустимости формирования в Японии двухпартийной системы по американскому образцу и возможности создания с этой целью новой партии, мало отличающейся от ЛДП, но в то же время влияющей, способной конкурировать с ней. Признание со стороны предпринимателей вероятности развития событий в стране по такому сценарию освободило в дальнейшем политиков, покинувших ЛДП с целью создания альтернативных партий, от боязни лишиться финансовой поддержки деловых кругов, без которой они не могли бы сохранять свое присутствие в парламенте.

Далее, в 1989 г. образованием Японской конфедерации профсоюзов (Рэнго) завершилась глубокая организационная перестройка профсоюзов, которая приглушила противостояние двух традиционных течений японского профсоюзного движения: классового и соглашательского. Руководство Рэнго, используя электоральную зависимость СПЯ и ПДС от профсоюзов, настойчиво требовало сближения и сплочения всех сил оппозиции, кроме крайне левого крыла, с целью отстранения либерал-демократов от власти.

Наконец, крупные международные перемены явились благоприятным фоном для реорганизации политических сил в Японии. Провал «социалистического эксперимента», прежде всего в Советском Союзе, нанес большой удар по самой идее социализма, побудил к коренному пересмотру идейно-политических установок СПЯ и быстрому сближению взглядов правой социал-демократии (ПДС и СДС) с либеральным течением. Окончание «холодной войны» поставило точку в конфронтационных, потерявших поддержку в массах отношениях между партиями. Наметившаяся тенденция к определенной деидеологизации вела к размыванию устоявшихся различий во взглядах партий на коренные проблемы внешней и внутренней политики, что облегчало процесс образования новых партий, слияния вновь созданных политических групп, особенно, переход партийной элиты – депутатов парламента – из одной партии в другую.

Дальнейшая перегруппировка политических сил проходила под воздействием “политической реформы”, осуществленной весной 1994 г. при многопартийном правительстве во главе с М. Хосокава. Эта реформа заключалась в пересмотре порядка выборов палаты представителей, усилении контроля над поступлением финансовых средств к партиям, введении государственного финансирования политической деятельности партий, имеющих определенный уровень поддержки избирателей и представительства в парламенте. Наиболее важным нововведением был отказ от прежней системы выборов палаты представителей по многомандатным округам, гарантировавшей сохранение многопартийности состава парламента. По новым правилам избрание большинства депутатов палаты (300 из 500) по одномандатным округам резко сокращало возможности малых партий для продвижения их представителей в парламента, предоставляя им лишь небольшой шанс получить свою долю среди 200 депутатских мест, оспаривающихся на выборах по пропорциональной системе и партийным спискам.

В японских условиях такой порядок выборов обеспечивал преимущество крупным партиям, прежде всего ЛДП, не случайно поэтому либерал-демократы всегда настаивали на переходе к избранию по одномандатным округам всего состава палаты представителей. На новую систему возлагали надежды и сторонники формирования двухпартийной политической системы. Необходимость подготовки к выборам в ключевую палату парламента по измененной избирательной системе явилась важным фактором, стимулировавшим малые партии к слияниям.

Внутри первой правящей коалиции началась деятельность по сплочению участвовавших в ней партий в единую политическую организацию. Отличительной чертой объединительного процесса стала особая активность политиков из Партии обновления (бывшие либерал-демократы И. Одзава и Ц. Хата и их сторонники), сопровождавшаяся стремлением оттеснить самую крупную силу коалиции – СПЯ на задний план. После отставки премьер-министра М. Хосокава, обвиненного в незаконном получении денежных средств на политическую деятельность, социалисты, которые были партнерами по коалиции, ответили отказом на предложение войти во второе коалиционное правительство, во главе которого встал Ц. Хата. Когда кабинет Ц. Хата, просуществовавший без поддержки СПЯ всего три месяца, также был вынужден уйти в отставку, отношения между социалистами и другими участниками бывшей правящей коалиции оказались настолько сложными, что они не смогли договориться о дальнейших согласованных действиях. В этих условиях СПЯ приняла поступившее от ее давних противников – либерал-демократов – предложение возглавить правительство иной, довольно необычной коалиции бывших противников. В свою очередь ЛДП в основном согласилась с разработанной социалистами программой будущего правительства. В результате в июне 1994 г. было образовано третье коалиционное правительство, в которое помимо СПЯ и ЛДП вошла Новая партия Сакигакаэ.

Оказавшись в оппозиции, партии прежней правящей коалиции форсировали подготовку к своему объединению и в декабре 1994 г. сформировали Партию новых рубежей (ПНР). В процессе образования ПНР с политической арены исчезли как партии “среднего пути” (ПДС, СДС), так и ряд партий и групп, созданных выходцами из ЛДП, а Комэйто, передавая в ПНР своих депутатов парламента (кроме части депутатов палаты советников) была преобразована в Комэй – партию, функционирующую главным образом на местном уровне и провозглашающую готовность оказывать всемерное содействие парламентской деятельности ПНР.

Теперь правящую коалицию представляли ЛДП, СПЯ и Сакигакэ, а оппозицию – ПНР и КПЯ. Второй, после либерал-демократов, политической силой стала ПНР, сделавшая заявку на реальное соперничество в борьбе за власть с ЛДП. Партия новых рубежей при ее образовании была представлена в нижней палате парламента 178 депутатами (СПЯ даже в самое лучшее для нее время, в 1958 г., смогла добиться избрания 166 депутатов палаты представителей), но в палате советников она располагала всего 38 мандатами, отставая от СПЯ, имевшей здесь более 60 депутатов.

Попытки формирования “третьей силы”

На предстоящих парламентских выборах Партия новых рубежей рассчитывала добиться значительных успехов, поскольку к широким финансовым возможностям депутатов, ранее избравшихся от ЛДП, добавилась поддержка со стороны профсоюзов, которой располагали бывшие деятели ПДС, и мощной религиозной организации Сока гаккай и партии Комэй, которые сохранили тесные связи с депутатами, перешедшими в ПНР.

Результаты выборов в палату советников, состоявшихся летом 1995 г., казалось, подтверждали расчеты ПНР. Разрыв в числе голосов, поданных за ЛДП и ПНР на этих выборах, был незначительным, причем по общенациональному округу последняя даже опередила либерал-демократов. Окрыленная успехом ПНР стремилась ускорить проведение выборов в палату представителей по новой избирательной системе, полагая, что они должны принести ей победу. Ставка была сделана на вбивание клина в правящую коалицию и отставку кабинета Т. Мураяма.

Одновременно, как показали те же выборы, влияние социалистов стремительно падало. Участие в правящей коалиции с прежним противником – ЛДП, а также коренной пересмотр позиций СПЯ по проблемам внешней политики и обороны (отказ от курса на невооружение и нейтралитет Японии, от выступлений против японо-американского военно-политического союза) и некоторым моментам внутренней политики (одобрение повышения налога на потребление и т.п.) вело к размыванию традиционного электората социалистов.

Укрепление позиций ПНР и в то же время падение влияния СПЯ свидетельствовали о тенденции к решительному повороту в сторону формирования политической системы двух крупных партий, соперничающих между собой в борьбе за власть. Вместе с тем довольно скоро проявилась близость политических взглядов ЛДП и ПНР, которые характеризовались по своей сути как консервативные, или консервативные (ЛДП) и неоконсервативные (ПНР).

В японском обществе стали появляться сомнения, сможет ли такого рода двухпартийная система отвечать требованиям плюрализации интересов населения страны, не приведет ли она к отходу от достигнутого уровня демократии, ведь многопартийность предоставляет гораздо большие возможности для изъяснения взглядов различных слоев населения. Об этом заговорили политологи и действующие политики, дискуссия развернулась даже в руководстве Японской конфедерации профсоюзов, которая оказала большую поддержку ПНР при ее образовании, а затем на выборах в палату советников.

При складывавшейся в Японии расстановке политических сил двухпартийная система фактически означала бы вытеснение и социалистов, и правых социал-демократов из сферы практической политики. Поэтому еще в мае 1994 г., на стадии едва начавшейся подготовки к образованию ПНР председатель СПЯ Т. Мураяма заявил, что реализация “концепции двух крупных партий” может привести к безраздельной монополии консерваторов и неоконсерваторов в парламенте, и призвал подумать о “перспективе здоровой мно-

гопартийности и в процессе реорганизации политических сил сформировать еще один полюс, объединяющий социал-демократов и либералов"¹.

После того как становление Партии новых рубежей стало реальностью, руководство СПЯ выдвинуло конкретную задачу создания новой "демократическо-либеральной партии" – "третьего полюса японских политических сил". Сначала был провозглашен переход к "социал-демократическим политикой и методам", означавшим "признание существующей системы и ее непрерывное мягкое реформирование"², а затем разработан план роспуска СПЯ и одновременного образования на ее основе "Демократическо-либеральной партии". Были подготовлены программные документы и сформулированы организационные принципы новой партии, ориентированные на людей как с социал-демократическими, так и с либеральными взглядами. Однако на призыв СПЯ к образованию новой широкой партии не откликнулись ни члены Сакигакэ, в которой идея "третьей силы" дискутировалась, ни даже те деятели, которые ранее покинули СПЯ в знак протеста против ее медленного преобразования в "новую партию" с привлечением в нее либералов. Потенциальных участников "третьей силы" беспокоили не выдвигавшиеся социал-демократами программные установки, а то, что им фактически пришлось бы войти в существующую структуру прежней СПЯ и оказаться в ней на вторых ролях.

В январе 1996 г. СПЯ провела свой последний съезд, на котором объявила об образовании Социал-демократической партии (СДП) с программными документами и принципами организации, подготовленными для "демократическо-либеральной партии". СДП приняла решение готовиться к выборам в палату представителей в прежнем составе. Идея же создания социалистами "третьей силы" была признана невозможной на данном этапе³.

Вместе с тем сама по себе мысль о формировании партии "третьего полюса" оставалась актуальной. Укрепления ЛДП и ПНР опасались не только социал-демократы. Утвердиться на политической арене мечтали парламентарии, вступившие в Новую партию Сакигакэ, другие честолюбивые политики-либералы.

Когда стало очевидно, что выборы в палату представителей состоятся досрочно, два молодых по японским меркам политика из Сакигакэ Ю.Хатояма и Н. Кан, договорившись с рядом депутатов парламента из СДП и заручившись обещанием влиятельных профсоюзов оказать поддержку на предстоящих выборах, призвали сформировать Демократическую партию (ДП). Их призыв адресовался тем, кто разделяет "дух дружбы и любви, идеалы гражданского либерализма", "поколению рожденных и получивших воспитание в послевоенные годы". Учреждение ДП в сентябре 1996 г. стало новым ударом по СДП, значительная часть депутатов палаты представителей которой решила выставить свои кандидатуры на предстоящих выборах от имени Демократической партии.

Главными итогами состоявшихся в октябре 1996 г. выборов в палату представителей явились безусловное превосходство ЛДП над всеми другими партиями, приближавшее либерал-демократов к завоеванию большинства в этой палате; крушение надежд ПНР на упрочение парламентских позиций; выход на третье место дебютировавшей на выборах Демократической партии, а на четвертое – КПЯ; сокрушительное поражение СДП и Сакигакэ⁴.

Такой исход выборов послужил толчком к новому витку реорганизации политических сил, главным содержанием начальной стадии которого явился процесс прогрессирующего ослабления и в итоге распада Партии новых рубежей при одновременном усилении позиций либерал-демократов.

Распад Партии новых рубежей

В декабре 1996 г. 13 депутатов парламента во главе с бывшим премьер-министром Ц. Хата, одним из прежних соратников лидера ПНР И. Одава, покинули Партию новых рубежей и объявили об учреждении Партии

солнца. Бегство парламентариев из ПНР продолжалось и в дальнейшем. В их числе оказался еще один бывший премьер-министр М. Хосокава, возглавивший в декабре следующего года минипартию "От пяти".

На выборах председателя Партии новых рубежей, проводившихся в декабре 1997 г., с небольшим перевесом над другим претендентом (М. Кано) победу вновь одержал И.Одзава. Однако неделей позже ПНР была вынуждена принять решение о самороспуске.

Причины развала ПНР вполне очевидны. Во-первых, непрочность партии изначально определялась глубокими идеологическими и политическими различиями входящих в нее разнородных групп, каждая из которых имела собственную историю, в той или иной степени признанное положение в политическом мире, традиционно ориентированные социальную опору и общественные связи. По существу ПНР возникла как искусственный конгломерат политических группировок, объединенных лишь общим стремлением к власти, надеждой реализовать его на практике, используя совокупные возможности Партии новых рубежей.

Во-вторых, ПНР была сформирована как организация политической элиты в лице депутатов парламента. Внутри партии продолжали действовать, все более активизируясь, депутатские группировки по их прежней партийной принадлежности. За три года существования ПНР единой партийной организации в национальном масштабе так и не было создано.

В-третьих, в центральном руководстве ПНР ведущие посты заняли бывшие либерал-демократы, что не могло не беспокоить выходцев из Комэйто и ПДС, поскольку означало ущемление их возможностей при отборе и утверждении кандидатов партии на парламентских выборах.

В-четвертых, большое недовольство у амбициозных политиков партии из числа бывших либерал-демократов вызывали авторитарные методы руководства председателя ПНР И. Одзава. Политические разногласия внутри ПНР усилились после того, как И. Одзава обосновал и начал проводить курс "консервативно-консервативной коалиции", на практике выразившийся в форме сотрудничества ПНР с ЛДП "по отдельным вопросам". Этот курс был логическим продолжением взглядов на поведение одной из двух близких по идейно-политическим установкам партий в "двухпартийной системе", о которой мечтали И. Одзава и его последователи. Противники И. Одзава из числа парламентариев, располагавших поддержкой либо религиозной организации Сока гаккай, либо профсоюзов, не могли не считаться с критическим настроением своего электората в отношении сотрудничества с ЛДП. По их мнению, идея "консервативно-консервативной коалиции" подрывала авторитет ПНР, ослабляла ее позиции на выборах.

Наконец, ПНР не смогла заручиться массовой поддержкой в стране. Большой ущерб ее имиджу наносили постоянные разногласия внутри партии, и, как следствие этого, непоследовательность политической линии, отличавшейся популистскими выборными обещаниями, резкими переходами от демонстративного противостояния правящим партиям, вплоть до блокирования работы парламента, к прямому сотрудничеству с либерал-демократами. Интересно, что в обстановке быстрого снижения популярности ПНР первыми осознали бесперспективность участия в ее деятельности выходцы из ЛДП. Именно эта часть парламентариев оказалась самым слабым звеном в ПНР.

В первые дни 1998 г. в парламенте вместо распущенной ПНР зарегистрировались шесть новых партий и прочих самостоятельных политических организаций:

- Либеральная партия (54 депутата парламента) - выходцы из ЛДП во главе с И. Одзава;
- Новая партия Мир (37 депутатов палаты представителей) - выходцы из Комэйто, пользовавшиеся поддержкой Сока гаккай, во главе с Т.Кандзаки;

- Новая партия Дружба (23 депутата парламента) – бывшие правые социал-демократы, избравшиеся в парламента при опоре на профсоюзы, во главе с К. Накано;

- Голос народа (18 депутатов парламента) – выходцы из ЛДП во главе с М. Кано;

- Клуб Рассвет (18 депутатов палаты советников, избравшихся при поддержке партии Комэй и тесно связанных с Сока гаккай);

- Клуб Реформы (12 молодых депутатов парламента) во главе с ветераном парламента, бывшим либерал-демократом Т. Одава.

Не трудно заметить, что распад ПНР произошел по существовавшей до образования этой партии партийной принадлежности парламентариев.

Конец Партии новых рубежей повлек за собой небывалую в истории Японии раздробленность оппозиции. На политической арене страны, по образному выражению японских журналистов, одновременно выступали “один сильный и десять слабых” игроков. Сильный игрок – это ЛДП, которая с распадом ПНР восстановила свое большинство в палате представителей, столь остро не нуждаясь теперь в сотрудничестве с СДП и Сакигакэ, и получила возможность более твердо проводить свою политическую линию, не опасаясь мощного сопротивления со стороны оппозиции. Итогом пятилетней перегруппировки политических сил явился по существу возврат единоличного правления ЛДП.

Что дальше?

В сложившейся обстановке неуютно чувствовали себя и “союзники” ЛДП, и, тем более, партии оппозиции.

Внутри СДП продолжались споры, следует ли ей считать себя “правящей партией” или решительно перейти в оппозицию. Генеральный секретарь СДП С. Ито неоднократно призывал изучить итальянский опыт создания левоцентристского блока “Олива”, однако при нынешнем, весьма шатком, положении социал-демократам не приходилось рассчитывать на роль инициатора объединительного процесса.

В кругах оппозиции председатель Демократической партии Н. Кан также не раз позитивно отзывался об итальянском опыте, особенно акцентируя идею сплочения оппозиции на основе договоренности о выдвижении единого кандидата на пост главы правительства. Исчезновение ПНР стало сигналом к началу деятельности по сплочению оппозиции со стороны Демократической партии и Партии солнца, лидеры которых Н. Кан и Ц. Хата и ранее мечтали выступить в роли застрельщиков объединительного процесса. Бесперспективность существования в рамках небольших объединений парламентариев поняли также вновь созданные после раскола ПНР политические партии и группы. Размежевание сменилось тенденцией к сплочению в форме образования объединенных парламентских фракций и формирования укрупненных партий (см. таблицу изменений в партийном составе парламента Японии).

Первый шаг в этом направлении сделали Демократическая партия, Партия солнца, Новая партия Дружба, Голос народа и Лига демократических реформ (небольшая фракция депутатов, избранных при поддержке профсоюзов). 7 января 1998 г. они образовали объединенную парламентскую фракцию **Минъюрэн**, (98 депутатов палаты представителей и 41 депутат палаты советников). Представителем Минъюрэн был избран председатель ДП Н. Кан.

Парламентарии из Новой партии Мир и Клуба Реформы (46 депутатов) объединились в единую фракцию в палате советников под названием **Хэйша- кайкаку** (Мир и реформы). Клуб Рассвет вошел в состав партии Комэй.

Демократическая партия настаивала на быстрейшем преобразовании Минъюрэн в политическую партию, однако консервативно ориентированные участники этой парламентской фракции предпочли начать со своего собствен-

ного организационного объединения, которое обеспечило бы им большее влияние в процессе формирования новой партии.

23 января 1998 г. на месте распушенных Голоса народа, Партии солнца и От пяти была создана Партия демократической политики (ПДП). Руководящие посты в ней заняли лидеры трех ликвидированных партий, председателем стал Ц. Хата, генеральным секретарем – М. Кано, разработку программных документов поручили М. Хосокава. ПДП заявила о намерении действовать в составе объединенной фракции Минъюэрэн.

В марте 1998 г. переговоры внутри Минъюэрэн завершились договоренностью о сплочении всех ее участников (Демократическая партия, Партия демократической политики, Новая партия Дружба, Лига демократических реформ) в новую партию. Было достигнуто согласие назвать ее Демократической партией, выполняющей задачи “демократического центра”, а не “левого центра”, отмежевывающегося от неоконсерватизма типа политики Рейгана или Тетчер 90 – х годов, как об этом говорил Н. Кан накануне этой договоренности⁵.

Таблица

Изменения в партийном составе парламента Японии*

На конец октября 1996 г.		На конец марта 1998 г.
	Правящие партии	
Либерально-демократическая партия (351)		Либерально-демократическая партия (377)
Социал-демократическая партия (38)		Социал-демократическая партия (36)
Новая партия Сакигакэ (5)		Новая партия Сакигакэ (5)
	Оппозиционные партии	
		<i>Объединенная фракция Минъюэрэн, преобразованная в новую Демократическую партию:</i>
Демократическая партия (73)	→→	Демократическая партия (69)
Лига демократических реформ (5)	→→	Лига демократических реформ (5)
	→→	Партия демократической политики (39)
	→→	Новая партия Дружба (23)
		<i>Парламентская фракция Хэйвакайкакэ (Мир и реформы):</i>
	→→	Новая партия Мир (37)
	→→	Клуб Реформы (12)
	→→	Либеральная партия (53)
Партия новых рубежей (211)	→→	Партия Комэй (25)
Партия Комэй (11)	→→	Коммунистическая партия Японии (40)
Коммунистическая партия Японии (40)		Прочие, беспартийные, вакансии (31)
Прочие, беспартийные, вакансии (18)		
<u>Всего депутатов - 752</u>		<u>Всего депутатов - 752</u>

В интересах сплочения прежняя Демократическая партия пошла на серьезные уступки консервативным участникам новой партии, а также бывшим правым социал-демократам, сняв, в частности, свое требование “японо-американской безопасности без размещения американских войск” (на территории Японии).

* В скобках – число депутатов обеих палат.

Предварительно были определены следующие основы политического курса новой Демократической партии:

- проведение структурных реформ, отвечающих задачам нового времени, в политической, экономической и общественной областях;
- построение общества справедливого и свободного выбора;
- защита жизни народа, гарантия свободы от нестабильности при наступлении старости;
- обеспечение безопасности страны, соответствующее периоду после "холодной войны", проведение самостоятельной внешней политики;
- осуществление политической реформы с целью подлинного развития демократии⁶.

В начале апреля были определены форма организации и конкретный состав новой Демократической партии. Представителем (лидером) партии был избран Н. Кан (из прежней ДП), генеральным секретарем (руководителем исполнительного органа) – Ц. Хата (из ПДП).

Официально рождение новой, укрупненной Демократической партии было оформлено на объединительном съезде, состоявшемся 27 апреля 1998 г. Накануне съезда Партия демократической политики, Новая партия Дружба и Лига демократических реформ объявили о своем роспуске. От участия в объединении отказались лишь несколько депутатов парламента.

Новая Демократическая партия стала второй по представительству в парламенте партией (131 депутат), в 2,8 раза уступая либерал-демократам. На выборах в палату советников в ближайшее время партией была поставлена задача не допустить восстановления большинства ЛДП в этой палате. Н. Кан заявил, что ДП будет добиваться скорейшей отставки кабинета Р.Хасимото и роспуска палаты представителей при появлении подходящего момента для выражения парламентского недоверия правительству⁷.

Результаты выборов в палату советников, состоявшихся 12 июля 1998 г., показали, что провозглашенная демократами задача выполнена. Позиции ЛДП были значительно ослаблены, хотя по-прежнему и в этой палате она сохранила самую большую депутатскую фракцию. По пропорциональной системе выборов, где избиратели выражают свое отношение к партиям, ЛДП получила лишь одну четверть голосов, а оппозиция - три четверти.

ДП укрепила свои позиции второй партии парламента, но ее успех оказался значительно меньше того, которого добилась Партия новых рубежей в 1995 г., на высшей отметке своей популярности. На третье место по результатам выборов сенсационно вышли коммунисты. В основном подтвердили свои позиции партия Комэй и Либеральная партия. Еще одно поражение потерпела СДП, а Новой партии Сакигакэ не удалось провести ни одного своего кандидата (обе партии незадолго до выборов официально вышли из состава "правящих партий").

Такой исход выборов, как почти единодушно было признано в Японии, прежде всего свидетельствовал о выражении избирателями недовольства экономической политикой правительства Р.Хасимото, что в свою очередь привело к успеху ДП и КПЯ. В то же время результаты выборов, как показали последующие события, не укрепили, а, напротив, ослабили возможности сплочения сил оппозиции. Премьер-министр, либерал-демократ Р.Хасимото взял на себя ответственность за поражение ЛДП на выборах. В Японии появилось новое правительство во главе с К.Обути, которое либерал-демократы сформировали единолично.

Подводя итоги пятилетней "политической перестройки" в Японии, многие японские комментаторы оценивают ее как напрасно потерянное время. Ведь целями перегруппировки политических сил были отстранение ЛДП от длительного однопартийного правления, обеспечение сменяемости власти в стране, а резуль-

татом стало лишь временное лишение ЛДП правящего положения, к которому она довольно быстро вернулась. Не довольны и те, кто мечтал о формировании двухпартийной системы в Японии. Вторую крупную партию, способную в одиночку конкурировать с ЛДП в борьбе за власть, так и не удалось создать.

Однако пять лет быстротекущих перемен на политической арене Японии нельзя назвать совсем бесплодными. Японцев уже не страшит коалиционное правление, к которому они даже начали привыкать. Выяснилось также, что они вовсе не стремятся к созданию "сильной партии", которая, как предполагал лидер ПНР И. Одзава, будет твердо руководить страной, отказавшись от консенсусного принятия решений. Именно в эти годы появились признаки отказа от конфронтационности и произошло сближение партийных позиций по вопросам внутренней и внешней политики. Все партии признали острую необходимость проведения структурных реформ, содержание которых определяется демократическим путем, в ходе политической борьбы. При всех нюансах во взглядах партий на роль японо-американского военного сотрудничества, ни одна из них не отрицает необходимости мирного выбора, обеспечения безопасности Японии совместно с международным сообществом, добиваясь взаимопонимания и дружбы с соседними странами.

Что же касается неудачных экспериментов в области создания новых партий как в соответствии с концепцией двухпартийной системы, так и в качестве "третьей политической силы", то нельзя не заметить, что они появлялись не иначе как в форме разных объединений депутатов парламента, то есть политической элиты. Без организационной структуры в общенациональном масштабе и прочных связей с определенными общественными силами эти верхушечные объединения были обречены на провал. Более того, свободное перемещение парламентариев из одной партии в другую, их политическое непостоянство рождали критическое отношение к ним и индифферентность избирателей к политическим партиям вообще.

Нынешние комбинации в продолжающейся перегруппировке политических сил строятся главным образом в целях решения задачи предотвращения дальнейшего вытеснения соперников ЛДП в высшем органе государственной власти, иными словами, сохранения многопартийности парламента. Между тем, прежний неудачный опыт в этой области позволяет усомниться в возможности реализации намеченной цели на пути создания все новых объединений разнородной политической элиты в форме аморфных партий без национальной организации и прочной социальной опоры, подобно строительству здания на песке, без прочного фундамента.

1. Гэкан Сякайто. 1994. № 7 (469). С. 40.
2. Там же.
3. Подробнее см.: Сенаторов А., Цветова И. Будет ли в Японии влиятельная "третья сила"? // Знакомьтесь - Япония. 1997. № 17. С. 33-45.
4. Детальный анализ результатов выборов см.: Сенаторов А., Цветова И. Выборы в Японии: первый опыт новой избирательной системы. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6. С. 9-18.
5. Асахи симбун. 12 марта 1998.
6. Нихон кэйдай симбун. 13 марта 1998.
7. Асахи симбун. 9 апреля 1998.

Экономика

Некоторые практические аспекты развития рыночной экономики в КНР*

© 1998

В.Портяков

Создание и полноценное функционирование целостной рыночной системы неизменно рассматривается в Китае как одно из центральных звеньев экономической реформы в стране. Между тем в последние лет пять практическая работа по переводу народного хозяйства страны на рыночные принципы деятельности оказалась как бы несколько в тени повышенного внимания руководства, ученых и средств массовой информации КНР к проблемам макроэкономического регулирования, включая борьбу с инфляцией, крупные преобразования в налоговой, бюджетной, банковской сферах, и к жизненно приоритетной задаче реформирования госсектора экономики.

И лишь на рубеже 1997-1998 гг., когда экономические итоги 1997 г. недвусмысленно продемонстрировали, что "емкость рынка впервые стала ключевой проблемой развития промышленности страны"¹, внимание китайского общества к ситуации на рынке заметно усилилось. Анализу ее особенностей и посвящена настоящая статья.

* * *

Необходимо со всей определенностью констатировать, что в 90-е годы количественное и качественное развитие системы рынка в КНР шло весьма динамично.

Быстро рос остающийся на современном этапе главным для КНР рынок потребительских товаров. Объем общественной розничной торговли потребительскими товарами в 1997 г. в сопоставимых ценах был вдвое выше, чем в 1990 г., т.е. среднегодовые темпы прироста в 1991-1997 гг. составили 10,5%, что лишь немногим ниже среднегодового прироста ВВП (11,2%) и существенно выше показателя среднегодового прироста общественного розничного товарооборота в 1981-1990 гг., составившего 7,3%².

Активно шел поиск новых форм торговли материальными ресурсами. Среди них фьючерсная торговля продукцией сельского хозяйства, металлами и стройматериалами на товарных биржах (например, медью и алюминием в

* Подготовлено при содействии РГНФ, Проект № 97-02-02199.

Портяков Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, заместитель директора ИДВ РАН.

Шанхае и Шэньчжэне, натуральным каучуком и кофе на Хайнаньской бирже, соевыми бобами в Даляне и т.п.), развитие системы оптовых рынков средств производства. В 1996 г. в КНР имелось более 50 общегосударственных оптовых рынков средств производства, в том числе 13 комплексных, 10 - стального проката и цветных металлов, 4 - угля, 9 - стройматериалов, 8 - автомобилей и мотоциклов и т.д.

Устойчиво развивался рынок технических достижений, объем сделок на котором составил 30 млрд. юаней в 1996 г. и 35 млрд. юаней в 1997 г. Разработанная Комитетом КНР по науке и технике Программа развития рынка технических достижений до 2010 г. предусматривает доведение объема сделок на нем до 80 млрд. юаней в 2000 г. и до 160 млрд. юаней в 2010 г.³

Заметное развитие получил рынок ценных бумаг, существовавший в 80-е годы лишь в зачаточном виде. Хотя рынок акций типа В, номинированных в иностранной валюте и предназначенных для привлечения зарубежных портфельных инвестиций, пока не оправдал возлагавшихся на него надежд (в частности, в 1997 г. из-за влияния азиатского финансового кризиса объем торговли акциями типа В на двух биржах ценных бумаг - в Шанхае и Шэньчжэне - составил в сумме всего 42,66 млрд. юаней), общий объем торговли акциями на двух биржах благодаря устойчивому спросу национальных инвесторов и населения на акции типа А превысил 2 трлн. юаней в 1996 г. и 3 трлн. - в 1997 г. по сравнению с всего 4,3 млрд. юаней в 1991 г. и 68 млрд. юаней в 1992 г.⁴

Довольно активно идет торговля облигациями госзайма на вторичном рынке ценных бумаг, представленная - после запрещения фьючерсных сделок с ними в 1995 г. - операциями с наличным товаром и операциями "репо" (покупка с последующей перепродажей). В 1996 г. объем торговли облигациями госзайма на Шанхайской бирже ценных бумаг составил 1803,7 млрд. юаней (502,9 млрд. - операции с наличным товаром и 1300,8 млрд. - сделки "репо"), а в 1997 г. он снизился до 1538 млрд. юаней (346,8 млрд. - с наличным товаром и 1191,2 млрд. - сделки "репо")⁵.

В начале 1996 г. в КНР был официально учрежден единый рынок краткосрочного кредитования, т.е. рынок "коротких денег" - в китайском варианте на срок от 1 до 120 дней. Объем сделок на нем составил 587 млрд. юаней в 1996 г. и 415 млрд. в 1997 г.⁶

Особенно бурно развивался в первой половине 90-х годов китайский рынок недвижимости, охватывающий передачу инвесторам на длительные сроки права пользования земель для ее комплексного освоения (промышленная или жилищная застройка, создание рекреационных зон и т.п.), продажу и сдачу в аренду товарного жилья. Объем операций на рынке недвижимости с 21,8 млрд. юаней в 1990 г. вырос до 173,2 млрд. юаней в 1995 г. В то же время этот сегмент экономики одним из первых ощутил на себе "охлаждающее" воздействие спросовых ограничений. В 1996 г. инвестиции сюда увеличились всего на 3% в абсолютном выражении, а за вычетом фактора роста цен сократились на 1,8%. В 1997 г. имело место абсолютное сокращение объема инвестиций в недвижимость на 3,4%⁷.

В целом в Китае в середине 90-х годов целостная система рынка в первичном виде уже сформировалась. Вместе с тем многое в ней требует дальнейшего совершенствования. По данным социологического опроса, 3200 предпринимателей и хозяйственников различных форм собственности, проведенного в Китае в августе-сентябре 1996 г., проблема совершенствования рыночной системы рассматривается как одна из ключевых для дальнейшего углубления всей экономической реформы в КНР, наряду с такими проблемами,

как трансформация функций правительственных ведомств и отлаживание системы имущественных отношений. Особенно активно ратовали за совершенствование системы рынка иностранные предприниматели (94,1% опрошенных), представители волостно-поселковых коллективных предприятий (59,7% опрошенных); достаточно высокое место (43,6% опрошенных) отвели этой проблеме и представители госсектора⁸. Среди конкретных проблем, мешающих нормальной работе на рынке, фигурируют несовершенство законодательства, несправедливая конкуренция (прежде всего в виде незаконного использования популярных торговых марок крупных производителей), протекционизм мест и ведомств (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Оценка главных проблем функционирования рынка в Китае предпринимателями различных форм собственности (в процентах)

	Несправедливая конкуренция	Чрезмерная конкуренция	Протекционизм мест и ведомств	Отраслевой монополизм	Несовершенство законодательства
Госпредприятия	42,8	8,8	14,1	3,1	31,2
Коллективные предприятия городов	42,1	5,8	12,0	0,3	39,8
Коллективные предприятия волостей и поселков	27,0	8,0	21,2	2,9	40,9
Предприятия иностранных инвесторов	11,8	5,9	17,6	0	64,7
Предприятия с участием иностранного капитала	33,1	17,2	17,2	3,3	29,2
Народные предприятия	33,3	6,7	13,3	0	46,7
Паевые и акционерные предприятия	37,8	7,9	9,5	4,8	40,0

Источник: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1997 (Экономический ежегодник Китая 1997). Пекин, 1997, С. 897.

Примечания: 1. Общая сумма проблем функционирования рынка в представлении предпринимателей каждой формы собственности условно приравнена к ста процентам.

2. Народные предприятия - видимо, индивидуальные и частные предприятия, вместе взятые.

В китайской печати признается, что Законы КНР "О борьбе с ненадлежащей конкуренцией" (действует с 1 декабря 1993 г.) и "О защите прав потребителей" (действует с 1 января 1994 г.) не сняли с повестки дня задачу дальнейшего совершенствования юридического регулирования деятельности агентов рынка. Новым важным шагом в этом направлении должен стать "Закон КНР о ценах", вступивший в силу с 1 мая 1998 г.

В целом, однако, совершенствование и дальнейшее развитие системы рынка в Китае представляет собой стратегическую задачу, требующую длительного неослабного внимания.

Ряд обстоятельств придает ей в настоящее время особую актуальность и остроту.

Прежде всего речь идет о радикальном изменении макроэкономической ситуации в стране, самым непосредственным образом отразившемся и на положении на рынке. В 1993-1995 гг. для Китая было характерно превышение совокупного общественного спроса над предложением, подпитывавшее инфля-

ционные тенденции в экономике. Жесткая кредитно-денежная политика, комплекс противoinфляционных мер позволили народному хозяйству Китая совершить так называемую "мягкую посадку", сопровождавшуюся некоторым снижением темпов экономического роста, быстрым падением уровня инфляции и существенным сокращением разрыва между совокупным общественным спросом и предложением - с 7,3 в 1993 г. до 4,8 в 1995 г. и 4,1% в 1996 г.⁹ При этом если в первой половине 1996 г. предложение было меньше спроса по 9,4% из 606 основных видов товаров, отслеживаемых Министерством внутренней торговли, то во второй половине года - только по 6,2%. Заметное падение спроса и связанное с ним ухудшение условий сбыта товаров нашло отражение и в упоминавшемся опросе предпринимателей и хозяйственников, подавляющая часть которых уже в августе-сентябре 1996 г. оценивала ситуацию на рынке как неблагоприятную или крайне неблагоприятную (соответственно 58,6 и 20,4% опрошенных представителей госсектора, 46,7 и 15,8% представителей предприятий с участием иностранного капитала)¹⁰. Хотя основной руководящий курс экономической политики китайского руководства на 1997 г. - "продвижение вперед в условиях стабильности" - и сопровождался попытками активизировать рост в народном хозяйстве за счет снижения процентной ставки по кредитам и депозитам, он оказался излишне осторожным, чтобы переломить ситуацию на рынке. Во второй половине 1997 г. предложение было меньше спроса всего по 1,6% основных видов товаров внутренней торговли, а больше спроса - по 31,8% товаров по сравнению с 5,3% в первом полугодии (по 66,6% товаров зафиксирован примерный баланс спроса и предложения)¹¹. Снижение инвестиционного спроса привело к падению в 1997 г. индекса цен на средства производства на 2,5%. Тенденция к нежелательному чрезмерному "охлаждению" экономики продолжала углубляться и в первые месяцы 1998 г., проявляясь в тотальном снижении цен производителями и продавцами (индекс розничных цен упал за пять месяцев на 1,9% по сравнению с 1997 г.¹²) и отставании темпов экономического роста страны от намеченного на год 8-процентного рубежа. Дефляция и угроза рецессии, похоже, оказались для Китая не менее опасными и тяжело излечимыми, чем инфляция и перегрев несколько лет назад.

Во-вторых, зафиксированное в 1997 г. снижение доли фактора увеличения потребления в экономическом росте до 34,4% по сравнению с 50% и более в первой половине 90-х годов¹³ отразило и такой набирающий силу процесс, как изменение потребительской модели населения Китая.

Оно обусловлено многими обстоятельствами, в том числе насыщением домашних хозяйств в городах большинством традиционных бытовых товаров длительного пользования, снижением темпов прироста доходов населения (в 1997 г. они оказались самыми низкими в период 90-х годов), все более заметными сдвигами в структуре потребления в связи с нарастающей "маркетизацией" жилья, медицинского обслуживания, образования. Свою лепту вносят информатизация и имущественное расслоение общества. В целом в городских семьях доля затрат на питание с 50,13 в 1993 г. снизилась до 46,41% в 1997 г., на бытовые товары длительного пользования - с 5,01 до 4,14%, на одежду - с 14,24 до 12,44%. За тот же период доля расходов на образование выросла с 4,52 до 5,67%, на жилье - с 6,63 до 8,57%, на транспорт и связь - с 3,82 до 5,56%, на медицину - с 2,69 до 4,29%¹⁴. В настоящее время спрос многих категорий населения сдерживается психологическими факторами: опасением дальнейшего удорожания жилья и коммунальных услуг и особенно страхом перед растущим высвобождением работников из государствен-

ного сектора в связи с реформой госпредприятий и сокращением числа госслужащих.

Объективно крупным резервом для расширения потребительского спроса является китайская деревня, где уровень насыщенности бытовой техникой все еще значительно ниже, чем в городах - 8,49 холодильников на сто семей в 1997 г. по сравнению с 72,98 на 100 городских семей, 21,87 и 89,12 стиральных машин и т.п.¹⁵. Однако население деревни пока заметно отстает от жителей городов и по доходам (соответственно 2090 и 5160 юаней на человека в 1997 г.), и по расходам на потребление (1617 и 4185 юаней)¹⁶. Так то рассчитывать на быстрый рост потребительского спроса сельских жителей Китая, скорее всего, не приходится.

В-третьих, вполне реальные успехи в деле создания в Китае единого рынка привели к размыванию прежней изолированности локальных рынков и быстрому нарастанию внутренней конкуренции, становящейся особенно ожесточенной в условиях превышения предложения над спросом. Усиление конкурентной борьбы за внутренний рынок между провинциями Китая имеет не только теоретически хорошо известные положительные стороны, но и достаточно серьезные негативные последствия. Это - хаотичность создания дублирующих производств практически всех основных бытовых товаров длительного пользования; сбыт изделий по демпинговым ценам, оборачивающийся аномальным снижением уровня рентабельности у производителей; разрушение рациональных схем территориального разделения труда и деформация отраслевой структуры экономики страны в целом; усугубление в конечном счете диспропорций между предложением и спросом. Представление о конкурентоспособности отдельных регионов Китая в промышленности в середине 90-х годов дает следующая таблица.

Таблица 2.

**Сравнительная конкурентоспособность
промышленной продукции отдельных регионов Китая в 1994 г.**

Регионы	Доля на рынке%	Оценка конкурентоспособности продукции 38 отраслей				
		Сильная	Сравнительно сильная	Средняя	Сравнительно слабая	Слабая
Гуандун	11,38	20	5	7	5	1
Цзянсу	11,42	12	10	9	4	3
Шанхай	7,63	5	11	14	2	3
Шаньдун	8,39	8	12	11	5	1
Юньнань	1,70	1	1	5	16	15
Ляонин	6,35	2	4	12	17	2
Чжэцзян	6,22	0	8	22	5	2
Хэйлунцзян	3,16	2	1	1	17	17
Пекин	3,10	0	3	14	16	3
Хэнань	3,83	0	1	15	18	4
Хубэй	3,99	0	1	12	18	7
Хэбэй	3,92	1	0	11	21	5
Сычуань	4,60	0	1	12	18	7
Фуцзянь	2,52	0	2	14	17	4
Аньхуй	2,91	0	2	9	23	3

Регионы	Доля на рынке%	Оценка конкурентоспособности продукции 38 отраслей				
		Сильная	Сравнительно-сильная	Средняя	Сравнительно-слабая	Слабая
Гуанси	1,79	0	2	9	20	7
Тяньцзинь	2,60	0	0	8	24	5
Хунань	2,64	0	1	3	25	8
Шаньси	1,78	1	0	1	20	15
Цзилинь	2,11	0	2	2	17	17
Цзянси	1,70	0	2	2	24	9
Гуйчжоу	0,80	0	0	3	14	20
Хайнань	0,27	0	0	4	17	15
СУАР	0,92	0	0	0	12	26
АРВМ	1,07	0	0	2	15	21
Ганьсу	1,12	1	0	2	14	21
Шэньси	1,54	0	1	1	19	17
Тибет	0,01	0	0	3	7	17
Нинся	0,27	0	0	2	12	23
Цинхай	0,24	0	0	2	5	29

Составлено по: Цзилинь шэн цзинцзи синши фэньси юй юйцэ 1997-1998. (Анализ и прогноз экономической ситуации в провинции Цзилинь в 1997-1998 гг.). Чанчунь, 1997, С. 181, 184.

В целом сильной конкурентоспособностью на внутреннем рынке Китая отличается промышленная продукция Гуандуна и Цзянсу, сравнительно сильной - Шанхая, Шаньдуна и Юньнани, средней - Пекина, Чжэцзяна, Хэйлунцзяна и Ляонина.

Наконец, на ситуацию на внутреннем рынке Китая все более заметное воздействие оказывает внешний фактор. Это проявляется, как минимум, в двух аспектах.

С одной стороны, на китайском рынке усиливается прямая конкуренция иностранных экономических агентов с отечественными. За крупномасштабное привлечение прямых иностранных инвестиций стране пришлось заплатить уступкой части внутреннего рынка не только совместным предприятиям, но и нередко стоящим за ними транснациональными корпорациям. Стремление получить доступ во Всемирную торговую организацию предопределило довольно заметное снижение Китаем уровня импортных тарифов, сокращение большей части нетарифных ограничений импорта, принятие на себя обязательств по постепенному расширению степени открытости многих ранее закрытых сегментов внутреннего рынка, в том числе розничной торговли и кредитно-денежной сферы. Так, в 1997 г. действующие в Китае 142 отделения иностранных банков сосредоточили 16% валютных депозитов всех функционирующих на территории страны кредитно-денежных институтов¹⁷. Особенно сильны позиции зарубежных производителей на рынке телекоммуникационного оборудования: доля иностранных товаров на рынке факсимильных аппаратов составляет 98%, мобильных телефонов 80%, компьютеров 75%¹⁸.

С другой стороны, вследствие азиатского финансового кризиса перспективы дальнейшего увеличения экспорта многих китайских товаров явно ухудшаются как непосредственно из-за снижения платежеспособного спроса

в ряде стран региона (а то и сознательного ограничения ими импорта), так и косвенно, по причине "утяжеления" юаня по отношению к девальвируемым местным валютам. Рост экспорта Китая в первые месяцы 1998 г. замедлился, по некоторым направлениям отмечалось и его абсолютное снижение - в первом квартале в страны АСЕАН на 9,8%, в Республику Корея - на 24,5% по сравнению с соответствующим периодом 1997 г. Прирост экспорта за пять месяцев 1998 г. составил 8,6% по сравнению с 20% в 1997 г., при этом в мае отмечено первое снижение месячного объема экспорта (на 1,5% к апрелю) за 22 месяца¹⁹. В особенно тяжелом положении оказались некоторые трудоемкие отрасли, в значительной степени ориентированные на экспорт и без того находившиеся в последние годы в депрессивной ситуации. (Например, велосипедная промышленность, где экспорт еще в 1996 г. заметно превышал объем розничных продаж на внутреннем рынке - соответственно 12,17 и 8,39 млн. штук при годовом объеме производства в 28,12 млн. штук²⁰).

Обновленное китайское руководство сегодня сталкивается с необходимостью одновременного решения целого комплекса подчас противоречащих друг другу экономических задач. Как известно, XV съезд КПК и 1-я сессия ВСНП 9-го созыва одобрили курс на радикализацию экономической реформы, прежде всего в госсекторе, банковской системе и социальном обеспечении, на глубокое последовательное совершенствование отраслевой и производственной структуры экономики Китая. Эта политика, рассчитанная на выигрыш в среднесрочной и, главным образом, в долгосрочной перспективе, в краткосрочном плане сопряжена с сокращением занятости в госсекторе, со вполне возможным снижением степени поддержки населением руководства страны и проводимого им курса, падением за минимально приемлемый уровень темпов экономического роста и, как следствие, чревата довольно опасным обострением социальной ситуации в стране.

Вполне естественно, что на центральное место в экономической политике китайского руководства начинают выдвигаться такие мероприятия, которые, содействуя реализации долгосрочных задач, одновременно были бы способны помочь переломить ход текущего экономического цикла, находящегося на данный момент в нисходящей фазе, и обеспечить приемлемые - порядка 8% - темпы прироста валового внутреннего продукта в ближайшие год-два.

Столь отчаянная борьба за темпы прироста в экономике, наблюдаемая в Китае едва ли не впервые за годы реформ, объясняется острейшей ситуацией в сфере занятости: по данным официальной статистики, доля безработных в городах в 1997 г. составила 3,1%; по результатам выборочных обследований, 4% в середине и 4,2% в конце года; наконец, по оценкам известного ученого Ху Аньгана, 6,9%²¹. К тому же в ходе реформы госсектора в 1998 г. ожидается новое существенное сокращение числа занятых - в Шанхае, например, на 250 тысяч человек, или 10% занятых в промышленности²². Повышение же темпов прироста заметно смягчило бы эту социальную проблему: ведь увеличение прироста ВВП на один процентный пункт позволяет расширить количество рабочих мест в Китае на 800 тысяч²³.

Стержнем экономической политики Пекина в 1998 г. стало стимулирование общественного спроса "по всем азимутам", т.е. потребительского, инвестиционного и экспортного. По расчетам китайских ученых, в настоящее время потребительский спрос формирует 40-49% совокупного общественного спроса в стране, инвестиционный спрос - 34-39% и экспортный спрос - 15-25%²⁴.

Заметно мягче становится кредитно-денежная политика. Ставка обязательного резервного депонирования в центральном банке снижена с 13 до 8%.

В марте проведено очередное - пятое за неполных два года - снижение процентных ставок по кредитам и депозитам (как ожидается, не последнее в 1998 г.).

С 9 до 11% повышена ставка возврата налогов при экспорте угля, текстиля, машиностроительной продукции. В провинции Гуандун принято решение о полном возврате налогов в случае превышения экспортерами 15-процентного прироста экспорта продукции по сравнению с предыдущим годом.

Предполагается увеличить инвестиции в основные фонды в 1998 г. примерно на 15% по сравнению с 10,8% прироста в 1997 г. Объявлено о начале строительства 32 новых крупных объектов, главным образом инфраструктурных, о расширении ирригационного строительства в сельской местности. Крупные затраты на инфраструктуру позволят создать 15 миллионов рабочих мест²⁵.

Многие из предлагаемых мер напрямую связаны с развитием и совершенствованием системы рынка. В расширении потребительского спроса акцент делается на дальнейшее развитие пищевой промышленности, телекоммуникаций, информационной техники и технологии, диверсификацию потребления в деревне. По-прежнему пользуются спросом отдельные виды бытовой техники длительного пользования. В 1997 г. наиболее ходовыми товарами на потребительском рынке Пекина были (в порядке убывания) микроволновые печи, CD-ромы для мультимедийных компьютеров, цветные телевизоры, мебель, кондиционеры, персональные компьютеры, холодильники, стиральные машины, золото и драгоценности. В 1998 г. по прогнозу лидерами потребительского спроса в столице должны стать компьютеры, кондиционеры, CD-ромы, микроволновые печи, автомобили²⁶.

Развитию автомобильной промышленности, провозглашенной несколько лет назад одной из опорных отраслей (наряду с нефтехимией, электроникой, промышленностью стойматериалов), уделяется особое внимание. В подготовленной в Центре исследования проблем развития при Госсовете КНР последней по времени "Белой книге по экономике" отмечается принципиальная важность вхождения автомобиля в круг семейного потребления, коль скоро без превращения автомобилей в предмет "потребительской горячки" экономическое развитие Китая лишилось бы важной опоры²⁷. Ряд специалистов ставит вопрос еще острее, называя ближайшие годы "последним шансом автомобильной промышленности Китая" в условиях неуклонного снижения импортных пошлин на автомобили (последний раз - в октябре 1997 г.)²⁸.

Власти Шанхая, где ныне насчитывается всего 5 тысяч автомобилей в личном пользовании по сравнению с 400 тыс. в Пекине, объявили о программе муниципального гаражного строительства с льготным предоставлением гаражей населению. Спрос в городе и стране в целом на автомашины призвано стимулировать и крупное снижение розничных цен на производимый в Шанхае легковой автомобиль "Сантана", занимавший в 1996 г. свыше 52% рынка легковых автомобилей в стране (без учета импорта).

Еще одним приоритетом потребительского спроса на ближайшие годы в Китае рассчитывают сделать жилье, ведь жилищное строительство, стимулирующее рост производства в промышленности стройматериалов и других сопряженных отраслях, вполне способно сыграть роль новой "точки" экономического роста. В 1998 г. намечается направить 41,9 млрд. юаней на строительство 49 млн. кв. метров жилья²⁹. Предусматривается полное прекращение практики бесплатного распределения жилья и самое активное использование ипотечного кредитования при покупке жилья по рыночным ценам.

Крупные перемены должны произойти на рынке обращения сельхозпродукции. Реформа системы обращения зерна призвана ликвидировать нарастающую убыточность государственных закупок и распределения зерна (4,4

млрд. юаней в 1995 г., 19,7 в 1996 г., 48 в 1997 г. и 27 млрд. юаней за I квартал 1998 г.³⁰). Приняты решения о запрете на ведение операций с зерном любыми посредниками вне государственной системы распределения зерна, о радикальном сокращении числа занятых в самой этой системе - с 4 до 1,1 млн. человек - и о переходе в конечном счете к формированию цен на зерно в строгом соответствии со спросом и предложением на рынке.

Впервые рыночный механизм внедряется в торговлю хлопком, что призвано снизить разрыв между предложением и спросом. Если в 1997 г. действовала фиксированная закупочная цена на хлопок в 14 юаней за килограмм, то в 1998 г. введено 5-процентное колебание вверх и вниз от базовой цены в 13 юаней за килограмм³¹. Эта мера, ущерб от которой для крестьян-производителей хлопка может составить 8 млрд. юаней, находится в противоречии с линией на повышение доходов крестьян и рост потребительского спроса в деревне, что, на наш взгляд, косвенно иллюстрирует всю сложность нынешней экономической ситуации в Китае, необходимость сплошь и рядом из нескольких зол выбрать меньшее.

Особо тонкой настройки требует рынок средств производства, где ситуация спроса и предложения по отдельным позициям складывается весьма по-разному и к тому же довольно динамично меняется. По стальному прокату прогнозировался рост спроса в 1998 г. в 6% и сохранение импорта в пределах 10 млн.т, по меди - соответственно 10% и 150 тыс.т, по алюминию - 9% и 300 тыс.т³². В то же время уже в 1998 г. пришлось в административном порядке существенно сократить запланированный ранее объем импорта нефти, коль скоро снижение мировых цен на нее привело к падению спроса на нефть отечественного производства. Вполне вероятно, что в 1998 г. импорт Китаем подавляющего большинства сырьевых и инвестиционных товаров окажется меньше ранее прогнозирувавшегося. Во всяком случае, за первые пять месяцев года общий импорт Китая вырос всего на 1,5%.

Принципиально важную роль приобретает совершенствование рынка рабочей силы и прежде всего расширение возможностей повторного трудоустройства для лиц, "освобождаемых с постов" ("ся ган") в ходе нынешней радикализации экономической реформы. В 1997 г. удалось повторно трудоустроить 4,5 млн. человек, а в 1998 г., когда количество "освобожденных с постов" может увеличиться до 20 млн. по сравнению с 6,5 млн. в 1997 г., на эти цели специально выделяется 2-3 млрд. юаней центральным правительством страны и в обязательном порядке - часть провинциальных бюджетов. Основные надежды возлагаются на расширение частного сектора экономики, на сферу услуг, доля занятых в которой возросла за годы реформ с 12,2 до 26%, но все еще ниже, чем в других странах³³. Хотя на официальном уровне декларируется политика неуклонного углубления "маркетизации" распределения рабочей силы, на практике местные власти подчас прибегают к антирыночным способам регулирования рынка труда. Так, в Пекине вслед за публикацией в феврале 1998 г. перечня 198 видов работ в 12 отраслях, которые разрешено выполнять мигрантам из других регионов (их насчитывается 2,86 млн. человек, из них 1,81 млн. человек трудоустроены), было объявлено об увольнении 120 тысяч мигрантов с целью высвобождения рабочих мест для потевших работу коренных горожан³⁴.

Нынешняя ситуация в экономике Китая дает простор для самых разных интерпретаций, прогнозов, оценок. Однако вполне определенно можно утверждать только одно: продвижение Китая по пути рыночных преобразований остается весьма сложным и противоречивым процессом. Что же до оценок экономической политики обновленного китайского руководства в целом и

ее конкретных направлений, то, на мой взгляд, было бы преждевременно делать какие-либо категоричные выводы. Многое здесь еще не устоялось и заметно корректируется по ходу, в зависимости от реакции населения, успешности реализации и т.п.

1. Чжунго гоцин голи. Пекин, 1998. № 1. С. 44.
2. Чжунго тунци чжайяо 1998. Пекин, 1998. С. 708; Чжунго тунци чжайяо 1991. Пекин, 1991. С. 3.
3. Чжунго шичан фачжань баогао, 1997 (Доклад о развитии рынка в Китае). Пекин, 1997. С. 149-158; Цзинци жибао. 5 марта 1998.
4. Точные данные: 2133,216 млрд юаней в 1996 г. и 3072,185 млрд юаней в 1997 г. // Чжунго шичан фачжань баогао 1997. С. 87; Цзинци байпишу: Чжунго цзинци синши юй чжаньван 1997-1998 (Белая книга по экономике: Экономическая ситуация в Китае и перспективы). Пекин, 1998. С. 114.
5. Чжунго шичан фачжань баогао. С. 96; Цзинци байпишу... С. 115.
6. Цзинци байпишу... С. 113.
7. Лю Пэйцун. Чжунго цзинци да цюйши (Мегатенденции китайской экономики). Сянган, 1997. С. 109; Чжунго цзинци няньцзянь 1997. Пекин, 1997. С. 380; Цзинци жибао. 5 марта 1997.
8. Чжунго цзинци няньцзянь 1997. С. 898.
9. 1998 нянь Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ (Китай в 1998 году: анализ и прогноз экономической ситуации). Пекин, 1997. С. 149.
10. Чжунго цзинци няньцзянь 1998. С. 92, 896.
11. Цзинци байпишу... С. 52.
12. South China Morning Post. Internet Edition. Hong Kong, June 12, 1998.
13. China Daily. Business Week. May 24-30, 1998.
14. Расчет по: Чжунго тунци чжайяо 1998. Пекин, 1998. С. 80.
15. Там же. С. 81, 85.
16. Там же. С. 78, 80, 84.
17. Цзиньжун шибао. Пекин, 04 марта 1998.
18. China Daily. April 22, 1998.
19. South China Morning Post. Internet Edition. June 11, 1998.
20. Чжунго цзинци няньцзянь 1997. С. 217.
21. 1998 нянь: Чжунго шэхуй синши фэньси юй юйцэ (Анализ и прогноз социальной ситуации в Китае в 1998 г.) Пекин, 1998. С. 43; South China Morning Post, Internet Edition. April 2, 1998.
22. Ibid. April 16, 1998.
23. Фань Би. Цзякуай фачжань ши цзецзюе цзюе взньти ды гэньбэнь чулу (Ускорение развития есть коренной путь решения проблемы занятости). // Ляован. Пекин, 1998. № 8. С. 1.
24. 1998 нянь Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ. С. 148.
25. South China Morning Post. Internet Edition. April 2, 1998.
26. Чжунго шичан цзинци бао. 20 февраля 1998.
27. Цзинци байпишу... С. 156.
28. См.: Цзинци юй синьси. Пекин, 1997. № 11. С. 34-35.
29. South China Morning Post. Internet Edition. April 22, 1998.
30. Ibid. June 9, 1998; Цзинци жибао. 21 мая 1998.
31. China Daily. Business Week. May 10-16, 1998.
32. 1998 нянь Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ. С. 309-310.
33. 1998 нянь: Чжунго шэхуй синши фэньси юй юйцэ. С. 43-52; South China Morning Post. Internet Edition. May 19, 1998.
34. South China Morning Post. Internet Edition. April 17, 1998.

Формирование вокруг Китая экономического суперрегиона

© 1998

Чжао Хун

Одной из наиболее актуальных проблем, стоящих перед КНР, является экономическая интеграция и политическое объединение ранее отторгнутых от Китая территорий. Данная проблема, на протяжении многих десятилетий волновавшая китайское общество прежде всего своей национальной, исторической и психологической спецификой, ставилась по-разному. Проекты варьировались в зависимости от места и времени возникновения, официальные власти и граждане КНР тем не менее не выделяли в историческом плане Гонконг и Тайвань из Большого Китая. Под термином «Большой Китай» принято понимать экономическую, культурную и историческую целостность континентального Китая с сателлитами.

Создавая модели будущего Сянган и Тайваня, британские и американские политики и экономисты преследовали прежде всего геополитические цели своих стран в Юго-Восточной Азии. Китай, исходя из национальных интересов, был вынужден противостоять этим планам. Причем суть данного противостояния зависела не столько от политического устройства Китая, сколько от традиционных взаимоотношений США, Великобритании, с одной стороны, и Китая - с другой. В последние десятилетия эти взаимоотношения существенно изменились в связи с увеличением экономического и политического веса Китая, в чем-то они обострились, а в чем-то, напротив, приобрели характер экономического партнерства, балансирующего на грани геэкономического и геополитического соперничества.

Во главу угла политики современного китайского руководства поставлен вопрос о территориальной целостности Китая. Так, китайское руководство добилось того, что с 1 июля 1997 г. Сянган стал особым административным районом (САР) в составе Китая.

Проблема же присоединения Тайваня в настоящий момент остается открытой. Во взаимоотношениях с Тайванем Китай прибегает прежде всего к экономическим аргументам, безуспешно пытаясь заинтересовать Тайвань в экономическом сближении с Китаем. Вместе с тем Китай выдерживает достаточно жесткую линию по вопросу Тайваня, полагая, что рано или поздно этот остров органично вольется в политическую и экономическую систему страны. Использование модели "одна страна - две системы", как полагает китайское руководство, должно уменьшить опасения тайваньцев по вопросу воплощения идеи национального воссоединения. Сянган должен стать своеобразным испытательным полигоном этой провозглашенной Пекином модели воссоединения.

За счет быстрого расширения рынка банковских и финансовых услуг с 1980 г. Сянган стал третьим центром еврокредита после Лондона и Нью-Йорка. Статус Сянгана как международного финансового центра укрепился после принятия фондовой биржи Сянгана в члены международной федерации фондовых бирж. Сянган остается также и крупным международным торговым центром. Статус Сянгана как международного торгового и транзитного центра подкрепляется его выгодным географическим положением в Азии, а также его современной гаванью и развитой транспортной инфраструктурой. Сянган служит главным образом в качестве транзитного пункта для товаров, экспортируемых из Китая, и товаров, импортируемых Китаем. Предполагается, что слияние экономики Сянгана и Китая даст мощный импульс росту последнего. Поэтому Сянган важен для Пекина как финансовый центр, торговый партнер и инвестиционный канал. Присоединение Сянгана к Китаю сможет помочь в реализации программ экономической модернизации в Китае, поскольку Сянган может стать проводником капитала и технологий на материк.

Не меньшее значение для КНР имеет и политико-экономическое воссоединение с Тайванем, который, в силу имеющихся финансовых возможностей, может инвестировать в экономику Китая десятки миллиардов долларов, способствовать внедрению на китайских предприятиях передовых технологий, служить своеобразной базой для обучения китайских производственных и управленческих кадров.

Таким образом, КНР испытывает несомненную заинтересованность в объединении территорий исторического Китая, возлагая на себя миссию определять суть экономических устоев и политический статус ранее отторгнутых территорий Сянгана и Тайваня.

Вместе с тем присоединение Сянгана и Тайваня к КНР, несомненно, вызовет целый ряд последствий политико-идеологического характера. На сегодняшний день проблема, связанная с политико-идеологическим влиянием Сянгана, уже достаточно остро стоит перед китайским руководством. В данном вопросе западные исследователи, в целом проявляя единодушие, все же выражают как оптимизм, так и пессимизм. Оптимистическая точка зрения сводится к тому, что экономические интересы китайского руководства возобладают над политическими, а пессимистические - наоборот, к тому, что политические реалии Пекина поставят заслон на пути экономического объединения Китая и Сянгана.

Выход огромного социалистического Китая с присущими ему внутренними противоречиями на международную арену как национальной объединительной силы, крепнущей и развивающейся, сопровождается целым рядом проблем, разрешение которых неминуемо будет сопровождаться изменениями самого Китая, и по всей видимости, также будет зависеть от темпов этих изменений, не обещающих быть быстрыми. В настоящий момент мировые державы воспринимают нарастающую экономическую мощь Китая с заметным беспокойством. Тем не менее, если даже уровень реальных средних доходов китайского населения, не превышающий ныне ста долларов США в месяц, когда-то возрастет пусть даже в пять раз, все равно он не будет сравним с доходами сянганцев или тайваньцев, а это значит, что не будет и оснований для реального слияния сложившихся на территории Китая обществ.

Вместе с тем вопрос интеграции экономик Китая, Сянгана и Тайваня по своей значимости выходит далеко за рамки китайского (в расширительном смысле) экономического региона. Во многом происходящие и назревающие события, в том числе присоединение Сянгана, претензии Китая на территорию Тайваня и т.д., служат симптомами смены геоэкономического расклада в ми-

ре. Укрепление экономики Китая, с одной стороны, притягивает соседние государства к китайскому экономическому полюсу, а с другой стороны, рвет традиционные политические и экономические связи.

Для полноты понимания сложившейся картины дадим краткий обзор экономического развития Сянгана и Тайваня.

Экономическое развитие Сянгана и Тайваня в XVIII-XX веках находилось в полной зависимости от внешних факторов, сочетавших в себе как экономические, так и политические интересы Великобритании и США на Дальнем Востоке.

С геоэкономической точки зрения распространение влияния на Китай означает практически полный контроль над рынками Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, что проистекает из важного стратегического географического положения Китая в регионе. В попытках установить полный контроль Великобритания и США, каждая страна сама по себе, и на определенных этапах не осознавая этого, прибегли практически к одному способу действий – к созданию пограничных с Китаем, полностью зависимых от их политики государств – Сянгана и Тайваня.

Не останавливаясь подробно на колониальной специфике развития Сянгана, подчеркнем его двойственную роль в экономике региона в целом.

С одной стороны, экономически Сянган был изначально противопоставлен Китаю. В период XIX – начала XX веков он стал основным фактором экономического ослабления Китая, зоной, откуда распространялось влияние Великобритании на Китай. В какой-то степени богатство Сянгана было обусловлено бедностью Китая. Сянган аккумулировал в себе значительную часть денежных средств Китая, давая взамен последнему лишь опиум. Сложившаяся система была крайне выгодна для Великобритании, которая поддерживала ее самыми разными средствами, включая разорительные для страны инвестиции и военную силу.

С другой стороны, Сянган, как бы проходя стадию первоначального накопления капитала, стал и основным фактором позитивного развития экономик не только Китая, но и всей Юго-Восточной Азии. Аккумулируя в своих банках средства, добытые путем продажи опиума, Сянган стал приобретать цивилизованные формы развития как собственной экономики, так и логики своего влияния на регион. Последнее выразилось в стимулировании Сянганом торгово-товарных операций в Китае и в странах Юго-Восточной Азии, в финансовых вложениях сянганских банков в промышленную сферу региона.

Примерно такова же была логика развития Тайваня, также первоначально противопоставленного Китаю и развивавшегося как часть «пояса силы» вокруг Китая.

Что касается развития Тайваня, укажем на основные факторы становления экономики этой страны, поскольку обобщение таковых в ряде научных работ приобрело отчасти мифологизированный характер.

Существуют объективные причины хозяйственного обособления Тайваня, то есть оформление Тайваня как самостоятельного государства. Важнейшей из них является приход на Тайвань европейских колонизаторов, целью которых было использование природных богатств и выгодного географического положения Тайваня. С XVII века Тайвань переходит то к Испании, то к Голландии, то к Японии, и лишь к окончанию второй мировой войны остров был возвращен Китаю.

С другой стороны, решающим аргументом отделения Тайваня стала военная и финансовая поддержка Соединенными Штатами режима Чан Кайши после эвакуации его войск с территории Китая.

К 1945 г. США, считающие себя победителями Японии, оставили за собой право военного присутствия на Тайване. При этом США имели на территории Тайваня целый ряд крупных военных баз, где готовились военные формирования Чан Кайши для ведения гражданской войны. После поражения Чан Кайши на территории континентального Китая в начале 1949 г. началась эвакуация войск на Тайвань, ставший опорной базой США для борьбы с коммунистическим режимом в Китае.

В 1949 - 1950 гг. перспективы экономики Тайваня активно изучались в США. Был разработан план экономической помощи Тайваню. Главной целью американской помощи было развитие тайваньской экономики, способной на самостоятельное содержание армии, противостоящей континентальному Китаю. Соединенные Штаты стали курировать Тайвань через американскую Администрацию экономического сотрудничества (ЕСА). Целевым назначением на Тайвань потекли деньги. Объем всех видов помощи США Тайваню только в 1949 г. составил 344 млн. долл¹. Данная помощь была направлена прежде всего на поддержку режима Чан Кайши.

Следует отметить, что американское правительство установило строгий контроль за расходованием предоставлявшейся Тайваню помощи. Администрация экономического сотрудничества участвовала в работе тайваньского Совета экономической стабилизации, следила за деятельностью административных органов, чтобы "американские доллары и товары использовались только в тех целях, для которых они предназначались"².

На сегодняшний день можно сказать, что "первотолчком" в развитии экономики Тайваня стали, именно массивные американские инвестиции, поставки оборудования, удобрений, семян и консультационная помощь, что опровергает тезис Лиу Рен-Хао³ о том, что экономика Тайваня развивалась в основном за счет внутренних резервов и малой важности внешнеэкономической помощи.

Экономическое развитие Тайваня можно условно разделить на три периода: с 1949 г. по 1952 (восстановительный период), с 1952 г. по 1965 г. (период индустриализации), и с 1965 по настоящее время (современный период развития). Для всех трех этапов характерна тенденция на ускорение темпов экономического роста.

Характерно, что несмотря на прекращение американской помощи с 30 июля 1965 г., экономическое развитие Тайваня не только не замедлилось по сравнению с периодом индустриализации, но даже ускорилось, что говорит о том, что был заложен фундамент для самостоятельного развития экономики Тайваня.

В 1967 г. президент США Джонсон заявил: «Мы в Америке восхищаемся тем, что вы сделали, чтобы достичь экономического процветания на Формозе /.../ Земельная реформа Формозы — выдающееся явление в Азии /.../ модель для всех стран мира»⁴.

Итак, политики США, при всем их самолюбии, совершили важный шаг - сделали ставку на экономическое и политическое влияние на Китай через Тайвань. Предполагалось, что Тайвань войдет в географически очерченный "пояс силы", своеобразную "буферную зону", которые не должны были позволить Китаю распространять свое влияние на страны Юго-Восточной Азии. Иными словами, Китай предполагалось окружить враждебными китайскими же государствами с мощными экономиками и армиями, которые служили бы определенной сдерживающей силой, а возможно и форпостом для нападения на КНР.

Сянган же, с его колониальным статусом, автоматически включался в этот «пояс силы».

Создание подобных буферных зон, ограничивающих сферу влияния потенциально сильных государств, является традиционной стратегией международного поведения ведущих мировых держав. Поэтому выход Сянгана и Тайваня из зоны влияния Англии и США есть для Китая освобождение от возможности потенциального давления со стороны стран первого мира. «Собирание» же земель исторического Китая является первейшей задачей современного китайского руководства в деле обеспечения безопасности и процветания страны.

На современном этапе развития мировой экономики наблюдается явная тенденция перехода от конфронтации между странами и регионами к их интеграции. Характерными примерами является объединение Западной и Восточной Германии, переговоры между Северной и Южной Кореей и многие другие. То же самое происходит и в складывающемся китайском экономическом суперрегионе.

Неразрывные исторические и культурные корни, связывающие КНР, Сянган и Тайвань, во многом определяют перспективы экономического сотрудничества между ними внутри Азиатско-Тихоокеанского региона. Развитию такого сотрудничества способствуют и новые тенденции, проявившиеся в последнее десятилетие в экономике Китая. Здесь достаточно сказать лишь то, что Китай становится наиболее притягательным регионом для налаживания экономических связей в Азии. Его необъятный и постоянно растущий рынок заставляет многие, особенно сопредельные, государства разрабатывать планы перспективного экономического взаимодействия с Китаем, видя в последнем своеобразный гарант собственного экономического роста.

Однако интеграция Сянгана с Китаем и Тайваня с Китаем находятся на разных этапах.

Китай экономически воссоединяется с Сянганом. Основы сближения между ними закладывались еще в 60-х годах. Более того, еще до воссоединения Сянган фактически стал составной частью экономического пространства Китая. Их внешнеторговые отношения развились до такой степени, что они стали просто экономически неделимыми. Эта экономическая неделимость распространяется и на инвестиции: все иностранные инвесторы рассматривают эти две территории как единый объект для инвестирования. Так, многие иностранные компании размещают в Сянгане начальные и конечные стадии производственных цепочек, а в КНР—остальную часть производства, обычно наиболее трудоемкую.

В 1979 г., с началом китайской реформы, начался быстрый рост транзитной торговли Сянгана. В 1988 г. объем товаров транзитной торговли превзошел объем экспортируемых товаров гонконгского производства. К середине 80-х годов Сянган практически превратился в импортный порт КНР⁵.

Начиная с 1980 г., Китай вышел на первое место в реэкспортной торговле колонии. В 1984 г. коэффициент заполнения складов товарами в приграничных с Сянганом территориях возрос до 95%, коэффициент товарооборота увеличился на 25% по сравнению с соответствующим периодом 1983 г.⁶. Структура торговли Сянгана претерпела важные изменения. В итоге 1994 г. объем торговли Сянгана с внутренними районами Китая составил 855 млрд. сянганских долларов, тогда как объем торговли Сянгана с США составлял 316 млрд. сянганских долларов. То есть внутренние районы Китая стали первым торговым партнером Сянгана.

На современном этапе экономика Сянгана вступила в стадию зрелости, тем не менее темпы роста ВВП Сянгана заметно снизились, впрочем, в отдельных подотраслях и производствах они по-прежнему достигают двузначных показателей. В условиях ограниченности внутренних ресурсов особую роль в сохранении динамичного роста на небольшой территории играет, как правило, повышенная ориентация на развитие внешних экономических связей. В этом плане Китай, как крупнейший торговый партнер, является для Сянгана главным объектом внимания.

В 1995 г. основная часть сянганского экспорта направлялась в КНР — 33.2%, в США—22.1, в Японию—5.9 и в Германию—4.2%. Импорт в Сянган поступал, главным образом, из КНР—36.1%, из Японии—15.0, с Тайваня—8.6 и из США—7.7%⁷.

В результате за 15 лет — с 1978 по 1993 г. — взаимный товарооборот вырос в 42 раза, а среднегодовой прирост — на 28.6%.

Важной предпосылкой для развития торговли между КНР и Сянганом на современном этапе является их инвестиционное сотрудничество, носящее сбалансированный характер.

Сянган является для Китая основным источником прямых иностранных инвестиций: их приток и с этой мини-территории к середине 1995г. составил в кумулятивном выражении 68 млрд. долл., что относительно всего капитала, поступившего в Китай из-за рубежа, составило 60%. При этом наибольший интерес сянганских инвесторов сконцентрировался в самой южной, приграничной провинции Гуандун. На тот же период времени число сянганских компаний, вложивших капитал в развитие хозяйства этой провинции достигает 16 тыс.⁸. По статистике 1993 г., число совместных предприятий с участием сянганского капитала в этой провинции, составило около 23 тыс., обрабатывающих предприятий, принадлежащих Сянгану, — 80 тыс., и около 3 млн. человек из КНР являются наемными работниками сянганских компаний. Инвестиционная сфера Сянгана в Китае включает в себя обрабатывающую промышленность, услуги, недвижимость, финансы, транспорт, туризм и розничную торговлю.

Что касается инвестиций в Сянгане, то иностранный капитал играет в сянганской экономике немалую роль, являясь одним из факторов, обусловивших ее процветание. Исторически первыми иностранцами, вложившими свои деньги в Сянган, были англичане, потом стало быстро расти число зарубежных инвесторов-китайцев (хуацяо), вслед за ними стали вкладывать в сянганскую экономику инвестиции иностранные фирмы, наконец, в последние годы появилось немало предприятий с участием китайского капитала, который занимает важные позиции в таких отраслях сянганской экономики, как кредитно-банковское дело, внешняя торговля, судоходный транспорт, туризм, индустрия недвижимости, перерабатывающая промышленность, розничная торговля и др.

Примерно с конца 70-х г., когда Китай взял курс на реформы и открытость, началось быстрое увеличение инвестиций из внутренних районов Китая в Сянган. Эта тенденция вполне согласуется с общей обстановкой интернационализации структуры капитала в сянганской экономике. Этому благоприятствуют также территориальная и языковая близость и удобство в общении между Сянганом и внутренними районами Китая.

Таким образом, Сянган в объединении его экономики с китайской играет как бы роль моста, связывающего Восток (Китай) и Запад (мировую экономику в целом).

В свою очередь Тайвань находится на более ранней стадии экономического сближения с Китаем. Тайвань имеет избыточные валютные резервы и перспективные технологии, а Китай — неограниченные трудовые ресурсы и емкий рынок.

Прообраз торговых отношений между Тайванем и Китаем зародился еще во времена их глухого противостояния. Это время можно назвать периодом пробных торговых отношений между КНР и Тайванем. В 1984 г. правительство Тайваня пересмотрело свой закон от 1977 г. о запрещении торговли с КНР. Были сняты жесткие ограничения на экспорт некоторых тайваньских товаров в КНР через Сянган и Макао. Это говорит о начале возникновения торговых отношений между Китаем и Тайванем.

По статистике Тайваня за последние 10 лет объем экспорта из Тайваня в КНР вырос в 15,9 раз (с 1,226 млрд. долл. до 20,727 млрд. долл.). За эти же 10 лет импорт товаров из КНР в Тайвань вырос приблизительно в 9,6 раз (с 289 млн. долл. до 3,06 млрд. долл.)⁹.

Тайваньская сторона получает больше преимуществ от торговли с КНР, чем КНР, так как за рассматриваемые 10 лет торговый баланс Тайваня был положительным: тайваньский экспорт товаров в КНР существенно превышал импорт из КНР. И такое соотношение имеет тенденцию к увеличению.

При этом торговая зависимость Тайваня от КНР за последние годы увеличивается. Так, объем торговых отношений Тайваня с КНР составлял в 1987 г. 1,71% по отношению к общей внешней торговле, а в 1996 г. тот же показатель составил 10,95%. При этом доля объема экспорта в КНР по отношению ко всему экспорту составила 2,28% в 1987 г. и 17,87% в 1996 г., доля объема импорта из КНР на Тайвань по отношению к общему импорту составила 0,83% в 1987 г. и 3,02% в 1996 г. Таким образом, КНР стала третьим по объему торговли партнером для Тайваня после США и Японии. Отметим, что торговая зависимость КНР от Тайваня также увеличивалась за эти годы. Так, доля объема импорта с Тайваня в КНР по отношению к общему импорту в КНР увеличилась с 2,84 в 1987 г. до 14,93% в 1996 г. Доля объема экспорта из КНР на Тайвань по отношению к общему экспорту увеличилась с 0,73 в 1987 г. до 2,03% в 1996 г.¹⁰

Таким образом, пока Тайвань нельзя назвать крупным торговым партнером КНР, но увеличение соответствующих процентных показателей говорит о том, что роль Тайваня среди других торговых партнеров КНР возрастает.

В отношении инвестиционной политики дело обстоит несколько лучше. Тайвань является одним из крупнейших инвесторов КНР. Следует заметить, что инвестиционное сотрудничество между ними, в отличие от сотрудничества между Сянганом и Китаем, является односторонним, потому что Тайвань не хочет принимать инвестиций от Китая, боясь попасть под его сильное экономическое влияние, что неизбежно обострило бы желание и возможность Китая присоединить к себе Тайвань. При этом инвестиции Тайваня ориентированы больше на производства ненаукоемкие, что также подчеркивает желание Тайваня получать от Китая скорее сиюминутную выгоду, нежели сотрудничать с ним в создании долгосрочных экономических проектов.

Каковы же перспективы интеграции Китая с Сянганом и с Тайванем?

Что касается Сянгана и Китая, то важнейшим аспектом их отношений является факт их исторического воссоединения в 1997 г.

Обычной точкой зрения является констатация явной заинтересованности Китая в объединении с Сянганом. При тщательном же изучении интеграции Сянгана с Китаем выясняется, что Сянган, в свою очередь, ничуть не менее заинтересован в воссоединении с Китаем. И в этом утверждении мы не

одинок. Так сянганский экономист Дж.Т.М.Лэм пишет: «Когда воссоединяются два общественно-экономических организма с разной ориентацией и практикой, каждый из них будет оказывать влияние на другое. Таким образом, воздействие воссоединения и на Сянган, и на Китай является взаимным, а не односторонним.»¹¹.

С одной стороны, воссоединение Сянгана с Китаем ускорит процесс их взаимной интеграции, но, с другой стороны, экономические, политические и психологические последствия передачи суверенитета над Сянганом Китаю еще не проявили себя в полной мере. Это и дилемма демократизации против стабильности, и неопределенность экономических перспектив во время политического перехода¹². Эти и другие объективные и субъективные причины могут сильно осложнить процесс экономико-политической интеграции Сянгана и Китая.

Последнее, на чем мы остановимся, это вопрос перспективы экономического объединения Тайваня с Китаем и образования китайского суперрегиона.

Наблюдается тенденция к переориентации тайваньского экспорта с рынка США на рынок стран Юго-Восточной Азии и на российский рынок. Так, доля экспортных поставок Тайваня в страны Юго-Восточной Азии возросла с 5,7 в 1986 г. до 10,4% в 1994 г.¹³ Если к 1994 г. доля тайваньской продукции на российском рынке электроники была крайне незначительной, то к 1997 г. 4% всех производимых на Тайване компьютеров и комплектующих к ним поглотил российский рынок¹⁴. Вследствие изменения направления поставок продукции доля тайваньского экспорта на рынок США сократилась.

Подобное положение обусловлено во многом естественной тягой тайваньских производителей к новым открывающимся и постоянно растущим рынкам Восточной Азии.*

Наблюдается и переориентация тайваньских инвестиций, имеющих характер целевых вкладов в развитие промышленности региона. На сегодняшний день основную долю инвестиций Тайваня поглощают страны Юго-Восточной Азии. На первом месте среди них стоит Китай. Так, в 1993 г. Тайвань инвестировал в китайскую экономику 19 млрд. долл. США¹⁵.

Объективность переориентации экономики Тайваня с Соединенных Штатов на регион Восточной Азии подтверждают и другие данные: например, в 1996 г. объем тайваньского экспорта в США снизился до 18,9%. Иными словами, за незначительный период времени, в условиях возрастания общего объема экспорта Тайваня, поставки тайваньской продукции в США упали до 28,9%¹⁶. Тенденция к существенному сокращению экспорта тайваньской продукции в США продолжает сохраняться и по сей день. Данная тенденция приобретает устойчивый характер и ведет к корректировке геоэкономической обстановки в мире. И если не говорить даже об увеличении темпов отмеченного явления, а лишь об их сохранении, то примерно к 2020 г. можно прогнозировать образование нового мощного экономического региона, не лишённого внутренних противоречий, однако уже с четко обозначенными условиями для внутрирегионального разделения труда и для планирования дальнейшего экономического развития.

Такой вывод подтверждается падением активности Тайваня на инвестиционных рынках США и возрастанием активности в восточноазиатском

* В 1993 году средние темпы экономического роста в мире составили 2,3%, в то время как аналогичный средний показатель для стран Юго-Восточной Азии был равен 6,7%, что значительно увеличило емкость рынка стран Юго-Восточной Азии. См. [Финансовые известия. 1997. 26 января.]

регионе. Суммы инвестиций Тайваня в экономику США неуклонно снижаются, в страны же Юго-Восточной Азии - повышаются. Причем нужно отметить, что 70% всех инвестиций в США было направленно в банковскую и страховую сферы, что же касается стран Юго-Восточной Азии, то практически все инвестиции Тайваня были направлены на развитие производственной сферы, хотя, к сожалению, это производство не основывается в массе своей на наукоемких технологиях и было представлено предприятиями, специализировавшимися на изготовлении товаров народного потребления низкого качества, а также на сборке дешевой электроники.

В связи с этим экономическая интеграция Китая и Тайваня, вне всякого сомнения, несущая огромные выгоды обеим странам, остро нуждается в изменении внутренней стратегии, в переориентации хотя бы части совместных китайско-тайваньских предприятий на выпуск наукоемкой продукции. И здесь следует констатировать, что ни китайской, ни тайваньской научной базы для подобной переориентации недостаточно. Необходимо привлечение третьих стран с развитой системой научных учреждений, крайне заинтересованных в подобном сотрудничестве. Наиболее естественным претендентом на подобное место может стать Япония. Однако, как показывает опыт, взаимоотношения Тайваня и Японии, Японии и Китая не ведут к развитию фундаментальной науки ни на Тайване, ни в Китае. Эти взаимоотношения по большей части заканчиваются капиталовложениями в сборочные торговые предприятия или же развитием банковского и страхового предпринимательства.

Менее естественным, но также входящим в потенциально обозначаемый экономический регион, партнером Китая (и отчасти Тайваня) в деле развития наукоемких производств может стать Россия. Не секрет, что современная российская наука по целому спектру направлений является лидирующей в мире. Однако же "беда" России состоит в том, что кризисное состояние экономики страны не позволяет своевременно внедрить научные разработки в производство. Находящаяся на подъеме китайская промышленность, напротив, при помощи российских специалистов способна освоить и довести до массового производства все то, что создано российскими учеными. Подобным путем в относительно короткие сроки возможно поднять качество огромного количества выпускаемой в Китае продукции.

Задача Тайваня в этой региональной экономической схеме состоит в корректировке потенциально возможного сближения Китая и России путем эффективного вложения капиталов. Нынешняя же линия тайваньских банков на увеличение валового производства товаров в Китае, на увеличение объемов продаж этих товаров, разумеется, приносит существенную прибыль, но вместе с тем ведет к ситуации потенциального затоваривания.

Нужно отметить, что на тайваньские инвестиции в китайскую промышленность не имеет существенного влияния собственно тайваньское руководство, поскольку инвестиции эти носят не государственный и международный, а частный характер. Частные же тайваньские инвесторы на сегодняшний день не видят иных перспектив своего финансового присутствия в Китае, кроме увеличения объемов продаж производимой продукции на недорогом оборудовании, а то и просто вручную. Кроме того, ориентирующийся на крупные национальные финансовые круги тайваньский государственный аппарат поддерживает своих банкиров, опасаящихся к тому же качественного роста китайской промышленности. Опасения эти, как мы уже говорили, связаны в первую очередь с повышением риска конфронтации с материковым Китаем на сугубо политической почве.

Собственно у Тайваня условия для реализации экономической реформы существуют и по сей день. И основаны они прежде всего на тесных экономических связях с Соединенными Штатами, до сих пор видящими в Тайване определенного рода сдерживающий механизм для распространения экономического влияния континентального Китая. Однако, по мере сближения Тайваня с Китаем и ухода из «полюсной» зоны США, связи эти ослабевают. Тайвань становится для США все менее привлекательным партнером, а в перспективе может быть и соперником, конкурентом. Поэтому выход на высокие технологии, перспективные научные исследования со временем станут для Тайваня существенной проблемой, которую, возможно, придется решать путем политических уступок континентальному Китаю или США.

Таким образом, в современном мире складывается новое мощное экономическое образование — китайский суперрегион, включающее Китай, Сянган, Тайвань, а также ряд других стран Юго-Восточной Азии.

Все страны - кандидаты на место в этом суперрегионе крайне заинтересованы в экономической интеграции друг с другом. И несмотря на наличие многих причин, замедляющих этот процесс, такая тенденция явно просматривается.

1. Барышников В.Н. "Тайваньский вопрос" в китайско-американских отношениях (1949 - 1958): Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 1964. С.44-48.
2. Bate H.M. Report from Formosa. N.-Y., 1952. P.168
3. Лиу Рен-Хао. Основные направления развития экономики Тайваня и его сотрудничества с Россией. Диссертация на соискание ученой степени канд. экономич. наук. М., 1995. С. 10-13, С. 64.
4. China News. May 10, 1967.
5. Fortune. 1983. № 8. P. 128.
6. Гуанмин жибао. 4 января.
7. БИКИ. № 42 (7468). 1996. 11 апреля.
8. Гонконг до и после 1 июля 1997 года. Москва, 1997.
9. Куаюэ лишидэ Хунгоу (Перейти историческую грань) /Под ред. Чжао Тефу. Тайбэй, 1997. С. 171-172.
10. Там же.
11. Джэрмен Т.М. Лэм. Воссоединение Гонконга с Китаем: Воздействие на Китай: Городской Университет Гонконга. С.2.
12. Gerald Segal. A Clearer Fate for Hong Kong // The World Today. Vol. 50. №2. February. 1944. P. 36-39; Brian Hook. Political Change in Hong Kong // China Quarterly. № 136. December. 1993 P. 840-863 и др.
13. Чжунъян жибао. Тайбэй, 1994. 18 августа.
14. Там же.
15. Лиу Рен-Хао. Основные направления развития экономики Тайваня и его сотрудничества с Россией. Диссертация на соискание ученой степени канд. экономич. наук. М., 1995. С. 10-13, С. 64.
16. Развитие внешней торговли Республики Китая. Тайбэй, 1994. С. 25.

К вопросу о причинах и уроках азиатского финансового кризиса

© 1998

М.Потапов

Эра глобализации и усиления международных торговых и финансовых потоков, активизация интеграционных процессов и углубление открытости экономик отдельных стран сопровождается обострением кризисных явлений, замедляющих мировой экономический рост на международном и региональном уровнях¹. Реализация мер в русле стратегии, направленной на переход к модели открытой экономики, продемонстрировала наличие серьезных недостатков, наглядно проявившихся в разразившемся во второй половине 1997 г. валютно-финансовом кризисе в государствах Восточной и Юго-Восточной Азии (Республика Корея, Таиланд, Индонезия, Филиппины и др.). Основные проблемы, возникшие в связи с ситуацией в этих странах, как представляется, связаны с эффективностью современной международной финансовой системы и государственной финансовой политикой, а более конкретно - соотношением между шагами по либерализации рынка капитала (прежде всего краткосрочного) и сохранением экономического равновесия в обществе.

Сложившийся к 1997 г. у стран Восточной и Юго-Восточной Азии дефицит платежного баланса в сравнении с недавним мексиканским кризисом, на первый взгляд, не носил угрожающий характер. С одной стороны, он не говорил о плачевном положении дел в государственном кредитном секторе экономики (речь шла о потоках займов и кредитов в частный ее сектор). С другой стороны, внешнее заимствование из частных источников использовалось не на потребление, а на инвестиции. Однако при более тщательном рассмотрении нетрудно выделить ряд неблагоприятных факторов. Важнейший из них - низкое качество инвестиций, которые шли преимущественно на обслуживание спекулятивной деятельности, связанной с операциями с недвижимостью, ценными бумагами, на масштабные и неэффективные инфраструктурные проекты с участием громоздких государственных монополий.

К этому времени стала очевидной завышенность официального валютного курса стран ЮВА, привязанного к доллару, а это препятствовало расширению вывоза товаров и способствовало снижению валютных поступлений от товарного экспорта (см.табл.). Данные процессы происходили на фоне сильной конкуренции со стороны Китая за привлечение предпринимательских инвестиций из Японии, США, Западной Европы и за выход на рынки этих стран со своей продукцией: товарная структура экспорта КНР и асеановской "четверки" (Таиланд, Малайзия, Филиппины, Индонезия) практически совпа-

Потапов Максим Александрович, кандидат экономических наук, второй секретарь Департамента международных организаций МИД России, эксперт российской делегации на основной сессии Экономического и Социального Совета ООН (Нью-Йорк, июль 1998 г.)

дает. Однако по стоимости рабочей силы китайцы имеют явное преимущество перед своими азиатскими партнерами.

Что касается проведенной Китаем в 1994 г. девальвации юаня посредством введения "единого регулируемого валютного курса" и его влияния на обострение конкуренции КНР со странами Юго-Восточной Азии на мировом рынке, хотелось бы отметить, что реальный показатель девальвации с учетом параллельного курса на черном рынке и объема "теневых" операций, а также инфляции в первой половине 1990-х годов, был невелик и, по некоторым оценкам, составил лишь 7 %². В последующие после девальвации годы реальный курс юаня неуклонно повышался (в 1994-1996 годах юань подорожал по отношению к доллару, соответственно, на 2,9 , 1,5 , и 0,3 %) и с этой точки зрения говорить о существенной роли китайского валютного "рычага" давления на страны Юго-Восточной Азии в этот период не приходится. Скорее уж стоит упомянуть в этой связи девальвацию японской иены по отношению к доллару в 1995-1997 г.г. При этом стоит подчеркнуть, что хотя конкуренция между КНР и ее соседями по региону на мировом рынке сама по себе и не могла послужить первопричиной кризиса в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, однако создала неблагоприятную внешнюю обстановку³.

Наконец, в число неблагоприятных факторов следует добавить трудности перепроизводства в ряде экспортных отраслей промышленности стран региона (автомобильной, компьютерной, сталелитейной, пищевой и др.) и активизацию протекционистской политики Запада в ответ на экспортную экспансию асеановцев.

Первопричина же кризисных явлений в азиатских странах, по нашему убеждению, кроется не в резко возросших объемах краткосрочной задолженности по частным обязательствам. В благополучный предкризисный период (1993-1996 гг.) не наблюдалось резких изменений в динамике этого показателя (см.табл.). Становится очевидным, что определяющую негативную роль сыграли слабость и уязвимость финансового сектора экономики стран региона. Усугубила ситуацию проводившаяся в них в эти годы быстрая и непродуманная либерализация операций по "капитальным счетам", отражающим движение капиталов (приток зарубежных прямых и портфельных инвестиций, займов и кредитов и т.п.). Снятие ограничений в этой области объективно служит открытию экономики и стимулирует сотрудничество с внешним миром. Одновременно, однако, увеличивается приток в страну рискованного капитала. Вина правительств азиатских стран заключалась в том, что они не воспрепятствовали избыточным рискованным операциям на своем финансовом рынке в условиях либерализации движения капитала по текущим счетам.

Таблица 1

**Динамика экспорта и краткосрочной частной задолженности стран
восточной и юго-восточной Азии в 1990-х годах**

	Среднегодовая динамика экспорта (проц.)			Доля краткосрочной частной задолженности в общем объеме внешнего долга по негосударственной линии (проц.)			
	1993-95	1996	1997*	1992	1994	1996	1997*
Таиланд	20,1	-1,2	2,3	69,0	71,0	65,2	65,7
Республика Корея	18,1	4,2	0,3	48,1	48,8	50,3	56,4
Малайзия	21,9	6,2	3,2	45,7	47,4	58,2	58,8

* Данные рассчитаны, исходя из первой половины года

	Среднегодовая динамика экспорта (проц.)			Доля краткосрочной частной задолженности в общем объеме внешнего долга по негосударственной линии (проц.)			
	1993-95	1996	1997*	1992	1994	1996	1997*
Индонезия	10,2	9,7	8,9	60,5	61,8	61,7	59,0
Филиппины	21,7	16,7	24,0	71,4	71,1	67,5	67,9

Источники: данные Секретариата ООН и ЭСКАТО, МВФ, АзБР и Банка международных расчетов.

Опыт развития ситуации в азиатских экономиках позволяет сделать вывод о том, что либерализация финансовых потоков должна проводиться под контролем правительства, постепенно и последовательно, при одновременном содействии расширению притока прямых иностранных инвестиций. Заблаговременно, до снятия ограничений на операции по капитальным счетам, должны быть проведены внутренние финансовые реформы, созданы механизмы регулирования, предусматривающие, в частности, разработку процедур в отношении рискованной задолженности, создание резервов на случай их непогашения. Первые шаги по либерализации следует проводить в отношении движения долгосрочного капитала и лишь затем "освободить" краткосрочные инвестиционные потоки. Темпы реформ необходимо определять с учетом возможностей политической и экономической системы каждой страны приспособиться к новым условиям и сохранять социальную стабильность. Важно также осуществлять надзор за деятельностью банков и других финансовых учреждений, тщательно следить за валютными курсами и корректировать, в случае необходимости, политику их регулирования.

Выбирая между политикой "привязанного" к другой валюте (искусственно поддерживаемого) или независимого валютного курса, трудно однозначно оценить воздействие "привязанного", например, к доллару национального курса на привлечение краткосрочного капитала в период роста экономики и ее экспорта. Следует отметить, что больше половины валютно-финансовых кризисов за последние двадцать лет происходили в странах, практикующих гибкий (плавающий) валютный курс⁴. Вместе с тем поддержание фиксированных обменных курсов, безусловно, требует значительного объема валютных резервов и сопряжено с определенными издержками. Все же, думается, в условиях развитой рыночной экономики более целесообразно придерживаться гибкого валютного режима, с тем чтобы не допускать необоснованного отклонения курса, а при наличии диверсифицированной структуры торговли курс национальной валюты предпочтительнее устанавливать на основе корзины валют, нежели путем привязки к одной валюте.

События на азиатском рынке выявили также слабые стороны международных финансовых организаций, которыми не были приняты своевременные меры по недопущению его возникновения и исправлению положения. За прошедший после начала кризиса год страны "третьего мира" активно использовали трибуну международных форумов для заявлений о том, что учреждения Всемирного банка и МВФ в своей деятельности зачастую действуют не в интересах мирового сообщества и развивающегося мира, а защищают интересы крупнейших банков и корпораций и тонущие авторитарные режимы.

В международных организациях системы ООН в первой половине 1998 г. получила хождение идея о необходимости создания, по аналогии с ВТО, *Всемирной финансовой организации* (ВФО). Такая организация, по замыслу

ее разработчиков из Комитета ЭКОСОС по планированию развития, обеспечивала бы общее руководство деятельностью по разработке и контролю за соблюдением международных стандартов и кодексов поведения в области управления негосударственными финансовыми потоками, надзор за операциями на рынках частного капитала. Сфера деятельности ВФО могла бы, к примеру, включать установление требований к учреждениям, занимающимся оценкой кредитоспособности, и правил по установлению и применению международных режимов в отношении банкротства, разработку вместе с другими государственными и частными учреждениями приемлемых форматов для регулирования движения краткосрочного капитала и контроля за применением международных руководящих принципов в этой области. В целом, как полагают сторонники этой идеи, Всемирная финансовая организация способствовала бы применению рациональных финансовых принципов и практики, обузданию деструктивной конкурентной борьбы.

Другое предложение в русле реформирования действующих финансовых организаций предусматривает создание *постоянного резервного фонда* в рамках МВФ, который бы обеспечивал своевременный автоматический доступ к заемным средствам для заранее определенного круга стран, проводящих "осмотрительную" политику и столкнувшихся с кризисом до завершения их переговоров с МВФ об оказании помощи.

Подобные проекты создания Всемирной финансовой организации, равно как и Азиатского валютного фонда, сталкиваются с вполне понятными опасениями со стороны ведущих западных стран возможного подрыва роли действующих международных финансовых организаций и встречают резкое их отторжение. Это наглядно проявилось в ходе основной сессии ЭКОСОС в июле 1998 г., когда ведущие промышленно-развитые страны (США, Япония и др.) не поддержали представленные сессии, содержащие подобные предложения выводы доклада Комитета по планированию развития и ограничились принятием их к сведению. Аналогичную позицию по этому вопросу занимают и ведущие научно-исследовательские центры развитых стран⁵. В этой связи, как нам представляется, более реалистичным на нынешнем этапе является выдвигаемые специалистами предложения о формировании надежной глобальной системы страхования финансовых рисков по аналогии со страхованием предпринимательских инвестиций, гарантирующей от фатальных последствий безрассудной перекачки денег в погоне за быстрыми сверхприбылями.

* * *

Азиатский финансовый кризис оказал негативное воздействие даже на те страны и территории региона, которые не испытывали проблем с платежным балансом и располагали значительными валютными резервами, как, например Китай и его специальный административный район Гонконг, Тайвань, Сингапур. Так, из-за снижения импортного спроса стран ЮВА и девальвации их валют рост китайского экспорта неизбежно столкнется в 1998 г. с определенными трудностями.

В Китае последнее время огромное внимание уделяется вопросам обеспечения стабильности финансового сектора национальной экономики. Пекинское руководство прилагает максимальные усилия для того, чтобы защитить экономику страны от последствий региональных потрясений. В целях нераспространения финансового кризиса на Гонконг и материковую часть страны и поддержания стабильного экономического роста Народным (центральным) Банком Китая (НБК) определены следующие приоритеты в его те-

кущей деятельности. На первый план выдвинуто усиление макроэкономического контроля в области валютно-финансового регулирования, ужесточение кредитной политики. Эти задачи включены в функции созданного при НБК в соответствии с Законом о Народном Банке Китая комитета по денежной политике, призванного разработать основы денежно-кредитной политики и предложить правительству меры по ограждению национальной финансовой системы от конъюнктурных колебаний на международном финансовом рынке. Далее, решено упорядочить и начать поэтапного осуществления мероприятий по либерализации финансового рынка с целью достижения свободной конвертируемости национальной валюты в соответствии с требованиями ВТО, предусматривающих постепенное и осторожное снятие ограничений на допуск иностранного капитала в банковскую, страховую и фондовую сферы, выдачу в экспериментальном порядке разрешений зарубежным финансовым учреждениям на операции с юанями в отдельных районах страны и т.д. Не менее важным является понимание со стороны китайских властей необходимости сохранения на обозримую перспективу жесткого контроля за движением средств на капитальных счетах.

В этой связи не вызывает удивления уверенность китайских властей в способности гонконгского доллара эффективно противостоять внешнему "кризисному натиску". Гарантией тому служат как значительные валютные резервы самого Гонконга (88 млрд. долл.), так и средства специально созданного резервного фонда НБК для стабилизации гонконгского доллара (около 40 млрд. долл.).

Анализируя причины устойчивости юаня на фоне разгоревшегося финансового кризиса в Азии в 1997-1998 гг., прежде всего следует отметить стабильно высокие темпы экономического роста и успешное подавление инфляции в КНР. Устойчивость платежного баланса Китая объясняется эффективным использованием (30-40 млрд. долл. ежегодно) и благоприятной структурой иностранных предпринимательских капиталовложений, а также поддержанием стабильного положительного сальдо во внешней торговле, чему способствует облагораживание структуры экспорта и импорта (в настоящее время 85 % китайского экспорта - готовая промышленная продукция). Сальдо платежного баланса по текущим операциям также положительно и оценивалось в 1996-97 гг., соответственно, 1 проц. и 2,5 проц. ВВП⁶. Хотя КНР и является одним из крупнейших мировых должников (116,3 млрд. долл. внешней задолженности на начало 1997 г. при ежегодных выплатах по обслуживанию долга около 20 млрд. долл.), ее внушительные валютные резервы (около 145 млрд. долл. к началу 1998 г.), благоприятная структура займов (88 % - средние и долгосрочные), стабильность валютного курса позволяют оптимистично оценивать валютно-финансовое положение страны.

Интересным для анализа представляется валютно-курсовая политика китайского правительства в отношении юаня. Китайский юань является одной из наиболее стабильных азиатских валют. После отмены системы двойного обменного курса в начале 1994 г., когда юань был девальвирован примерно на 40 %, единый курс установился на уровне 8,3-8,4 юаня за ам. доллар, и остается на этой отметке, несмотря на валютные "бури" в соседних по региону странах. То, что обменный курс черного рынка практически соответствует биржевому, свидетельствует о достаточно рациональном механизме определения официального валютного курса.

Помимо отмеченной нами крепкой экономической базы, стабильность юаня также объясняется ограниченным доступом зарубежных финансовых структур на китайский фондовый и валютный рынок. Главное препятствие

заключается в том, что юань не является свободно конвертируемой валютой. Конвертируемость юаня по текущим операциям, о которой было объявлено в конце 1996 г., не предусматривает форсированный переход к свободной обратимости по капитальным счетам⁷.

Операции с иностранной валютой являются в Китае объектом жесткого государственного контроля. Действует запрет на скупку и продажу валюты частными лицами. За исключением ряда крупных предприятий, вся валютная выручка, полученная от реализации продукции китайских компаний за рубежом, обменивается уполномоченными государственными банками на юани. К этому следует добавить, что процентные ставки по вкладам за последние годы снижались трижды, что существенно уменьшает привлекательность китайского рынка для краткосрочных инвестиций.

Таким образом, высокие темпы экономического роста, низкая инфляция и ограниченные возможности инвестирования иностранной валюты внутри страны (только 5 % своих сбережений китайцы держат в СКВ) формируют факторы, противодействующие естественному снижению обменного курса юаня. Вследствие близости товарной номенклатуры экспорта со странами ЮВА по многим позициям (одежда, бытовая электроника и др.), произошедшая на их рынках девальвация национальных валют создала серьезные проблемы для внешней торговли Китая. В этой связи ряд китайских экспертов считает целесообразным провести ответное снижение курса юаня, чтобы уменьшить издержки и повысить конкурентоспособность китайской продукции за рубежом.

Тем не менее правительство КНР не считает необходимым в сложившихся условиях идти на девальвацию юаня. На наш взгляд, причина заключается в том, что чистый эффект от снижения курса не столь уж очевиден. С одной стороны, оно ударит по Гонконгу, а с другой, преждевременная девальвация может даже ухудшить позиции Китая на мировом рынке. Надо признать, что в настоящее время переживающим кризис странам АСЕАН тяжело осуществлять массивную экспортную экспансию на внешних рынках, опираясь лишь на свою девальвированную валюту.

Одновременно Госсовет КНР намерен поддержать свою экспортеров. Косвенными мерами в этом отношении могут считаться новые льготы для предприятий с иностранными инвестициями, на которых приходится более 40 % экспортной продукции страны. Начиная с 1998 г., предприятия этой категории, занимающиеся производством высокотехнологичной продукции, освобождаются от уплаты импортных таможенных пошлин. В ряде других приоритетных отраслях импортные таможенные пошлины для предприятий с иностранным участием будут сокращены наполовину.

Итак, анализ экономического и валютно-финансового положения КНР позволяет говорить о стабильности ее национальной валюты. Уже ясно, что последствия азиатского кризиса на данном этапе Китаю удалось свести к минимуму. Немаловажно и то, что КНР сохраняет сравнительную привлекательность для зарубежных инвесторов, и этот фактор тоже позволяет Пекину достаточно уверенно противодействовать кризису региональных валют. Однако ускорение интеграционных процессов в АТР, усиливая взаимозависимость стран региона, уже в ближайшем будущем потребует значительно больших усилий в деле обеспечения финансово-экономической безопасности страны. Сохраняются и серьезные внутренние проблемы, требующие кардинальных решений, прежде всего реформирование государственных предприятий в целях оживления их деятельности, повышения эффективности работы и их платежеспособности по банковским кредитам. Не будучи разрешена, данная

проблема способна надолго затормозить столь успешное на протяжении последних десятилетий экономическое развитие страны⁸.

* * *

Подытоживая, хотелось бы еще раз подчеркнуть тот факт, что коренной причиной финансового кризиса в азиатских странах в 1997-1998 гг. стала непродуманная форсированная либерализация финансовых операций, приведшая на фоне падения экспорта и чрезмерных краткосрочных заимствований к значительному дефициту платежного баланса. Уроки азиатского кризиса убедительно говорят о том, что импортные потребности должны финансироваться экспортными доходами, а не краткосрочными кредитами. В этой связи на первый план выходят задачи технологического роста, повышения качества товаров и людских ресурсов, национального компонента в добавленной стоимости перерабатываемой экспортной продукции.

Чрезмерная зависимость от притока капитала, особенно от портфельных инвестиций и краткосрочных банковских кредитов, чревата возможным ухудшением состояния платежного баланса. В этой связи важно, чтобы привлекающийся капитал направлялся преимущественно на цели производительных инвестиций, а не на цели потребления или низкопроизводительных капиталовложений. В области финансов необходимо не дерегулирование и ослабление контроля, а институциональная реформа, способная обеспечить более эффективное прогнозирование и контроль за финансовыми рынками. Как этого достичь - среди международных экспертов пока нет единого мнения. Общий вывод состоит в том, что необходима осторожность и постепенность, баланс сдерживающей и стимулирующей политики. Винить во всем олигархический капитал, сросшийся с властью, было бы упрощением. Ведь главный вопрос заключается не в том, кто является субъектом долговых отношений, а насколько эффективно используются заемные средства.

Кризисы также наглядно показали, что неконтролируемые потоки капитала оказывают разрушительное воздействие на экономику стран со слабой, плохо регулируемой финансовой системой, для компаний которых характерны диспропорции между показателями заемного и собственного капитала. Наряду с основными индикаторами экономического положения страны - ростом ВВП и уровнем инфляции - следует уделять особое внимание показателю состояния платежного баланса как по текущим операциям, так и по движению капиталов и кредитов, соотношению краткосрочной задолженности и объема золотовалютных резервов. Конечно, допустим и дефицит платежного баланса в том случае, если он обеспечивается прямыми инвестициями в экономику, стабильными валютными резервами и доходами государственного бюджета, гарантирующими устойчивость экономики к спекулятивным атакам на мировых финансовых рынках.

Последние события в странах Восточной и Юго-Восточной Азии свидетельствуют о назревшей необходимости реформирования деятельности существующих международных финансовых организаций с целью достижения большей гибкости и упорядоченности в предоставлении кредитов, реструктуризации частной задолженности, выработки стандартов контроля и т.д. Какова же будет конкретная структура мировой финансовой системы - покажет будущее.

В целом же проблемы, переживаемые группой новых индустриальных стран Азии, заставляют более реалистично оценивать механизм достижения результатов "азиатского экономического чуда", ни в коей мере не перечерки-

вая положительный опыт их экономического развития, позволивший им в исторически короткие сроки решить задачу ускорения экономического роста и достижения качественно более высокого уровня благосостояния людей.

1. Темпы роста мировой торговли, по прогнозам экспертов ООН, снизятся в 1998 г. на 1,9 процентного пункта и составят 7 проц., а рост ВВП, соответственно, уменьшится на 0,8 процентного пункта до 2,5 проц. (UN World Economic and Social Survey-1998, N.Y., 1998).
2. Goldstein M. The Asian Financial Crisis. Cures, and Systemic Implications. Wash., 1998, p.20.
3. Близкую точку зрения на роль девальвации юаня 1994 г. в азиатском кризисе высказывает М.Голдстейн из Вашингтонского института международной экономики (см. Goldstein M. Op.cit., p.16-17).
4. IMF World Economic Outlook-1997, Wash., 1997, p.91.
5. См., в частности: Goldstein M. The Asian Financial Crisis, Cures, and Systemic Implications. Wash., 1998. p.67.
6. Ibid., p.30.
7. В КНР иностранцы (нерезиденты) могут вкладывать средства только в низкодоходные акции типа "B", операции с которыми ведутся в американских долларах.
8. Об этом подробно см. в монографии Н.Ларди (Lardy N. China's Unfinished Economic Revolution. Wash., 1998).

Госсектор КНР: приватизация или модернизация?

© 1998

Л. Кондрашова

(Окончание. Начало см. в ПДВ №4 1998г.)

Между 1993 и 1997 гг. Госсовет КНР начал проводить следующие эксперименты в рамках реформы государственных предприятий:

1) Санация 1000 важнейших предприятий с отработкой правил инвентаризации имущества и организацией статистической отчетности по существующим международным нормам. 300 предприятий из этой тысячи были включены в список получателей государственных субсидий на проведение национальных мероприятий, целью которых было выяснить: какие долги можно отнести к бесспорным, какие следует квалифицировать как своеобразные государственные капиталовложения, какие отнести к очевидным потерям, возложив ответственность за них либо на банки, либо на бюджет.

2) Превращение в «современные» 100 ведущих предприятий в различных отраслях промышленности, призванных служить образцами модернизации системы управления всем промышленным комплексом в целом,

3) Три пилотных эксперимента по созданию государственных холдингов на основе государственных отраслевых компаний

4) Организация 57 крупных корпораций на базе специально выделенных предприятий,

5) Эксперимент в 18 городах по реструктуризации госсектора посредством слияния предприятий, банкротств, учреждения новых корпоративных организаций и создания рынка имущественных прав.

В середине 1996 г. был начат комплексный эксперимент по борьбе с задолженностью предприятий в городах Сиань и Нинбо. После детального обследования состояния госимущества выбор идет между следующими методами ликвидации задолженности предприятий: перевод части долга в акции; пополнение активов предприятий из специально созданных фондов или через выпуск долгового займа; возвращение к практике бюджетного финансирования некоторых предприятий; списание части долга; оплата долгов средствами, полученными от продажи активов или филиалов предприятий, а также непроизводственных фондов; создание специальных финансовых организаций, оперирующих долгами на доверительной основе; разделение активов предприятий на две части, одна из которых обособляется в виде новой производственной единицы, не обремененной никакими долгами; деление долгов на «старые» и «новые» с разными механизмом возмещения; более широкое проведение процедуры банкротства. Существуют и более радикальные предложения: покрытие долгов предприятий за счет продажи мелких государствен-

ных предприятий, государственного жилого фонда и даже продажи государственных земель.¹

На улучшение финансового положения всей совокупности государственных предприятий была направлена налоговая реформа, официально действовавшая с 1 декабря 1994 г. Новый порядок ставит все китайские предприятия в равные условия хозяйствования со ставкой единого подоходного налога в размере 33% от валовой прибыли вместо прежних 55%. Для низко-рентабельных предприятий на 2 года была введена льготная ставка подоходного налога в размере 27 и 18%. Кроме того, 15% суммы отчислений по подоходному налогу стали возвращать предприятиям для пополнения их оборотных фондов.²

По образцу других стран вместо пестрой гаммы налогов с оборота был введен единый налог на добавленную стоимость с двумя видами ставок: общая - 17 и льготная - 13% (для поставщиков товаров для сельского хозяйства).

С введением единообразной системы налогообложения будет положен конец системе подрядной хозяйственной ответственности, на что уйдет, по предварительным оценкам, от трех до пяти лет.

Налоговая реформа предусматривает также принципиальные изменения организации финансов предприятий. Прежде возврат кредитов производился до налоговых выплат, т.е. эти суммы автоматически зачислялись в себестоимость продукции. Такой порядок способствовал постоянно высокому спросу на кредиты и росту отпускных цен. Выигрывая на налогах, предприятия слабо реагировали на повышение кредитных ставок. Теперь приоритет отдается выполнению налоговых обязательств. После выплат в госбюджет будут производиться расчеты по банковским ссудам, потом по подрядным обязательствам (до их полной отмены), и только напоследок разрешается формирование фондов предприятия и выплаты пайщикам.

Освободить предприятия от непосильного социального бремени должна реформа системы социального обеспечения. Еще в 1986 г. после двух лет экспериментов было принято решение о широком внедрении системы пенсионного обеспечения. Предприятия в соответствии с установленными местными органами социального страхования нормативами стали отчислять средства в городские и провинциальные пенсионные фонды. В 1993 г. уже около 500 тыс. различных предприятий и организаций включились в компанию по созданию общегородских пенсионных фондов, а в 10 провинциях, в том числе в трех городах центрального подчинения, началось оформление общепроvincиальных пенсионных фондов. В начале 90-х годов новой пенсионной системой были охвачены около половины пенсионеров. В таких переменах особенно заинтересованы старые предприятия, которые с каждым годом отвечают за поддержку все более широкого контингента своих работников, вступающих в пенсионный возраст.

В настоящее время на первый план выходит проблема освобождения от излишней рабочей силы. По некоторым предварительным оценкам, примерно 20-25% персонала государственных предприятий, или около 24 млн. человек, являются кандидатами на увольнение.³ Система пособий по безработице, которые должны выплачиваться рабочим обанкротившихся предприятий, увольняемым по сокращению штатов или в связи с прерыванием трудового контракта, была введена еще в 1986 г., но до сих пор пособия по безработице выплачиваются только 1% нуждающихся.

Сложности трудоустройства высвобождаемых рабочих и их денежного обеспечения на время поисков новой работы служат главными сдерживающими факторами при проведении процедуры банкротств. «Закон о банкротств-

ве» был принят в том же 1986 г. и фактически введен в действие в 1992 г., но до конца 1995 г. было проведено только 1417 процедур такого рода.⁴

Более решительным действиям в этой области препятствует и то, что банки не заинтересованы в окончательной потере своих задолжавших клиентов. После того как предприятие объявляется банкротом, его имущество распродается на аукционе, и вырученные средства идут на субсидии уволенным рабочим, банкам же, как правило, долги не возвращаются. К тому же во многих случаях само проведение процедуры банкротства обходится в такие солидные суммы, что для государства выгоднее поддерживать на плаву несостоятельных должников.

В преддверии массового акционирования было осуществлено обследование общего состояния госимущества, результаты трех общегосударственных промышленных переписей нашли широкое освещение в прессе. Согласно промышленной переписи 1995 г., число акционерных предприятий (без волостно-поселкового уровня) достигло 5049 единиц (против 3800 на конец 1993 г.), но из них только 34 относились к предприятиям центрального подчинения, 151 – к предприятиям провинциального подчинения, а остальные – к предприятиям, подчиняющимся городским и уездным властям. Паи этих АП распределялись следующим образом: государственный пай – 19,9, юридических лиц – 46,1, физических лиц – 28,9, иностранных вкладчиков – 5,15%. В 1996 г. категория акционерных предприятий пополнилась еще примерно четырьмя тысячами единиц.

Экономические показатели акционерных предприятий значительно лучше, нежели у обычных предприятий. Так, по данным 1995 г., рентабельность по продукции у них была 18,97% против 9,19 по всем промышленным предприятиям, находящимся на самостоятельном балансе. Рентабельность по фондам соответственно – 27,17 и 11,23%.⁵

Преимущества акционерных предприятий можно объяснить следующими факторами: во-первых, применение современных методов управления, более широкая хозяйственная самостоятельность; во-вторых, наличие разного рода привилегий, предоставляемых экспериментирующим организациям, и лучшие возможности привлечения новых инвестиций; в-третьих, лучшие базовые условия в отношении технического и кадрового обеспечения, поскольку для проведения акционерного эксперимента отбирались лучшие предприятия.

Хотя в группу из 9200 предприятий (на конец 1996 г.)⁶ включаются самые образцовые, но по большому счету и они далеко не в полной мере отвечают нормативным требованиям к этому типу хозяйствования, что проявляется в следующем:

- Обособление собственнической функции государства еще не произошло. Владельцами государственного пая являются самые различные организации, например Государственное инвестиционное управление, прежние отраслевые органы управления, производственные объединения, которые вмешиваются в работу предприятий, следуя прежним стереотипам.

- Актуальной остается задача расширения круга акционеров, перехода прав собственности в руки разных юридических и физических лиц. В настоящее время только 20% эталонных «современных» предприятий имеют активы, распределенные между несколькими собственниками, на большинстве же предприятий все активы принадлежат государству.

- Фондовый рынок находится на начальной стадии становления, оборот государственных акций и акций юридических лиц весьма ограничен, что препятствует структурным изменениям.

- Производственные связи по-прежнему приурочены к отраслям и регионам, широкая кооперация между предприятиями не налажена.

- Преобладают краткосрочные интересы инсайдеров, во внутреннем управлении никаких ощутимых нововведений не наблюдается.⁷

Именно поэтому в среде китайских реформаторов утвердилось мнение о том, что на данном этапе важно не столько само акционирование, сколько создание новой институциональной структуры управления промышленными предприятиями по следующей ступенчатой схеме: правительство – органы управления госимуществом – организации, пользующиеся доверительным правом на управление госимуществом – предприятие.

Образование новых промежуточных звеньев управления – государственных холдингов – пошло несколькими путями:

1) Преобразование прежних государственных органов управления в Центре и на местах. Примером служит первое управление легкой промышленности г. Циндао (пр. Шаньдун), которое провело акционирование 15 объектов и само преобразовалось в их головную холдинговую компанию.

2) Преобразование существующих общегосударственных отраслевых компаний, в свое время образованных на базе министерств. По такому пути пошли три компании: нефтехимическая, авиастроительная и цветной металлургии. На них равняются более мелкие отраслевые компании.

3) Создание холдингов на основе инвестиционных компаний и компаний по управлению госимуществом.

4) Холдинги на базе крупных производственных объединений. Первыми стали 8 объединений из 2600 существовавших на 1992 г.

В отличие от прежних руководящих инстанций отраслевого и регионального характера сегодняшние холдинги не являются административными организациями и лишены возможности вмешиваться в текущую хозяйственную деятельность предприятий. Они выступают в роли самостоятельных юридических лиц, не ограничиваются в своей деятельности рамками отрасли или региона и представляют интересы государства как собственника. Но некоторые экономисты опасаются того, что они унаследуют традиции промежуточных звеньев административной системы управления.⁸

Затянувшаяся подготовка к новому реформистскому «рывку» сопровождалась обострением ряда экономических проблем. На 1993–1996 гг. пришелся новый пик инфляции и усугубилось положение с задолженностью предприятий. В первом квартале 1996 г. вся государственная промышленность стала убыточной, затем положение было выправлено, но все же соотношение между пассивами и активами госпредприятий осталось на уровне 85%.

Увеличение убыточности было напрямую связано с повышением цен на энергоносители, но сказались и некоторые другие моменты, в частности процедурного характера. Так, новые правила оформления отчетов выявили скрытую, не фиксировавшуюся прежде, убыточность.

1997 г. можно считать рубежным в плане решимости проведения кардинальной реформы госсектора. Все состоявшиеся в том году в Китае правительственные и партийные совещания, в том числе и XV съезд КПК отвели ей первое место в комплексе реформистских преобразований на ближайшее будущее.

На состоявшейся в начале марта 1997 г. очередной сессии ВСНП тогдашний премьер Ли Пэн выступил с докладом, наметив шесть основных направлений предстоящих преобразований: 1) улучшение работы крупных предприятий и создание производственных объединений. Число предприятий, получающих государственные субсидии на проведение санации, должно быть

увеличено с 300 до 511, число экспериментальных производственных объединений – с 57 до 120; 2) широкомасштабное преобразование мелких государственных предприятий с переводом значительной их части на акционерную форму хозяйствования; 3) расширение числа городов, экспериментирующих в области перестройки системы управления государственным имуществом, до 110; 4) использование различных мер борьбы с задолженностью, включая перевод части долга в «государственный пай»; 5) распространение методов научного управления производством; 6) пропаганда опыта наиболее успешно действующих предприятий.⁹

Показателем серьезных намерений китайских реформаторов может служить ужесточение борьбы с хроническими должниками. В 1996-1997 гг. ежегодно регистрировалось по 2000 банкротств промышленных предприятий. В 1996 г. в городах, участвовавших в экспериментах, было уволено 1,6 млн. человек, в 1997 г. – еще 1,4 млн.¹⁰ Реструктуризации в первую очередь подверглись оборонная промышленность, гидроэнергетика и угольная промышленность. Из последней, в частности, было уволено 700 тыс. человек

Итогом 20 лет проведения реформы можно с полным основанием считать значительные масштабы разгосударствления китайской экономики. Об этом говорят нижеследующие цифры:

Изменения структуры промышленности КНР по формам собственности (в %)

Виды предприятий	Основные фонды		Число занятых		Валовая продукция промышленности	
	1985 г.	1995 г.	1985 г.	1995 г.	1995 г.	1995 г.
Государственные	74,6	53,7	41,1	31,6	64,9	34,0
Коллективные	24,0	23,8	49,5	39,8	32,1	36,6
Частные	-	1,0	-	3,3	-	2,6
Индивидуальные	0,5	1,9	8,9	17,5	1,8	10,5
Акционерные	-	5,0	-	1,7	-	3,5
Прочие	0,9	14,6	0,5	6,1	1,2	12,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В т.ч. пос.волостные	12,0	20,3	32,9	49,7	17,7	42,5
Смешанн-ые	0,2	16,2	-	6,1	0,3	13,1

Источник: Го Кэсо. Исследование качества промышленного роста. Изд-во «Цзинци гуаньли», Пекин, 1998, стр. 136 (по данным третьей промышленной переписи)

Важно иметь в виду, что снижение доли госсектора до сих пор происходило не за счет его намеренного урезания или естественной деградации, а за счет опережающего роста предприятий других форм собственности. Хотя по валовой продукции госсектор промышленности уже не является главенствующим, он сохранил свой приоритет среди других секторов по другим показателям, а именно: по наличию основных фондов, по общему объему капиталовложений (в 1995 г. – 55,6% от всех промышленных инвестиций и по отчислениям в государственную казну. Доля по статье «налоги и прибыль» у госпредприятий выше, чем их доля в реализованной продукции (59,3 против 51,2%). Инверсия этих показателей в других секторах показывает, что и с рентабельностью, и с реализацией продукции у них дела обстоят ничуть не лучше. Рентабельность по продукции (рассчитанная по доле налогов и прибы-

ли в общей сумме реализованной продукции) была в 1995 г. у государственных предприятий наивысшей – 18,7%, в то время как у коллективных – 13,2, а в других секторах – 13,9%.¹¹

Рентабельность по фондам дает соотношение не в пользу госсектора, но тут большое значение имеет сама оценка госфондов, степень их изношенности, а также степень их использования (довольно низкая и не всегда по вине предприятий). По доле же убытков в реализованной продукции три сектора (государственный, коллективный и прочие) очень близки друг к другу: 2,2, 1,4 и 1,6%, а по соотношению показателей убытков и прибыли (плюс налоги) отмечается почти полное сходство (11,6, 10,3 и 11,3%). Все это говорит о том, что госсектор отнюдь нельзя считать «обреченным», более того, у него имеются достаточно хорошие перспективы дальнейшего развития.

* * *

Китайская хозяйственная реформа – уникальное явление современной мировой практики. Из всех накопившихся образцов перехода от административно-плановой к рыночной экономике только китайский не был сопряжен ни с падением производства, ни с серьезными социальными издержками. И хотя за 20 лет реформ с экономической отсталостью не было покончено целиком и полностью, хотя до создания цивилизованного рынка еще весьма далеко, тем не менее Китай кардинально изменил свой облик и занял свое место среди наиболее динамично развивающихся стран мира. Об этом можно судить и по душевому показателю ВВП, который превысил порог «слаборазвитости» в 500 долл. в расчете по паритету юаня к доллару, а в расчете по покупательной способности юаня уже приблизился к 2500 долл.

Безусловно, путь Китая во многом специфичен, его нельзя скопировать или повторить по основным параметрам. Но то же самое можно сказать и о любой другой стране с только ей присущей историей, географией и демографией. В то же время нельзя отрицать сходства проблем, стоящих перед Россией и Китаем, которое коренится прежде всего в однотипности дореформенных хозяйственных систем, в таких объективных условиях, как огромные масштабы территории, диспропорции в уровне развития и в уровне жизни различных территорий. Политическая и идеологическая ситуации в наших странах действительно несопоставимы: у нас уже нет таких мощных рычагов мобилизации населения, как партийная дисциплина и административное принуждение, а Китаю еще предстоит найти увязку рыночных и политических свобод. Однако жизнь показала, что поспешный «уход» государства из экономической жизни не благоприятствует проведению рыночных преобразований, а это значит, что и китайским, и российским реформаторам надо изыскивать компромисс между планом и рынком. Вряд ли имеет смысл без конца апеллировать к разной временной протяженности наших реформ как одной из причин их несопоставимости. Действительно, последовательность проведения тех или иных реформистских мероприятий в разных странах отличается, но сейчас есть немало таких сфер преобразований, где и россияне, и китайцы как бы «идут в ногу». Нам особенно интересен опыт Китая в области реформирования сельского хозяйства, проведения региональной политики, привлечения иностранного капитала. Стоило бы обменяться с китайскими коллегами мнениями по поводу налаживания статистической отчетности, проведения оценок государственного имущества. Прямо «с колес» мог бы производиться обмен опытом в области ликвидации задолженности предприятий, проведения процедуры банкротств, организации всей системы управления государственными

активами. Для Москвы мог бы быть крайне полезным анализ китайских экспериментов в области «городской реформы», формирования городского бюджета, налаживания взаимоотношений с прилегающими сельскими районами и т.п.

Любопытно, в частности, сравнить китайский проект реформирования госсектора с мнениями тех авторитетных российских ученых, которые осуждают вариант проведения приватизации в России и ищут ему альтернативу. В опубликованной в 1996 г. книге «Реформы глазами американских и российских ученых» на этом вопросе специально останавливаются академик А.Д. Некипелов (тогда зам. директора, а сейчас директор ИМЭПИ РАН) и Д.С. Львов (академик-секретарь Отделения экономики РАН). Касаясь «госкапиталистического» подхода к реформе госсектора А.Д. Некипелов подчеркивает его нацеленность на перевод основной части средних и крупных государственных предприятий в рыночный режим функционирования. «Эти предприятия, - пишет он, - должны быть «чужими» для правительства (ср. с китайским понятием отделения «чжэн» и «ци»), их финансы - отделенными от госбюджета (ср. с китайским тезисом отделения «чжэн» и «цзы»), а мотивация менеджеров - ориентированной на максимизацию прибыли. Никакая приватизация, в том смысле как она понимается сегодня, не нужна вовсе. Нужно совсем другое - наличие условий для беспрепятственной смены собственности на хозяйственные активы, когда необходимость в этом возникает естественным путем».¹²

Далее он предлагает создать инвестиционно-холдинговые компании, на баланс которых были бы переданы принадлежащие государству акции тех обществ, для функционирования которых в классическом рыночном режиме нет никаких противопоказаний. Согласно его предложению, причитающиеся инвестиционно-холдинговым компаниям дивиденды, выручку от реализации акций, а также средства от продажи имущества ликвидированных предприятий следует направлять не в бюджет, а на специальный счет инвестиционно-холдинговой компании в Центральном банке России.

В статье Д.С. Львова «Обновленные ориентиры экономической политики» говорится о необходимости создания крупных, широко диверсифицированных корпораций как органов стратегического управления предприятиями и о формировании системы национального имущества. Развивая эту тему в статье «Экономическая наука в новой России», помещенной в первом номере журнала «Вопросы экономики» за 1997 г., он предлагает разделить прямые и косвенные налоги, которыми обеспечиваются функции государства в качестве верховной власти, и «национальный дивиденд», а именно часть предпринимательского дохода и всю ренту от коммерческой эксплуатации национального имущества. Инвестиции государства в некоммерческую инфраструктуру осуществляются при этом за счет налогов, а к инвестициям в национальное имущество с целью получения прибыли привлекаются внебюджетные фонды, организованные в форме так называемых «публичных корпораций» с особым статусом.¹³

При сравнении наших реформ нужно отделять суть происходящих процессов от их словесного оформления. Пока в науке существуют разные интерпретации понятий «частное» и «общественное», отнесение акционерных предприятий к той или иной форме собственности остается проблематичным, и терминологические нюансы отражают в первую очередь идеологические расхождения. Если китайцы в настоящее время отдают явное предпочтение термину «модернизация» перед понятием «приватизация», то на это у них есть свои основания как идеологического, так и чисто научного характера. Абстрагируясь от лексических тонкостей, следует признать, что китайская ре-

форма госсектора предполагает широкое разгосударствление производства, использование различных форм собственности, другой характер государственных предприятий, т.е. самые кардинальные системные изменения. Но эти изменения будут и дальше происходить при важной регулирующей роли государства и сопровождаться серьезными структурными преобразованиями, в полной мере отвечающими задачам «модернизации».

Споры об использовании тех или иных понятий вполне можно отложить на будущее, которое внесет свои коррективы в курс и китайских, и российских реформ. Наученные горьким опытом «большого скачка» и «культурной революции» китайцы твердо придерживаются эволюционного курса реформ. До 2000 г. формирование системы «современных предприятий» остается в стадии экспериментирования, а достижение общих целевых установок относится теперь на 2010 год. Но очевидно, что и на этом эпоха китайской реформации отнюдь не завершится.

1. Цзинцзи юй гуаньли яньцзю. 1995. №3. С. 9.
2. Там же.
3. Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1997. Пекин, 1997. С. 745.
4. Гайгэ. 1996. №2. С. 42.
5. Чжан Жунган. Углубление реформы предприятий через создание акционерных обществ. – Цзинцзи яньцзю. 1997. №11. С. 14.
6. Го Кэсо. Исследование качества промышленного роста. Изд-во Цзинцзи гуаньли. Пекин, 1998. С. 139.
7. Нань Лин. Ретроспектива и перспектива создания в Китае системы современных предприятий. – Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли. 1996. №2. С. 1-6.
8. Цянь Цзинь. О создании и развитии государственных холдингов в Китае. Цзинцзи яньцзю. 1996. №6. С. 40-43.
9. Жэньминь жибао. 1998. 1 марта.
10. Цзинцзи жибао. 1998. 5 января.
11. Расчет по данным справочника «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1996». Пекин, 1996. С. 86-87.
12. Реформы глазами российских и китайских ученых. //Российский экономический журнал. Фонд «За экономическую грамотность». 1996. С. 187.
13. Вопросы экономики. 1997. №1. С. 151.

Государственное регулирование внешнеэкономических связей Японии

© 1998

О.Иванов

Сегодня для России в число приоритетных выдвинулась задача создания целостной системы регулирования внешнеэкономической деятельности, которая была бы адекватна требованиям рыночной экономики и одновременно учитывала бы конкретные российские условия. Очевидно, что хорошим подспорьем в этом могло бы стать изучение лучшего, доказавшего свою результативность зарубежного опыта организации и управления внешнеэкономическим комплексом.

Чем примечателен именно японский опыт? Япония - активный участник международных экономических отношений, великая внешнеэкономическая держава, которая занимает третье в мире место в международной торговле (на ее долю приходится 6,4% мирового импорта и 9,1% мирового экспорта). Она авторитетный и влиятельный член ведущих глобальных и региональных международных экономических организаций.

Думается, однако, что успехи Японии на различных направлениях внешнеэкономической деятельности состоят не только во впечатляющих показателях. Куда важнее, как представляется, то, что японцам удалось добиться превращения внешнеэкономического комплекса в органичную часть воспроизводственного процесса, обеспечивающего надежную экономическую безопасность страны в неблагоприятных с ресурсной и других точек зрения условиях, эффективное вхождение в международное разделение труда.

В том, что за послевоенный период Япония добилась неординарных успехов в развитии своей внешнеэкономической деятельности, огромную, если не решающую роль сыграла политика государства. Государство разрабатывало стратегию развития, определяло систему отраслевых приоритетов, намечало и широко применяло на практике комплекс мер стимулирования экспорта и защиты национальных производителей от зарубежных конкурентов. Сообразуясь с внешними и внутренними условиями и руководствуясь национальными интересами, правительство на протяжении послевоенного периода не раз меняло внешнеторговую тактику, умело сочетая принципы свободной торговли и протекционизма, организующую роль плановых начал и преимущества рыночной экономики. В результате накоплен богатый, во многом уникальный опыт государственного регулирования внешнеэкономических связей, значительная часть которого могла бы стать своего рода учебным пособием для стран, встающих на путь рыночной экономики.

И еще одно немаловажное обстоятельство. Несмотря на то, что в последние годы двустороннее деловое сотрудничество между Россией и Японией развивается в более благоприятных политических условиях, объективная оценка уровня российско-японских торгово-экономических связей позволяет сделать вывод о том, что имеющийся в распоряжении обеих стран потенциал используется далеко не полно. Очевидно, что более глубокое знание реалий внешнеэкономического регулирования партнера было бы полезным и для повышения эффективности двустороннего сотрудничества.

Материал, посвященный некоторым аспектам проблемы государственного регулирования внешнеэкономических связей, предлагается читателям журнала.

За послевоенный период в Японии сформировалась широкая и детализированная система законодательного и административно-правового регулирования внешнеэкономических связей из законодательных, подзаконных и информативных актов в порядке убывания значимости можно выделить основные.

Японское публичное право, имеющее дело со взаимоотношениями между физическими и юридическими лицами, с одной стороны, и государством - с другой, регулируется *законодательными актами* по конкретным вопросам (хорицу). Важное значение имеют официальные правительственные *постановления* (сэйрэй), которые конкретизируют и интерпретируют законодательные акты. Министерства и другие правительственные учреждения в пределах своей компетенции могут издавать *приказы* (мэйрэй) и *распоряжения* (серэй). Главы административных органов имеют право издавать *правила* (кисоку). В случае, если имеется необходимость в дальнейшем толковании, могут издаваться *указания* (кунрэй) или *извещения* (цутацу).

В дополнение к вышеупомянутым формам административного регулирования правительственными органами широко используются специфические, характерные только для Японии, разнообразные неформальные методы, объединяемые понятием «административное руководство». Административное руководство в Японии может носить форму *просьбы* (ебо), *директивы* (сидзи), *предупреждения* (кэйкоку), *рекомендации* (канкоку) и *поощрения* (кансе).

Важнейшие законы и нормативные акты

Анализ японской системы законодательного и административно-правового регулирования внешнеэкономических связей позволяет выявить ее структурные особенности. Данную систему можно сравнить с пирамидой, вершину которой венчает Закон о контроле за валютным обменом и внешней торговлей, определяющий общую концепцию государственного регулирования внешнеэкономической деятельности (ВЭД).

Как бы «второй этаж» законодательных актов составляют законы, регулирующие основные блоки ВЭД:

- экспортно-импортные операции (Закон об экспортно-импортных операциях, Закон о стабилизации спроса и предложения, т.д.);
- таможенно-тарифное регулирование (Таможенный закон, Закон о таможенном тарифе, Закон о временных тарифных мерах);
- содействие торговле (Закон об экспортной инспекции, Закон о дизайне экспортных товаров, Закон о страховании внешней торговли, Закон о чрезвычайных мерах по развитию импорта и расширению прямых иностранных инвестиций в Японии);

- стандарты и технические требования (Закон о промышленной стандартизации, Закон о фармацевтике, Закон о продовольственной санитарии, Закон о карантине, Закон об охране растений, Закон об электроприборах и материалах, Закон о безопасности потребительских товаров, т.д.);

- права интеллектуальной собственности (Закон о патентах, Закон о дизайне, Закон о промышленном знаке, Закон о товарной марке, Закон об авторских правах и др.)

Наконец, в основании пирамиды лежат многочисленные нормативные акты, принятые в развитие и во исполнение упомянутых выше законов. К ним относятся в первую очередь постановления правительства, приказы и распоряжения министерств и др.

Закон о контроле за валютным обменом и внешней торговлей можно без преувеличения назвать краеугольным камнем системы законодательного регулирования внешнеэкономических связей Японии. Принятый в декабре 1949 г. данный закон преследовал цель поставить все валютные и внешнеторговые операции в стране под централизованный контроль. В соответствии с первоначальной концепцией, отражавшей объективную экономическую ситуацию в Японии и вокруг нее, закон либо ограничивал, либо запрещал в принципе все внешние сделки, предусматривая одновременно возможность последующего снятия ограничений и запретов правительственными постановлениями или министерскими приказами.

В декабре 1980 г. был предпринят кардинальный пересмотр концепции и структуры закона. Основным фактором, стоявшим за этим решением было осознание того, что прежняя «запретительная» концепция закона не только вошла в противоречие с основными целями внешнеэкономической политики страны, прежде всего задачей развития открытой экономической системы, но и стала источником серьезных торгово-экономических трений Японии с ее партнерами.

В результате пересмотра в 1980 г. концепция Закона приобрела принципиально новую направленность. Если раньше основная цель закона усматривалась в том, чтобы «вносить вклад в реконструкцию и развитие национальной экономики путем контроля за внешними трансакциями», то теперь в преамбуле Закона она была определена как «содействие здоровому развитию национальной экономики на основе свободных в принципе валютного обмена, внешней торговли и других внешних операций при минимально необходимом контроле и регулировании».

Основные особенности закона следующие:

- он выполняет роль своего рода законодательных рамок системы внешнеэкономического регулирования в Японии;

- его можно считать интернациональным по сути, поскольку в нем содержится принцип свободной и многосторонней торговли, фигурирующий в основных международных договоренностях о либерализации и в кодексах МВФ, ОЭСР, ГАТТ/ВТО;

- исходя из принципа свободы внешнеэкономических операций, Закон предусматривает минимально необходимый государственный контроль для нормальных условий. Лишь для чрезвычайных обстоятельств (например, резкое ухудшение состояния платежного баланса страны) Законом допускается введение системы лицензирования трансакций, обычно свободных от ограничений;

- нося рамочный характер, Закон делегирует полномочия детального регулирования внешнеэкономической деятельности в тех или иных областях правительству и министерствам. Именно такое «распределение обязанностей», по мнению японцев, дает возможность более полно учитывать и адекватно ре-

агировать как на изменения в международной экономической обстановке, так и на новые моменты в развитии экономики страны.

Статья 6 закона определяет, что экспорт товаров из Японии должен осуществляться под контролем правительства с использованием «минимальных» ограничений. Указанные ограничения выражаются в следующем:

- при экспорте определенных товаров в страны, оговоренные в нормативных актах правительства, требуется получение лицензии Министерства внешней торговли и промышленности (МВТП) Японии с учетом соображений, вытекающих из «необходимости поддержания международного мира и безопасности»;

- МВТП имеет право при необходимости обязать любое лицо получить лицензию на оговоренные товары, даже если они экспортируются в не оговоренные страны;

- в отдельных случаях по соображениям «поддержания баланса и нормального развития внешней торговли и национальной экономики» может требоваться одобрение (в отличие от лицензии) МВТП Японии на экспорт на товары и в страны, не оговоренные в нормативных актах.

Одним из важнейших инструментов государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в Японии является принятый в 1952 г. Закон об экспортно-импортных операциях. Закон предназначен в первую очередь для борьбы с недобросовестной внешнеторговой практикой и упорядочения экспортных и импортных операций.

Законом оговаривается, что нечестные экспортные операции, такие как, например, нарушение прав промышленной собственности в странах назначения, ложные сведения о стране происхождения товаров, отсутствие в контрактах важнейших положений о совершенных сделках, должны быть решительно запрещены.

В отличие от Закона о контроле, который уполномочивает МВТП осуществлять прямой контроль за экспортом и импортом с помощью обязательного разрешения на осуществление экспорта или импорта, по Закону об операциях государство осуществляет контрольные функции в косвенной форме, санкционируя заключение частными предприятиями соглашений о ценах и объемах и рынках сбыта экспортируемого или импортируемого товара или каких-либо других условий предпринимательской деятельности (т.е. иными словами, формирование экспортных картелей). Такие соглашения в Японии выведены из-под действия антимонопольного законодательства.

В соответствии с Законом об экспортно-импортных операциях производители в качестве альтернатив заключению экспортных соглашений могут создавать экспортные ассоциации. Экспортная ассоциация является формой объединения и в качестве таковой может принимать правила, имеющие обязательный характер. Экспортная ассоциация может устанавливать минимальную экспортную цену, максимальный объем экспорта и другие условия, которые должны соблюдаться всеми членами.

Согласно Закону об экспортно-импортных операциях, МВТП при необходимости может прибегать к «аутсайдерскому регулированию». В случае, например, когда выполнение заключенного экспортного соглашения блокируется из-за действия аутсайдеров, т.е. «неучастников» соглашения, например с помощью снижения цен и т.д., МВТП может издавать «экспортное распоряжение», в соответствии с которым все экспортеры данного товара обязаны подчиняться требованиям министерства. Эти требования могут включать установление минимальной экспортной цены, максимального объема экспорта и др. Возможен и другой вид «аутсайдерского регулирования», при котором

МВТП требует, чтобы каждая экспортная операция получала его одобрение. Когда выпускается экспортное распоряжение, каждый экспортер данного товара обязан получать согласие МВТП и министерство может обусловить его требованиями о минимальных ценах или максимальных объемах.

Законы «О таможенне», «О таможенных тарифах» и «О временных мерах в области применения таможенных тарифов» - три главных законодательных акта, регламентирующих деятельность таможенных органов в Японии.

Закон о таможенне посвящен главным образом общим административным и процедурным таможенным вопросам. Им устанавливается порядок определения таможенных пошлин, взимаемых с импортируемых товаров, а также определяется порядок таможенной очистки при ввозе и вывозе товаров из Японии.

Закон о таможенных тарифах устанавливает процедуры применения таможенных тарифов и определения стоимости товара, на базе которой определяется размер пошлины, а также решает вопросы снижения ставок таможенных пошлин, освобождения от их уплаты и возврата уже оплаченных таможенных пошлин, устанавливает антидемпинговые и другие таможенные системы, определяет товары, запрещенные к вывозу.

Закон о временных мерах в области применения таможенных тарифов устанавливает главным образом исключения из Закона о таможенных тарифах в отношении тарифных ставок, снижения таможенных пошлин, освобождения от уплаты и возврата оплаченных пошлин, что необходимо для адекватной реакции на краткосрочные изменения в экономической ситуации. Закон содержит положения, касающиеся Генеральной системы преференций.

Закон о страховании внешней торговли призван содействовать развитию внешнеэкономических операций путем установления системы страхования от валютных, торговых и прочих рисков, которые не охватываются обычными видами страхования. Закон покрывает как политические, так и коммерческие риски. Им оговариваются основные вопросы, связанные с каждым из существующих в настоящее время видов страхования. В соответствии с законом экспортер может заключить с правительством контракт по страхованию различного рода операций за рубежом на годичный срок с возможностью ежегодного заключения новых контрактов по страхованию. В соответствии с законом правительство может отказать в заключении контракта по страхованию экспорта, если сочтет это рискованным или нецелесообразным.

С принятием в 1987 г. поправок к закону его спектр значительно расширился и включает не только экспорт, но и импорт, посредническую торговлю и зарубежные инвестиции.

Одним из важных законов является *Закон о контроле за экспортом*, принятый в 1957 году. На основе этого Закона осуществлялись ограничения на экспорт в соответствии со списками КОКОМ. Однако закон имеет более широкое толкование и его положения используются для контроля за экспортом высокотехнологичных товаров двойного назначения, ценного сырья и полупродуктов.

В 1992 г. парламент Японии принял *Закон о чрезвычайных мерах по расширению импорта и прямым иностранным инвестициям в Японии*. Закон предназначен содействовать совершенствованию импортной инфраструктуры в стране, особенно в части, касающейся потребительских товаров, путем создания т.н. зон свободного доступа иностранных товаров (свободных экономических зон).

Помимо вышеназванных законов, регламентирующих внешнеэкономическую деятельность в различных сферах в Японии имеется около 30 законов,

специально регулирующих импорт товаров в соответствии с внутренними законами Японии. В эту группу законов входят:

Законы, регулирующие ввоз растений, животных и удобрений. Их характерной чертой является дифференцирование условий импорта в зависимости от страны-экспортера и участие в контроле Министерства сельского и лесного хозяйства, а также ветеринарной службы.

Законы, регулирующие ввоз медицинских препаратов, косметики, наркотиков и пищевых продуктов, в контроле за импортом которых принимает участие Министерство здравоохранения и социального обеспечения.

Законы, регулирующие импорт химических товаров и ядов. Законы этой группы требуют особых гарантий при транспортировке и хранении товаров и участия в контроле Министерства здравоохранения и социального обеспечения.

Законы, регулирующие ввоз товаров, на продажу которых внутри страны распространяется государственная монополия. К этим товарам относятся табачные изделия, соль, алкогольные напитки.

Законы, устанавливающие определенные правила импорта отдельных товаров и товарных групп. К этим законам относятся закон о поддержании стабильных цен на сахар, в соответствии с которым предусматривается обязательная продажа импортируемого сахара японскому Агентству по стабилизации цен на сахар, а также осуществление его продажи внутри страны этим агентством. Закон об охране труда и санитарии, требующий обязательной регистрации стандартов, применяемых при производстве импортируемых товаров, в состав которых входят вредные для здоровья компоненты, и ряд других законов.

В японских законах, как правило, излагаются наиболее общие положения. Законы возлагают на государственные органы обязанность издавать нормативные подзаконные акты, призванные конкретизировать и детализировать применение на практике положений законов с учетом изменяющихся внутренних и внешних условий экономической деятельности. Соответствующие конкретные меры, основанные на положениях законов, предусмотрены в многочисленных постановлениях кабинета министров Японии и приказах по министерствам. В порядке иллюстрации можно упомянуть следующие из них:

Постановления Кабинета министров «О контроле за осуществлением импортной торговли» и «О контроле за экспортом». В этих постановлениях конкретизируются положения о контроле за экспортно-импортными операциями, содержащимся в Законе о контроле. В них устанавливается система экспортных и импортных разрешений, импортных квот, списка импортных товаров, подлежащих квотированию, лицензированию экспорта и т.д.

Распоряжения Министра внешней торговли и промышленности «О контроле за осуществлением импортной торговли» и «О контроле за экспортом» содержат положения о порядке применения постановлений Кабинета министров о контроле за осуществлением экспортной и импортной торговли. В частности, определяют, каким должен быть порядок действий экспортеров и импортеров, какие формы и другие документы они должны представлять, и т.п.

Приказ по Министерству финансов «Об особых методах расчетов по импортным операциям» регламентирует методы осуществления авансовых платежей и другие особые методы расчетов по импортным операциям. Если используемый метод расчета соответствует определениям данного приказа, то импортер обязан испрашивать разрешение Министра внешней торговли и промышленности на импорт.

Уведомление Министерства внешней торговли и промышленности «Список импортных товаров, подлежащих квотированию». В нем перечисляются категории продуктов, для которых устанавливаются импортные квоты, а также приводится другая важная информация об импортных операциях. Данное уведомление является одним из самых важных источников информации среди законодательных актов и нормативных документов, регламентирующих меры контроля за осуществлением внешней торговли.

Административное руководство

Понятие «административное руководство» не фигурирует ни в одном из японских законодательных актов и, строго говоря, не является юридическим термином. Это, скорее выражение, используемое в правительственных и академических учреждениях, в деловом мире и средствах массовой информации для обозначения категории весьма широко применяемых в стране неформальных методов государственного регулирования деятельности частного бизнеса. Наиболее близко по смыслу и точно его можно сформулировать как «просьбу административного органа о добровольном сотрудничестве» (добавим в скобках: «просьбу, на которую трудно, если вообще возможно, дать отказ»).

Административному руководству в Японии часто отдается предпочтение по сравнению с носящими более формальный характер методами принятия решений, такими как распоряжения, приказы и т.п., в силу культурно-юридических особенностей японской системы принятия решений, одной из отличительных особенностей которой является стремление сохранить (по существу или хотя бы внешне) гармонию и согласие взаимоотношений между правительственными и деловыми кругами. Как правило, административное руководство включает в себя такие формы, как предложения предпринять или, напротив, воздержаться от принятия каких-либо действий, рекомендации и совета касающиеся интерпретации законов или юридических актов, завуалированные предупреждения относительно возможных неблагоприятных последствий тех или иных действий.

Генеральный директор юридического департамента аппарата кабинета министров Японии в ходе слушаний в палате советников японского парламента дал следующее определение: «Административное руководство не является юридическим принуждением, ограничивающим права граждан или налагающим на них обязательства. Это просьба со стороны правительства в пределах определенных соответствующим законодательством задач и административной ответственности каждого ведомства предпринять или не предпринимать определенных действий в целях достижения каких-либо административных целей путем оказания сотрудничества стороной, являющейся объектом административного воздействия».¹

Несмотря на неофициальный характер административное руководство было и остается сильным рычагом административного воздействия. В японском деловом мире существует понимание того, что правительственные указания должны уважаться независимо от того, основываются они на юридических полномочиях или нет. Можно сказать, что японский бизнес предпочитает починяться правительственным указаниям и избегать конфронтации, даже если эти указания, с его точки зрения, неправильны.

Другой причиной эффективности административного руководства в условиях Японии является весьма широкий круг полномочий, которыми наделены некоторые японские министерства и ведомства. Например, полномочия МВТП простираются из почти 130 законодательных актов, охватывающих мно-

гие сферы, включая внешнюю торговлю, стандарты безопасности, экологический контроль. Хорошо понятно, что любая компания дважды, если не трижды подумает перед тем, как не подчиниться административному руководству.

Считается, что наиболее эффективным административное руководство оказывается тогда, когда оно базируется на консенсусе в отрасли, являющейся объектом регулирования, подкрепляется законодательством, которое дает возможность достичь той же цели путем принудительных мер, когда правительство может предложить субсидию или какую-либо другую форму экономической выгоды взамен на согласие.

Некоторые видные японские исследователи классифицируют административное руководство по источнику его властных полномочий.² Во-первых, законодательный акт может ясно санкционировать административное руководство, предусматривая издание несвязывающих рекомендаций. Во-вторых, законодательный акт может не предусматривать само административное руководство, но может санкционировать формальные действия, призванные достичь ту же цель. В-третьих, у административного руководства может не быть законодательных полномочий за исключением правомочности регулирующего ведомства по общим вопросам, относящимся к его компетенции.

Административное руководство базируется на ясных законодательных полномочиях, когда законодательство санкционирует издание министерством или ведомством «рекомендаций» (канкоку) или «предупреждений» (кэйкоку); оба термина относятся к административному руководству. Более часто, однако, административное руководство используется в качестве некой замены юридических санкций, для того, чтобы принудить к согласию угрозой применения формальных действий. Например, МВТП использовало административное руководство для того, чтобы побудить производителей бытовой электротехники создать картель для установления фиксированных, единообразных цен на телевизоры, экспортируемые в США. Если бы японские компании не согласились с этой «рекомендацией», МВТП прибегло бы к более жестоким мерам в соответствии с положениями Закона о контроле.

Аналогичное административное руководство использовалось японским правительством для ограничения экспорта в США легковых автомобилей и стали.³

Иногда административное руководство используется также при отсутствии ясных законодательных полномочий. В случае с компанией «Сумитомо металз» МВТП «рекомендовало» ей сократить объем выплавляемой стали до уровня 90% от предыдущего года. МВТП не имела для этого никакой законодательной основы, кроме Закона об учреждении МВТП, который предусматривает общие права и обязанности Министерства в отношении отраслей, находящихся под его юрисдикцией. «Сумитомо» сначала отказалась подчиняться административному руководству, однако уступила после того, как ей было дано понять, что в таком случае ее валютные фонды для закупки за рубежом каменного угля будут сокращены.⁴

Японские суды традиционно считают возражения против административного руководства незаконными.⁵ Согласно решению, вынесенному Верховным судом Японии по одному из дел о нефтяных картелях, административное руководство «является надлежащим до тех пор, пока оно разумно, даже если у него нет ясного законодательного санкционирования, а используемые им методы не носят гнетущий характер».⁶

По мнению японских экспертов, административное руководство как форма государственного регулирования обладает немалыми преимуществами. Оно носит более гибкий характер по сравнению с формальным исполнением

Закона. В условиях чрезвычайных ситуаций, подобных нефтяным кризисам, экономическое регулирование с упором на законодательные меры может оказываться слишком «жестким», для того, чтобы привести Закон в действие может требоваться слишком много времени, рамки Закона могут оказаться слишком тесны, чтобы справляться с быстро меняющейся ситуацией. В отличие от исполнения закона административное руководство является значительно более гибкой формой регулирования, а реакция государства на возникающую ситуацию - более адекватной. Мерам административного руководства обычно предшествуют переговоры и убеждения, а само административное регулирование осуществляется в более дружеской форме, чем «одностороннее навязывание» правительством своего юридического приказа, который может создавать напряженность в взаимоотношениях между правительством и деловыми кругами.

Однако, гибкость административного руководства может означать, что его применение не ограничено какими-либо пределами. Поскольку административное руководство может становиться формой давления на объект регулирования, отсутствие четко очерченных пределов сферы его использования может привести к произвольному использованию государственной власти и нарушению гражданских прав. Другим минусом административного регулирования можно считать недостаточную ясность и открытость процесса его осуществления.

Статус международных торговых соглашений в японском законодательстве

Япония активно, широко и разнообразно участвует в международных экономических отношениях. В 1955 г. она стала членом ГАТТ (с 1995 г. - ВТО), в 1964 г. вступила в ОЭСР. Япония является видным и влиятельным членом МВФ и Всемирного банка. Велика роль Японии в работе крупнейших региональных форумов, таких как Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), встречи Азия-Европа (АСЕМ).

Участие Японии практически во всех важнейших международных экономических организациях дополняется развитием двусторонних торгово-экономических отношений с подавляющим большинством стран мира. Эти отношения строятся на соответствующей договорно-правовой базе, имеющей различные формы, от общих, рамочных договоров о дружбе, торговле и мореплавании до детализированных соглашений, регулирующих взаимоотношения стран в отдельных областях или по отдельным проблемам.

Среди наиболее активно задействуемых договорно-правовых форм в практике международных экономических отношений Японии с зарубежными странами можно выделить следующие: договор (*дэсяку*), конвенция, конвенция (*кеяку*), соглашение (*кетэй*), договоренность (*торикимэ*), декларация (*сэнгэн*), протокол (*гитэйсе*), акт (*кэттэйсе*), обменные ноты (*кокан бунсе*), обменные письма (*кокан сёкан*) и меморандум (*обозаки*). Отличия между этими документами важны, поскольку в соответствии с п.3 ст.73 Конституции Японии одобрение парламента требуется только для договоров. Остальные документы могут заключаться и вводиться в силу исполнительной властью - кабинетом министров.

Попадает ли тот или иной документ под категорию «договор» зависит скорее от его содержания, нежели формы. В целом любое соглашение, которое в ограничительном или запретительном плане касается прав граждан страны, по японскому законодательству рассматривается как договор. Такие

документы, например как, Генеральное соглашение о торговле и тарифах, Кодекс о международных торговых переговорах, принятый под эгидой ГАТТ, и др. рассматривались как договоры и одобрялись парламентом.⁷ Многие другие торговые соглашения не столь значимые как ГАТТ, обычно получают одобрение правительства и подписываются от его имени без получения согласия парламента. Японские официальные лица придерживаются точки зрения о том, что если международное соглашение может быть введено в действие на основе внутреннего законодательства, кабинету нет необходимости представлять его в парламент для одобрения. Такая точка зрения в общем виде была изложена генеральным директором Бюро кабинета министров по законодательству: «Когда правительство Японии и правительство другой страны договариваются по вопросу, охватываемому Конституцией, ставить такое соглашение под демократический контроль парламента - пока оно не вводится в действие прямо (то есть, такое соглашение не налагает обязательств или ограничений на граждан Японии) и не противоречит уже одобренным парламентом договорам - необходимости нет. Его следует рассматривать как исполнительное соглашение, для которого не требуется такого рода одобрения».

Тем не менее имеется существенное различие между юридической силой договора, одобренного парламентом, и других видов международных соглашений. Только договор, одобренный парламентом, возьмет верх над противоречащим ему внутренним законодательством, независимо от того, одобрял парламент данный договор до или после принятия противоречащего ему внутреннего законодательного акта или постановления. Международное соглашение, не получившее одобрения парламента, такой юридической силы не имеет. Этот вывод проистекает из доктрины, в соответствии с которой одобрение парламентом договора требуется для того, чтобы гарантировать, что законодательная власть парламента не будет поставлена под угрозу компетенцией правительства заключать договоры. Таким образом, японское внутреннее законодательство стоит над исполнительными соглашениями, не имеющими форму договора, однако договоры обладают полным верховенством.

Вопрос о том, превалируют ли договоры над Конституцией в Японии не решен. Имеются две школы, отстаивающие прямо противоположные точки зрения на этот счет. Первая строит свои аргументы, среди прочего, на процедуре принятия поправок к Конституции. Для принятия поправок к Конституции в Японии требуется проведение референдума. Для заключения же договора необходимо лишь одобрение парламента. Таким образом, имея договор приоритет над Конституцией, это будет означать, что Конституция фактически может быть «исправлена» заключением договора, что будет противоречить принципу суверенитета народа, являющемуся одним из фундаментальных принципов Конституции.

В соответствии с другой точкой зрения, договор превалирует над Конституцией, поскольку последняя являясь выражением воли лишь одной нации, должна уступать договору, являющемуся проявлением воли международного сообщества.

Не вдаваясь в детали, следует, видимо, отметить лишь, что более убедительной в Японии считают все-таки первую точку зрения.

Применительно к внешнеэкономической сфере конституционным положением, имеющим отношение к данной проблеме, является ст.22, которая гарантирует свободу занятий, включая право заниматься торговлей или предпринимательской деятельностью. В японской судебной практике имеется целый ряд дел, касающихся ст. 22, по которым Верховному суду страны приходилось принимать решения о конституционности внутреннего законодательст-

ва, ограничивавшего права граждан заниматься экспортной или другого рода внешнеэкономической деятельностью.

Верховный суд Японии последовательно придерживается той точки зрения, что решение о том, является ли ограничение действительно необходимым, должно приниматься законодательной ветвью государственной власти и оставлено на усмотрение парламента. Согласно этой логике, если закон, который ограничивает права граждан, направлен на достижение какой-либо социальной или экономической цели (например, защита малых предприятий), суду следует воздерживаться от принятия решений о целесообразности таких ограничений. Легко видеть, таким образом, что в соответствии с таким правилом, любое законодательство, направленное на достижение экономической, в том числе внешнеэкономической цели, будет считаться оправданным, пока оно не является откровенно безрассудным.

1. Гё:сэй сидо: то докусин кинси хо: 1981. С. 62.
2. Яmanoути К. Гё:сэй сидо: - но рирон то дзиссай (Теория и практика административного руководства). 1984. С. 73-77.
3. Matsushita. A Japanese view of United States Trade Laws // North-western Journal of International Law and Business. Vol.8. № 1. 1987. P.p. 30-58.
4. Яmanoути К. ... С. 29-30, 41-42.
5. Law in Japan. Vol.17. 1984. P.p. 120, 130; Columbia Law Review. Vol.84. 198. P. 923.
6. Ханрэй дзихо:. № 983. С. 22 (решение Верховного суда от 26.09.80).
7. Jackson J., Louis V.-V., Matsushita M., Implementing the Tokyo Round. 1984. P. 84-85.

Российский Дальний Восток

Межрегиональная ассоциация "Дальний Восток и Забайкалье" и интеграция российского Дальнего Востока в АТР

© 1998

А.Бурый

Политические и экономические реформы, начавшиеся в 80-90-е годы в России, КНР, Республике Корея, других странах АТР, сделали возможным крупномасштабное перемещение через границы инвестиций, товаров, технологий, информации. Либерализация внешнеэкономических связей, с одной стороны, и сокращение спроса на внутреннем российском рынке на продукцию дальневосточных предприятий - с другой создали необходимые торгово-экономические предпосылки для развития сотрудничества между территориями Востока России и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Объем внешнеторгового оборота российского Дальнего Востока с 1992 по 1997 г. увеличился почти в 1,5 раза, экспортная квота региона выросла с 5 в 1991 г. до 22% в 1997 г.

Основные направления и механизмы стимулирования внешнеэкономической деятельности и международного делового сотрудничества нашли отражение в разделе Федеральной Целевой Программы "Вовлечение Дальнего Востока и Забайкалья в мировое хозяйство через экономическое сотрудничество со странами АТР"

В настоящее время можно констатировать, что в результате целенаправленных мер федеральных органов России и Совета межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" (МАДВиЗ), а также усилий деловых кругов, местных и центральных органов власти стран АТР в основном сформирована система органов, обеспечивающих расширение сотрудничества территорий Востока России с Японией, Республикой Корея, КНР, США. Главные элементы вышеназванной системы сформированы на трех уровнях: межправительственном, местных органов власти, деловых кругов.

Обеспечение сотрудничества на межправительственном уровне

В соответствии с Токийской декларацией, в 1994 г. началось формирование российско-японской межправительственной комиссии. Тогда же было

принято решение о создании в ее структуре трех подкомиссий – в частности по вопросам экономических отношений с дальневосточным регионом Российской Федерации. Основной задачей этой подкомиссии стала выработка предложений по устранению причин, препятствующих развитию экономических связей Дальнего Востока с Японией. В ноябре 1995 г. в Москве состоялось первое совместное заседание российской и японской частей подкомиссии. Проведен обмен мнениями по состоянию и перспективным направлениям торгово-экономических связей, созданию необходимой инфраструктуры для их последующего развития, рассмотрены вопросы, связанные с использованием кредитных линий Эксимбанка Японии, а также проблемы, препятствующие развитию взаимной торговли. Японская сторона была ознакомлена с основными направлениями федеральной программы долгосрочного развития Дальнего Востока и Забайкалья, возможностями ее участия в реализации приоритетных проектов Программы.

Второе заседание дальневосточной подкомиссии состоялось в январе 1997 г. в Токио. Подкомиссия рассмотрела состояние торгово-экономических связей между РДВ и Японией. Сделано сообщение о ходе ликвидации последствий катастрофы российского танкера "Находка". Стороны пришли к пониманию важности двустороннего сотрудничества в деле расследования причин и предотвращения подобных инцидентов. Японская сторона проявила интерес к намерениям российской стороны переориентировать гуманитарный кредит Эксимбанка Японии в размере 500 млн. долл. Кроме того, уделялось внимание проблемам, мешающим реализации крупномасштабных проектов (СЭЗ "Находка", транспортная инфраструктура Дальнего Востока, сахалинские проекты).

Третье заседание дальневосточной подкомиссии (в соответствии с планом Ельцина-Хасимото) состоялось в марте 1998 г. в Южно-Сахалинске. В заседании впервые приняли участие деловые круги двух стран. Совместными усилиями подготовлены предложения по расширению сотрудничества между РДВ и Японией. Российская сторона внесла на рассмотрение предложение о создании постоянно действующего секретариата подкомиссии. С российской стороны функции секретариата возложены на департамент МВЭС РФ и дирекцию ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье". Несмотря на недостаточную эффективность деятельности подкомиссии, представители территорий Востока России получили реальную возможность участвовать в подготовке и решении вопросов на межправительственном уровне.

В 1994 г. в Сизтле (США) Президент России Б.Н.Ельцин выступил с инициативой активизации связей между российским Дальним Востоком и западными штатами США. В конце 1994 г. была сформирована специальная инициативная рабочая группа "Дальний Восток России - западное побережье США" (далее ИРГ) при Межправкомиссии по торгово-экономическому и технологическому сотрудничеству. Создание такой, специализированной на РДВ группы имеет важное значение для обеих стран. Новый этап межправительственного взаимодействия предполагал активизацию российско-американских связей на основе не только отраслевого, но и регионального принципа. Такая направленность ИРГ имела более высокий эффект, поскольку результаты ее деятельности выражаются не только в экономических показателях, но и в реальном сближении народов двух стран.

Первое заседание ИРГ состоялось в г.Сизтл (штат Вашингтон, США) в 1995 г. На нем обсуждались вопросы совершенствования таможенной и административной политики, расширения возможностей для финансирования совместных проектов, меры по снижению барьеров на пути торгового и инвестиционного сотрудничества.

Второе заседание ИРГ состоялось в сентябре 1996 г. в Хабаровске. Во время встречи проходила конференция частного бизнеса РДВ и западного побережья США, в которой участвовали около 250 представителей деловых кругов. На конференции рассмотрено 94 совместных проекта. Участники заседания поддержали концепцию организационного обеспечения деятельности ИРГ. Принято решение о создании постоянного действующего секретариата на базе Фонда Российско-Американского сотрудничества (г. Сизтл, США) и дирекции МАДВиЗ (г. Хабаровск, Россия). Последующие рабочие встречи в рамках ИРГ прошли в Петропавловске-Камчатском (май 1997 г.), Портленде (октябрь 1997 г.) и Такоме (апрель 1998 г.).

Трудно налаживаются торгово-экономические отношения Дальнего Востока России с Китаем. Несмотря на то, что российско-китайская рабочая группа по межрегиональному и приграничному сотрудничеству образована два года назад, она, к сожалению, не смогла решить комплекс проблем, мешающих развитию экономических связей между РДВ и северо-восточными провинциями Китая. Возможно, созданный в январе 1998 г. (в рамках рабочей группы) координационный совет по межрегиональному и приграничному сотрудничеству позволит расширить торгово-экономические связи.

Дальневосточные подкомиссии межправительственных комиссий Россия-Вьетнам и Россия-КНДР находятся в стадии организационного оформления.

В 1994 г. в Москве представители правительств России и Республики Корея подписали Меморандум об учреждении совместного комитета по торговле. Первое заседание вышеуказанного комитета состоялось в Москве в 1995 году, второе в феврале 1997 г. в Сеуле. С целью более глубокой и качественной проработки проблем представители территорий Дальнего Востока и Забайкалья внесли в правительство РФ предложение: изучить возможность создания при Комитете по торговле между Россией и Республикой Корея Дальневосточной подкомиссии.

Следует отметить, что совместными усилиями представителей территорий Востока России удалось добиться принятия специальных решений на межправительственном уровне по Дальнему Востоку. Так, российско-американская комиссия по торгово-экономическому и технологическому сотрудничеству в феврале 1997 г. приняла специальную программу оказания содействия территориям Дальнего востока, которая называется "Региональная инвестиционная инициатива". Президент Б.Н.Ельцин и бывшая в то время Премьер-министром Японии Р.Хасимото в ноябре 1997 г. одобрили программу развития торгово-экономического сотрудничества, многие пункты которой непосредственно связаны с Востоком России.

Обеспечение сотрудничества на уровне местных органов власти

Поиску новых форм координации действий, выявлению и снятию противоречий, возникающих в ходе сотрудничества территорий, прилегающих к Японскому морю, способствовали совещания губернаторов Японии и Дальнего Востока России.

Между СССР и Японией сложилась практика проведения встреч председателей крайисполкомов, облисполкомов территорий Востока России с губернаторами западных префектур Японии. Первая (после распада СССР) конференция губернаторов прошла в ноябре 1993 г. в префектуре Тояма. В ней участвовали представители пяти территорий Дальнего Востока России (Приморский и Хабаровский края, Магаданская, Сахалинская и Иркутская облас-

ти) и шестнадцати японских префектур (Хоккайдо, Аомори, Акита, Ямагата, Ниигата, Тояма, Исикава, Фукуи, Киото, Осака, Хего, Тоттори, Симанэ, Ямагути, Фукуока, Токио). На конференции обсуждались проблемы, имевшиеся во взаимоотношениях России и Японии: задержка выплаты долгов японским фирмам российской стороной, проблемы связи, выброса в море радиоактивных отходов.

Вторая встреча губернаторов прошла в префектуре Ниигата в ноябре 1994 г. Состав участников конференции остался прежним. Вновь поднимались вопросы о возврате долгов, об обеспечении гарантий инвесторам, неразвитости инфраструктуры. Встреча способствовала улучшению взаимопонимания и конкретизации форм, направлений деятельности на региональном уровне, и получила хорошую оценку как с российской, так и с японской стороны.

Третья конференция губернаторов должна была пройти в октябре 1995 г. во Владивостоке, но по ряду причин не состоялась. Японская сторона предложила провести конференцию в префектуре Фукуи в ноябре 1996 г. в Конференции приняли участие представители четырех краев и областей РДВ и шестнадцати префектур Японии, состоялся активный обмен мнениями по вопросам экономического сотрудничества, культурных и технических связей, обменов людьми.

При организации мероприятий подобного масштаба в Японии, для достижения должного уровня в их проведении, финансовую и организационную поддержку оказывает МИД по поручению правительства. В России МИД организационно поддерживает проведение совещаний, однако не имеет средств для их финансирования. Территории Востока России, в свою очередь, не располагают в достаточной мере финансовыми ресурсами для проведения таких мероприятий. Именно по этой причине не удалось провести запланированные на 1995 и 1997 гг. конференции во Владивостоке.

Постепенно руководители местных органов власти государств, расположенных в регионе Северо-Восточной Азии, пришли к мнению, что на пороге XXI века необходимо добиваться активизации связей на многосторонней основе. В 1993 г. в префектуре Симанэ (Япония) состоялась первая конференция региональных администраций стран Северо-Восточной Азии. Вторая прошла в префектуре Хего (Япония) в 1994 г., третья - в г.Хабаровске (Россия) в 1995 г. В ходе дискуссий участники конференций пришли к выводу, что дальнейшее развитие межрегиональных связей требует большей согласованности и упорядоченности, обеспечить которые могла бы региональная организация, созданная усилиями сотрудничающих территорий.

12 сентября 1996 г. в г. Кенджу (провинция Кенсанбукдо, Республика Корея) состоялась четвертая конференция региональных администраций Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Республики Корея и Японии. Руководствуясь ранее принятыми решениями, участники 4-й конференции договорились сформировать ассоциацию региональных администраций стран Северо-Восточной Азии, и приняли ее Устав. Преамбула устава гласит: "Представители региональных администраций стран СВА, располагающих огромным потенциалом влияния на ход развития международного сотрудничества, основываясь на принципах равноправия и взаимной выгоды, в интересах активизации сотрудничества в экономической, культурной, политической и других областях, стремясь внести достойный вклад в дело мира во всем мире согласились создать международную организацию, именуемую "Ассоциация региональных администраций стран СВА".

Новая международная организация "АРССВА" объединила 29 местных органов власти "четверки". Члены ассоциации договорились сформиро-

вать систему сотрудничества между регионами для оперативного обмена информацией, проведения совместных исследований, принятия коллективных мер по обеспечению экологической безопасности, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий, организации и проведения международных спортивных соревнований. В сфере экономического сотрудничества решено объединить усилия для реализации совместных инвестиционных проектов, развития туризма, организации выставок.

В июле 1990 г. по приглашению Совета Министров РСФСР делегация Хоккайдо во главе с губернатором Екомичи Такахиро посетила Москву и РДВ. В результате было подписано соглашение о дружественном партнерстве РСФСР и Хоккайдо. На основе соглашения в декабре 1990 г. образована совместная рабочая группа в составе представителей администраций дальневосточных регионов, центральных органов власти Российской Федерации, и представителей администрации, организаций промышленников и отдельных предприятий Хоккайдо. Поставленные перед совместной рабочей группой задачи заключались в разработке положения о смешанной комиссии и проекта Программы экономического сотрудничества между РДВ и Хоккайдо.

Учреждение смешанной комиссии и проведение первого заседания состоялось 13 сентября 1992 г. В положении о смешанной комиссии были определены цели комиссии (содействие развитию отношений между Российской Федерацией и Японией, а также участию российского Дальнего Востока в процессе интеграции в АТР), и ее задачи (подготовка программ экономического сотрудничества между российским Дальним Востоком и Хоккайдо, принятие мер для повышения эффективности экономического сотрудничества между РДВ и Хоккайдо). Тогда же была принята первая Программа экономического сотрудничества между Дальним Востоком России и Хоккайдо. Целью Программы стало развитие отношений между Хабаровским и Приморским краями, Сахалинской областью и Хоккайдо. В Программе определено содержание конкретных проектов экономического сотрудничества в области торговли, промышленности, транспорта, туризма и связи, сельского хозяйства, рыбной и лесной промышленности, и намечены меры по их реализации. В рамках первой Программы сторонами осуществлены: обмены специалистами в области профессионального обучения (по рыбному, лесному, сельскому хозяйству, по переработке пищевых продуктов, по совершенствованию инфраструктуры и организации товарного обращения); стажировки руководителей предприятий; техническое сотрудничество в области телекоммуникаций; направлялись делегации для изучения возможностей участия хоккайдских предприятий в освоении Сахалинского шельфа; в Хабаровском крае и на Сахалине организованы семинары по развитию экономики; открыто регулярное воздушное сообщение между Хокодате и Южно-Сахалинском и регулярное паромное сообщение Отару-Вакканай-Корсаков; проведены заседания общего совета по вопросам развития японо-российского паромного сообщения.

На пятом заседании постоянной смешанной комиссии, состоявшемся в сентябре 1997 г. в Южно-Сахалинске, стороны подвели итоги выполнения Программы. Была принята вторая Программа экономического сотрудничества между Хоккайдо и Дальневосточным регионом России, внесены поправки в положение о постоянной смешанной комиссии. В новой Программе основное содержание экономического сотрудничества определяется следующим образом; содействовать расширению связей между предприятиями частного бизнеса; расширять такие связи, которые позволили бы обеспечить повышение уровня промышленных технологий и развитие местной промышленности обоих регионов; способствовать успешному выполнению проектов, реализуемых в

Дальневосточных регионах Российской Федерации, и в особенности проекта по освоению континентального шельфа на Сахалине; предусмотреть совершенствование транспортной сети, соединяющей Хоккайдо и Дальневосточные регионы России.

В начале 70-х годов возникли и стали традиционными встречи общественности Сибири, дальнего Востока и Хоккайдо. С тех пор прошло уже семь встреч. Первоначальная их цель, сформулированная в начале 70-х годов и заключающаяся в установлении и расширении контактов между различными организациями России и Японии, достигнута. Поэтому японский оргкомитет по подготовке очередной 8-ой Дальневосточной встречи (ДВВ) предложил изменить ее формат с тем, чтобы придать новый импульс развитию региональных связей. Предложено отказаться от проведения помпезного общественного форума с участием большого числа представителей регионов РДВ и Сибири (в предыдущих встречах принимали участие представители 13 краев и областей). Принимая во внимание четко обозначенные интересы деловых кругов и общественности Хоккайдо к конкретным российским регионам, японский оргкомитет предложил ограничить количество краев и областей, принимающих участие в 8-й ДВВ всего четырьмя дальневосточными территориями. были внесены предложения об изменении формы и содержания ДВВ с тем, чтобы она отвечала качественно новому уровню российско-японских отношений.

Совершенствование форм и методов сотрудничества между деловыми кругами Востока России и странами АТР

В связи с возрастанием роли частного сектора в экономике региона, в начале 90-х годов при содействии Совета МАДВиЗ на Дальнем Востоке возникли новые формы объединений деловых кругов - дальневосточные комитеты по экономическому сотрудничеству с деловыми кругами стран АТР.

Дальневосточный комитет по экономическому сотрудничеству между Российским Дальним Востоком, Сибирью и Республикой Корея сформирован одним из первых (в 1993 г.). Последнее, шестое его заседание прошло в августе 1997 г. в Южно-Сахалинске. С российской и корейской сторон в заседании принимало участие около 200 представителей политических, экономических, научных кругов. Стороны отметили необходимость выработки мер, способствующих привлечению инвестиций в дальневосточный и сибирский регионы, высказали пожелания правительственным кругам России и Республики Корея способствовать расширению сотрудничества в этом направлении. Стороны особо отметили деятельность корейско-российского научно-исследовательского центра, созданного для разработки новых технологий, процессов и материалов, обмена информацией в области развития фундаментальной науки и прикладных исследований; работу по подготовке российско-корейского межправительственного соглашения о создании совместного индустриального комплекса в СЭЗ "Находка". Участники встречи признали важность культурных и молодежных обменов и договорились об их активизации.

В 1996 г. в г. Благовещенске прошло первое заседание Дальневосточного комитета по экономическому сотрудничеству с КНР, в ходе которого представители деловых кругов региона обменялись мнениями о перспективах приграничного сотрудничества.

В марте 1997 г. состоялось первое совместное заседание Дальневосточного комитета по экономическому сотрудничеству с Японией и подкомитета по Дальнему Востоку японо-российского комитета. С российской стороны приняли участие 80 представителей деловых и общественных кругов, региональных

администраций территорий Дальнего Востока и Забайкалья, во главе с председателем комитета, губернатором Сахалинской области И.Фархутдиновым. В качестве наблюдателей в заседании участвовали представители органов власти РФ. С японской стороны в заседании участвовало свыше 80 представителей делового мира по главе с и.о. председателя подкомитета по Дальнему Востоку японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству г-ном С.Есида. Стороны достигли согласия об учреждении рабочей группы для рассмотрения возможностей сотрудничества по реализации Федеральной Целевой Программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 годы. Участники встречи отмечали, что начавшаяся реализация проектов освоения нефти и газа на шельфе о.Сахалин и устранение препятствий, затрудняющих их осуществление, придадут значительный импульс развитию экономических отношений на региональном уровне. В ходе встречи работали шесть секций: энергетика и топливно-энергетические ресурсы, транспортная инфраструктура и связь, машиностроительный, лесопромышленный комплекс, горнорудная промышленность, рыбохозяйственный комплекс, на заседаниях которых заслушаны доклады о состоянии дел в отраслях.

Созданные по инициативе Совета межрегиональной ассоциации дальневосточные комитеты в настоящее время выполняют функции координаторов действий деловых кругов, экономических организаций Востока России при их контактах с экономическими группировками стран АТР. Таким образом, при содействии межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов федерации Дальнего Востока и Забайкалья, дальневосточники становятся активными участниками процесса формирования многоуровневой системы связей в АТР.

История

Китай на рубеже тысячелетий: кризис национальной идентичности? (проблема в западной синологии)

© 1998

Л.Березный

Общепризнаны успехи экономических преобразований в КНР. Но столь же очевидна сложность и противоречивость современного этапа общественного развития страны, этапа несомненно переходного. Его направленность все еще не вполне ясна и остается предметом пристального внимания западных сиологов. С конца 80-х годов интенсивнее дебатруется вопрос о том, как долго сохранится нынешний разрыв между успешным движением к рыночной экономике и отсутствием существенных перемен в политической системе. При этом заметна тенденция рассмотрения названных проблем в контексте мировых цивилизационных процессов¹.

В синологической литературе Запада существуют различные подходы, однако, преобладают, пожалуй, варианты предположения, что инерция весьма длительного исторического времени и "проверенные" им потенции китайской цивилизации будут и впредь обуславливать сохранение преемственности, непрерывности (continuum), сочетающееся с той или иной формой восприятия наиболее значимых в современных условиях достижений других цивилизаций, прежде всего - западной². Однако существует и иная точка зрения, противоположная первой: в КНР налицо кризис национальной идентичности. Высказывания об отдельных его аспектах появлялись в западных исторических изданиях еще в 80-х годах³. В 90-х вышел в свет ряд новых работ, в которых эта тема получила дальнейшее развитие. В наиболее развернутом виде она представлена в монографии Эд.Фридмэна⁴. Книга написана в стиле острой, порой эпатажирующей полемики с отмеченной "парадигмой преемственности". Автор противопоставляет последней свой вывод: глубокий кризис национальной идентичности в КНР может привести к различным последствиям, но Фридмэн отдает предпочтение варианту, который обеспечил бы развитие демократического политического процесса в духе исповедуемых ученым западных либеральных ценностей.

Концепция Фридмэна методологически отличается от распространенного в западной синологии структуралистского подхода, возводящего истоки

современных трудностей демократизации Китая к событиям пятисотлетней давности, когда, по мнению приверженцев такого подхода, в начале Нового времени на всем Востоке произошли военные революции, воспрепятствовавшие появлению демократического потенциала, подобного тому уникальному потенциалу, который появился тогда на Западе. Вместо этого на Востоке образовались мощные централизованные государства, в которых отсутствовали необходимые условия для существования местных центров власти. Фридмэн отвергает взгляд на Восток и Запад как на абсолютно противоположные миры и суждения о том, что демократический потенциал присущ только англо-американским христианским демократиям. В отличие от структуралистов ученый подчеркивает значение для становления демократии (не являющейся, как он констатирует, особым даром, присущим только некоторым обществам) политического творчества, стечения различных обстоятельств, случайностей⁵. Следует, однако, заметить, что в своем конкретном анализе автор отнюдь не игнорирует влияния традиций на современные явления, но ставит при этом акценты иные, чем у адептов парадигмы "непрерывности". Критикуя структуралистов, Фридмэн вместе с тем приемлет одну из важнейших посылок структуралистов-культурологов: культурные основы национальной идентичности, совместимые с демократией, имеют решающее значение для демократической консолидации. По мнению ученого, такого рода основы традиционно присущи китайскому обществу⁶.

На фоне распространенных констатаций стабильности политической ситуации в КНР и успешного продолжения реформ тезис о глубоком кризисе национальной идентичности может показаться необоснованным. Но так ли уж неожидан этот тезис? Стоит вспомнить некоторые вехи эволюции китайских "ответов" на "вызовы" западной цивилизации. Творцы политики "самоусиления" еще смутно представляли себе характер возникших проблем. Однако уже в последние десятилетия стало приходить их осознание и появилась знаменитая формула Чжан Чжидуна (1884): "Китайское учение - основа, западное - практическое средство" (чжун сюэ вэй ти си сюэ вэй юн)⁷. А в первом десятилетии XX в., по оценке Л.Н.Борох, одному из крупнейших политических деятелей и мыслителей Китая - Лян Цичао было свойственно "расколотое сознание": в философских эссе мыслителя нашли отражение проявления "кризиса традиционных форм мировидения", "глубинных изменений культурно-психологического характера, порожденных диалогом Китай-Запад..."⁸. Признание неизбежности такого диалога все более властно давало о себе знать, став, в различных модификациях, одной из центральных проблем, над решением которой китайская общественная мысль все еще бьется и в конце XX столетия. Спектр мнений, как известно, весьма широк - от полного отрицания животворности традиционных духовных ценностей до апелляции к ним как главному средству сохранения национальной самобытности и возрождения величия китайской цивилизации. Духовная скрепа, на протяжении тысячелетий служившая официальной идеологией, стала подвергаться жесточайшей коррозии. По мнению Д.Фэрбенка, к началу XX в. "неоконфуцианский синтез утратил свое значение, но в поле зрения не было ничего, что могло бы заменить его, нужны были новые идеи"⁹.

В XX столетии постконфуцианство явилось, как известно, отражением поисков нового синтеза, теперь уже с ценностями совсем иной, западной, цивилизации. Но в условиях развернувшегося с начала XX в. острого национального кризиса, оно не смогло стать той "новой идеей", которая была бы способна предложить обществу реалистические пути "спасения Китая" - цели, сформулированной китайскими патриотами еще в конце XIX в. Такой

идеей стал национализм (в весьма, впрочем, противоречивых проявлениях). Одна из его особенностей заключалась в присущем по крайней мере некоторым националистическим направлениям чувству культурной идентичности, лежащем глубоко внутри общества и в его традициях¹⁰. Национализм стал (и, кажется, остается) одним из препятствий дальнейшему углублению кризиса национальной идентичности, тем более, что в своих консервативных (в позитивном толковании термина) проявлениях националистические устремления в той или иной мере учитывают реалии XX в. и не исключают необходимости цивилизационного диалога¹¹. Однако драматизм ситуации, сохраняющейся на протяжении всего нынешнего столетия, состоит в том, что разделяя общую цель - возрождение былого величия Китая, превращение страны в современное могущественное и процветающее государство - разные политические деятели и группировки коренным образом расходились в представлениях о путях достижения указанной цели и ее сути. Гражданские войны раскалывали общество и, разумеется, углубляли кризис национальной идентичности.

Предварительным, но обязательным условием возрождения Китая было (и объективно, и в сознании патриотов) создание государственности, способной добиться полного восстановления национального суверенитета и эффективно осуществлять модернизацию¹². С конца XIX в. и в первые десятилетия XX в. шли споры о путях достижения указанной цели - революционных или эволюционных? Последние предполагали не только конституционные реформы, но и просвещение широких масс населения; некоторым участникам "движения за новую культуру" и дискуссий начала 80-х годов именно в просвещении виделся магистральный путь преобразования Китая. Но, как заметил Ли Цзэху, идея просвещения была погребена идеей спасения¹³; последняя же требовала революции. В начале XX в. стало очевидно, что альтернативы революции нет¹⁴. Подчеркнем: противоречивые последствия Синхайской революции усугубили ситуацию, выдвинув на первый план задачи преодоления далеко зашедших центробежных тенденций и объединения Китая. Их пыталась решить национальная революция 1924-1927 гг., но чрезмерная "традиционность" одних ее участников и привнесение другими идеологии, заимствованной извне, способствовали расширению глубокой трещины, разделявшей общество. Но парадоксальным, казалось бы, образом не Гоминьдан, провозгласивший своим главным принципом национализм, а "интернационалистическая" КПК оказалась в конечном счете той национальной силой, которая (опять-таки - и объективно, и в сознании по крайней мере значительной части общества) сумела к середине XX в. объединить страну.

Проблемы роли национализма в качестве идеологии, способствовавшей победе КПК в 1949 г., широко обсуждались и продолжают обсуждаться в западной литературе¹⁵. Это особая тема, здесь приходится ограничиться лишь отдельными замечаниями. В ходу различные определения: "революционный национализм", "антиимпериалистический национализм", "крестьянский национализм". Последнее определение, предложенное Ч.Джонсоном, вызвало особенно оживленные дебаты¹⁶. В ходе дискуссии Джонсон и его оппоненты стали сходиться в том, что успех КПК был обусловлен как ее социально-экономической политикой, так и активным участием в сопротивлении японской агрессии. Для Фридмана, в принципе не приемлющего революцию как средства разрешения противоречий общественного развития, "антиимпериалистический национализм Мао" послужил все же основанием для частичного признания правомерности провозглашения КНР. Объединение страны и создание централизованного государства по мнению Фридмана, мог-

ли стать "новым стартом" в развитии Китая. Однако он прав, констатируя, что эти возможности были упущены¹⁷. Старт обернулся фальстартом.

Ссылаясь на концептуальную схему, связываемую с именами "четырех больших теоретиков" - А.Токвилля, Ф.Броделя, К.Маркса и Х.Арендт - Фридмэн утверждает, что содержание революции составляют: строительство современного государства, создание (!) новой нации, свержение реакционных социальных классов более прогрессивными силами и, наконец, развитие расширяющейся и институционализируемой демократии. Программа Мао, пишет Фридмэн, предусматривала как будто первые три цели, но ни одна из них не была достигнута¹⁸. Действительно, проблема выбора наиболее рационального пути общественного развития не была решена с 1949 г. "Большой скачок", "культурная революция" принесли новые неисчислимые бедствия, не сформировалась и демократическая государственность, что особенно подчеркивает Фридмэн, отказывающий китайской революции в легитимности.

Фридмэн специально не задается вопросом: была ли в середине XX в. альтернатива образованию однопартийной диктатуры КПК? Сосредотачивая свой анализ на проблеме перспектив формирования в Китае демократической государственности, ученый, естественно, не может усматривать такую альтернативу в гоминьдановском правительстве 30-40-х годов - даже апологеты последнего не считают его демократическим. Фридмэн, правда, мельком касается весьма важного, по моему мнению, аспекта политического процесса - идеи "новой демократии", сформулированной КПК еще на рубеже 30-40-х годов, но не привлекавшей до недавнего времени заметного внимания западных синологов¹⁹. Автор констатирует, что предложения КПК о коалиционном правительстве, выдвинутые после поражения Японии и основанные на принципах "новой демократии", открывали возможность установления конституционного правления, однако диктатор Чан Кайши блокировал эту перспективу, сославшись на неграмотность большей части народа, отсутствие у него необходимого опыта и т.п.²⁰ Таким образом, и по Фридмэну, КПК в тот исторический момент готова была прекратить гражданскую войну, перейти к эволюционным средствам выхода из национального кризиса, к той или иной степени демократизации политической системы²¹. Верно также и то, что до недавнего времени не признавалось и многими российскими коллегами: провозглашение теории "новой демократии" было для КПК не только тактическим средством привлечения поддержки широких общественных кругов, но и стратегической линией, предусматривавшей долгосрочный переходный исторический этап развития на пути к социализму. И в современной литературе КНР, насколько можно судить, нынешние реформы напрямую связываются некоторыми авторами с возвращением к принципам "новой демократии", отказ от которых в 1952 г. принес китайскому обществу весьма ощутимые потери²². Заметим, кстати, что наличие в КПК вот уже на протяжении более чем полувека "новодемократического" брожения умов порождает, на мой взгляд, серьезную историографическую проблему: не слишком ли схематичны устоявшиеся в синологии представления о развитии идеологической ситуации в КПК, по крайней мере с 1940 г.

Можно таким образом констатировать, что в конкретных условиях середины XX в. образование КНР несло с собой и элементы демократического потенциала. Объединение страны и воссоздание единой государственности, хотя и авторитарной в своей основе, на время (правда, как показали последующие события, короткое) в какой-то мере ослабило остроту кризиса национальной идентичности²³. Консолидирующей национальной силой и объективно, и в общественном сознании явилась тогда КПК, пользовавшаяся доверием

многих людей²⁴. Даже Фридмэн отмечает: большинство людей вне зависимости от политических взглядов сходилось в том, что вооруженная борьба под руководством Мао объединила страну, изгнала иностранцев и создала сильное и централизованное государство, завоевавшее Китаю достойное положение на международной арене²⁵. Все это в общем признавали многие западные синологи, подчеркивая традиционность, на их взгляд, сути политической системы²⁶: диктатура легитимна, а население законопослушно, поскольку в психологии китайцев глубоко укоренилась вера в то, что только признанная власть обеспечивает необходимый порядок, и если она слабеет, то воцаряется хаос (луань), ситуация, которой китайцы особенно опасаются, потому что она всегда сопровождалась дезинтеграцией, насилием, кровопролитием и гражданской войной. История китайской цивилизации свидетельствует, полагают приверженцы этой точки зрения, что государство может быть либо авторитарным, либо бессильным²⁷.

Обращаясь к современной ситуации, Фридмэн утверждает, что политическая власть в КНР, остающаяся, по его мнению, деспотической и в "эру после Мао", теряет доверие миллионов людей, "антиимпериалистический национализм", претендовавший на выражение интересов всего населения, мертв; разгул коррупции и т.п. способствует тому, что режим утрачивает какую бы то ни было легитимность; поверхностное спокойствие скрывает растущие структурные силы, которые изменят Китай; "сильные ростки нового национализма прорываются сквозь старые дискредитированные развалины, формируя новую идентичность (подчеркнуто мной. - Л.Б.), обещающую лучшее, хотя и не обязательно демократическое, будущее для всех китайцев"²⁸. Такова в самом общем виде суть концепции Эд.Фридмэна.

Происходящее, по мнению ученого, формирование в настоящее время "новой национальной идентичности" вполне определенно связывается им с неравномерностью развития различных регионов страны, вызывающей беспокойство официальных кругов Пекина. Синологи (не только Фридмэн) обращают внимание на связанный с этим (и, разумеется, и с другими факторами) рост самоидентификации разных этнических общностей, обладающих своими лингвистическими и иными особенностями, но в "эру Мао" лишенных возможностей свободного национального развития. Указывают на то, что особенно активно это проявляется (помимо Тибета, Синьцзяна, Внутренней Монголии) на юге Китая. Фридмэн особенно резко противопоставляет историческое и современное развитие Севера и Юга (оба географических понятия трактуется автором широко и расплывчато) страны. Ссылаясь на археологические открытия последнего времени и толкование этих открытий западными и некоторыми китайскими историками, Фридмэн указывает на несостоятельность распространенного представления о лёссовом плато в бассейне Хуанхэ, как единственной "колыбели" китайской цивилизации, и присоединяется к мнению ученых, полагающих, что были и другие центры ее формирования, в частности, бассейн Янцзы²⁹. Отрицается и представление об этнической гомогенности китайцев³⁰.

Постановка данного вопроса отнюдь не нова в синологии. Внимание современных авторов привлекают дискуссии 20-30-х годов, когда высказывалась сходная точка зрения, в частности авторитетным китайским историком Гу Цзеганом (1893-1980)³¹. Озабоченный царившей в 20-х годах милитаристской междоусобицей, грозившей полным распадом Китая, ученый в поисках путей предотвращения угрозы обратился к истории³². Одной из проблем интересовавшей Гу Цзегана, было как раз определение "китайская нация". Он не считал, что это понятие включает в себя только хань; словом "китайцы", по

мнению Гу Цзегана, обозначаются все люди, живущие в стране Чжунго; по мере изменения границ страны изменялся и состав "китайцев". Отмечая, что Китай - страна географически и этнически весьма многообразна, Гу Цзеган особо выделял роль малочисленных этнических групп в выживании Китая как единой страны³³.

Как и в современных дискуссиях о национальной идентичности исторические исследования Гу Цзегана несли на себе печать политической ситуации конца 20 - начала 30-х годов. Считая Китай полиэтнической страной, Гу в 1929 г. полемизировал с Дай Цзитао, утверждавшем, что Китай на протяжении тысячелетий оставался гомогенным как этнически, так и культурно, и не только ханьцы, но и монголы, маньчжуры, тибетцы и мусульмане являются потомками мифологических "трех императоров" и "пяти ванов". "Для Гу, - делает вывод современный исследователь его наследия, - конфронтация с Дай Цзитао была моментом истины. Это был случай, когда столкнулись два взгляда на Китай: гоминыдановский, монополюльно панханьский и плюралистический, полиэтнический"³⁴.

По мнению некоторых современных исследователей, разделяемому и Фридмэном, представление об этнической гомогенности китайцев сложилось лишь в поздний период Цин³⁵; до Цин под "синизацией" (ханьхуа) имелось в виду восприятие культуры Хань, но не самоидентификация - понятие фундаментальное для определения этничности; акцент на гомогенность вышел на первый план лишь в начале XX в. в связи с развертывавшейся борьбой за свержение маньчжурской династии. Фридмэн вслед за некоторыми другими западными авторами полагает, что до 30-х годов XX в. китайцы не рассматривали себя в качестве единой нации, счастливо зародившейся на Севере и мирно, благодаря превосходству культуры, слившейся с маньчжурами, и преуспевавшей под защитой великой стены. Миф этот, по Фридмэну, сформировался в 30-х годах, когда политические противники - Чан Кайши и Мао Цзэдун - каждый по своему соединили старую идею о центральной роли северной равнины с новейшими для того времени археологическими открытиями на Севере. Но за последние 50 лет, по мнению Фридмэна, эта "историческая повесть антиимпериалистического национализма" утратила свою притягательность³⁶.

Различие мнений относительно проблемы национальной идентичности отражает теперь, в конце XX в., и противоположность взглядов на перспективы политической эволюции КНР. Причем данную проблему надо, видимо, рассматривать в контексте нового понятия - "Большой Китай" - прочно вошедшего в лексику, касающуюся азиатско-тихоокеанского региона³⁷. В западной литературе и публицистике распространено представление о возможностях двух, альтернативных вариантов этой эволюции, условно обозначаемых как северный и южный. Первый отражает, по мнению ряда аналитиков, стратегическое видение Пекина: успехи экономических реформ в КНР рассматриваются в качестве интегральной части общего феноменального прорыва стран Восточной Азии, связанного с действенностью традиционных во всем регионе конфуцианских ценностей (иерархия авторитетов, бережливость, опора на семью, готовность к тяжелому труду, уважение старости, самоограничение во имя добрых целей)³⁸. Родиной этих ценностей является Китай, и в первые десятилетия XXI в. страна будет обладать самой мощной экономикой в мире, превратится в могучую и политически активную нацию, которая сохранит Азию от японского или внешнего господства и станет новым мировым центром. Такова, по мнению Фридмэна, суть "нового национализма", пропагандируемого в КНР. Автор характеризует его как "конфуцианский китайский национализм", "древнее авторитарное конфуцианство"³⁹, усматривая во вклю-

чении в официальную идеологию конфуцианских понятий стремление использовать последние для укрепления существующей общественной системы, связанной с консерватизмом отсталого Севера и т.д.

Этому "авторитарному, милитаристскому конфуцианскому националистическому проекту Севера" бросает вызов с Юга, как представляется Фридмэну, уверенный в себе "Большой Китай", преуспевающий, открытый миру, допускающий множественность религиозных конфессий и мировоззрений, не сдерживаемых анахронизмом северного конфуцианства, не опасющийся многообразия самоидентификации отдельных общностей⁴⁰. Суть этого "южного проекта" (Юг - это, разумеется, Тайвань, Сянган и бурно развивающийся юг материкового Китая, прежде всего - Гуандун) довольно выразительно изложил сянганский профессор Мин Чжан: "Шэньчжэн - гонконгизируется, Гуандун - шэньчжинизируется и вся страна гуандунизируется"⁴¹. Экономически мощный Юг должен послужить, как представляется сторонникам проекта, определяющим фактором не только преодоления центробежных тенденций, но и возрождением великой китайской цивилизации и основой будущего "большого Китая". "Юг - это не место. Это национальное сознание, путь народа, который усердно трудится и процветает в отличие от северян, которые говорят и говорят, но на самом деле не умеют трудиться"⁴². На базе Юга, по Фридмэну, нынешний кризис самоидентификации будет преодолен, сложится новая национальная идентичность.

В западной литературе накоплен значительный материал о процессах, происходящих на юге страны, не только экономических, но и этнических, культурных и др., и как бы подтверждающих обоснованность притязаний сторонников "южного проекта"⁴³. Большое внимание уделяется лингвистическим проблемам, противостоянию различных диалектов "пекинскому", трудностям в распространении путунхуа⁴⁴, свидетельствам роста популярности и на Севере многого, что так или иначе связано с Югом. Отмечаются новые тенденции в социализации молодежи именно на Юге. По наблюдениям ряда авторов, часть молодых людей не проявляет интереса к прошлому страны, ищет новые горизонты, увлекается иностранной литературой и музыкой и жаждет самостоятельности. Встречаются даже утверждения, что на Юге происходит разрыв политической культуры молодежи; "дети Дэна это не дети Мао" - таков распространенный вывод⁴⁵.

В соперничестве "северного" и "южного" проектов, развертывающемся, как представляется Фридмэну, все более интенсивно, заметную роль играют различия в трактовке вопроса о роли традиционных ценностей в модернизации страны⁴⁶. Высказывается мнение, что многие образованные люди, не приемля "древнего авторитарного конфуцианства", пропагандируемого властью, обращаются к Мэнцзы как носителю протодемократических тенденций в общественной мысли и тех черт в конфуцианском наследии, которым позднее, в XVI в., придавал особое значение Хуан Цзуси.

Для Фридмэна, по-видимому, оптимальный вариант развития китайского общества - тотальная вестернизация. Игнорируя некоторые, действительно малозаметные пока изменения в политической жизни КНР, он полностью отождествляет сущность власти в "эру Мао" и в "эру Дэна", а в апелляции руководства КНР к традиционным духовным ценностям видит лишь попытку с их помощью вернуть утраченную, по мнению Фридмэна, легитимность власти, основывавшуюся на "антиимпериалистическом национализме". Но вот профессор сянганского университета Лю Шусянь, также отмечающий политизированность конфуцианства, пропагандируемого властями КНР, все же указывает на существующие в стране условия, благоприятствующие изу-

чению современного неоконфуцианства: последнее, отличаясь от официально пропагандируемого, стало, по мнению сянганского ученого, источником вдохновения для интеллектуалов и молодежи⁴⁷. Фридмэн и сам сообщает факты, свидетельствующие об этом. Но политические пристрастия и абсолютизация глобальных процессов (в духе, кажется, пресловутого "конца истории") мешают ученому объективно оценить две противоречивые, но взаимосвязанные тенденции, способные оказать влияние на перспективы преодоления кризиса национальной идентичности. Массированная официальная пропаганда против "духовного загрязнения", "буржуазной либерализации" имеет, конечно, одной из своих целей (именно это подчеркивает Фридмэн, как, впрочем, и многие западные синологи) упрочение позиций власти в ее нынешнем виде. Однако руководство КНР действительно озабочено угрозой утраты национальной самобытности, связанной (может быть, не в последнюю очередь?) со все более расширяющейся "открытостью" китайского общества. Вне поля зрения американского ученого оказалось весьма важное явление - фактическое совпадение взглядов конфуцианцев в КНР (включая теперь и Сянган) и на Тайване на потенции современного неоконфуцианства как опоры в противостоянии тотальной вестернизации.

Не без удивления приходится отметить, что Фридмэн в сущности обошел молчанием едва ли не главную проблему национальной самоидентификации - проблему цивилизационного синтеза, процесса имеющего, на мой взгляд, определяющее значение для преодоления кризиса национальной идентичности. Внимание сиологов к этой теме, ее историографический анализ - вне рамок данной статьи. Заметим лишь, что крайние точки зрения, фактически исключающие необходимость синтеза, все еще дают о себе знать в китайской общественной мысли, видоизменяясь, разумеется, с течением времени, но сохраняя по крайней мере некоторые сущностные черты: от формулы Чжан Чжидуна к претензиям на превращение китайской философской традиции в основу современной мировой философии и от иконоборчества "движения за новую культуру", через кампанию "Критики Линь Бяо и Конфуция" к выводу о "мертвых водах" Хуанхэ в телесериале "Хэшан". Очевидно, однако, что на рубеже тысячелетий для национальной самоидентификации важен именно синтез, новый синтез культур, поисками которого заняты современные конфуцианцы во всем "китайском мире". Продуктивность такого подхода отмечается многими сиологами, в частности, российскими⁴⁸.

Эд.Фридмэн обращает внимание на одну из характерных черт официальной пропаганды в КНР: СМИ заполнены повседневными сообщениями о росте коррупции, преступности, наркомании, распространении СПИД'а, всякого рода бедствиях и катастрофах в разных странах. Негативным явлением в окружающем КНР мире противопоставлена стабильность в китайском обществе, обеспечивающая эффективность реформ. Это наблюдение касательно одной из черт официальной пропаганды в КНР послужило американскому ученому основанием для двух выводов, один из которых, по моему мнению, спорен, а другой - весьма важен. По Фридмэну, концентрированная информация о всякого рода бедах и бедствиях на Западе (и в России) все равно не мешает китайцам замечать коррупцию и другие негативные явления у себя в стране. Это, вероятно, так. Тем не менее акцент официальной пропаганды на стабильности в китайском обществе едва ли остается бесследным в сознании населения. Упор на стабильность (при всей ее относительности) является для власти важным аргументом в стремлении противостоять кризису национальной идентичности. Оказывается, - и это второй вывод Фридмэна, - сообщения о бедствиях в других странах побуждают китайцев к мысли о превосходстве национальной культуры, отличающейся терпимостью и открытостью и потому

не знавшей религиозных войн и т.п. Фридмэн, по-видимому, прав, замечая, что китайские интеллектуалы, продолжая атаковать китайскую культуру как феодальную, упускают из виду эту черту менталитета современного китайца⁴⁹. Очевидно, что такого рода взгляд на национальную культуру, сохраняющийся в общественной психологии - важный резерв упрочения самоидентификации.

Впрочем, общая ситуация, если судить по наблюдениям западных синологов, остается противоречивой. Апелляция официальной идеологии к иерархическим аспектам конфуцианства находит отклик у старших поколений, опасаящихся, что рыночные реформы и восприимчивость молодых к западным веяниям повлекут отказ от забот о стариках, и молодые, потеряв всякий стыд, станут предаваться тем же порокам, что столь распространены на Западе⁵⁰. С другой стороны, отмечается и склонность части молодых писателей осуждать антиконфуцианскую направленность "движения за новую культуру", поскольку оно, по их мнению, подрывало моральные силы Китая. Но есть и другая тенденция - осуждения конфуцианства, поскольку оно, как считают приверженцы такого взгляда, используется для оправдания авторитаризма власти, подрывает силы народа; иногда в этой связи ищут источники жизненной энергии общества даже в доциньском трайбализме⁵¹.

Цивилизационный синтез составляет сложный и противоречивый процесс поиска взаимодействия западной и восточной культур. Эту противоречивость подметил гарвардский профессор Ду Вэймин. С одной стороны, отмечает он, "...менталитет Японии и "четырёх малых драконов" пронизан духом меркантилизма, коммерциализации и международной конкуренции. КНР (родина-мать всего "китайского мира") откровенно заявила о выборе аналогичной стратегии развития и, начав реформы в 1979 г., с тех пор демонстрирует аналогичный менталитет"⁵². С другой стороны, под "влиянием конфуцианской культуры индустриальная Восточная Азия уже создала менее противоречивую и менее корыстную (чем западная. - Л.Б.) современную цивилизацию"⁵³. Сходное, хотя и не столь категоричное мнение распространено в синологии. В этой связи, возможно, ближе к реальности точка зрения М.Л.Титаренко, полагающего, что на "основе ценностей китайской цивилизации в конце XX в. в Восточной Азии начал складываться новый тип модернизации (подчеркнуто мной. - Л.Б.), уже продемонстрировавший свою высокую эффективность в поддержании социальной стабильности и высоких темпов роста..."⁵⁴.

Особое внимание в контексте взаимодействия культур уделяется проблемам политической эволюции КНР. Одни ученые предполагают, что на этой эволюции и впредь будет в той или иной степени сказываться влияние традиционной политической культуры, что в свою очередь скажется на характере и формах неизбежных в будущем изменений в политической системе КНР; другие, в их числе Фридмэн, видят оптимальное решение всех проблем в восприятии западных форм демократии. Весьма существенны для оценки перспектив реформирования "Большого Китая" расхождения мнений его потенциальных участников относительно перспектив совершенствования государственности: известной позиции руководства КНР, отвергающего применимость в Китае принципов западной демократии, противопоставляются попытки президента Тайваня Ли Дэнхуэя предложить свой, особый тип "азиатской демократии" с некоторыми элементами "государственного конфуцианства" в его ранних, доциньских вариантах⁵⁵ (в Сингапуре, как известно, давно сложилась своя политическая система).

Наконец, пристальный интерес западных синологов вызывают (в том числе и в контексте перспектив "Большого Китая") взаимоотношения центра и регионов; высказываются даже мнения, что противоречия между ними со-

ставляют стержень современной политической борьбы в КНР. Недавнее воссоединение Сянган с КНР при всей его исторической и экономической значимости для Пекина может, по-видимому, стимулировать дальнейшее осложнение рассматриваемых здесь проблем⁵⁶, укрепляя привлекательность “южного проекта” (по терминологии Фридмэна) в соперничестве с “северным” вариантом преодоления кризиса национальной идентичности, упрочения самоидентификации китайцев на новой основе. По мнению некоторых аналитиков распространение явлений культуры, ассоциируемых с Тайванем и Сянганом, в другие регионы страны (происходившее и ранее), ведет к пересмотру того, что означает быть современным китайцем⁵⁷. Все это связывается с очевидным для наблюдателей ростом центробежных тенденций, обостряющих кризис национальной идентичности. Г.Хардинг полагает, что проблема современной идентичности является решающей для перспектив “Большого Китая”: разворачивается состязание регионов за право стать его центром⁵⁸, оно сочетается с ростом значения региональных идентичностей, не очень заинтересованных в национальной истории, в высокой национальной культуре и в использовании пекинского гоюй в качестве национального языка⁵⁹.

Итак, можно констатировать наличие в западной синологии двух подходов к современным проблемам самоидентификации китайцев: одни авторы указывают на продолжающийся кризис национальной идентичности, другие - на характерные, по их мнению, признаки континуума, непрерывности в общественном развитии Китая как до 1949, так и после него. Складывается впечатление, что обеим концепциям присуща известная односторонность: Фридмэн игнорирует факторы непрерывности и преемственности, влияющие, и притом весьма серьезно, на современное развитие китайского общества, а сторонники “парадигмы непрерывности” как бы не “замечают” достаточно очевидных признаков кризиса самоидентификации. Представляется, однако, что и Фридмэн, анализируя подчеркиваемый им (и не без оснований) кризис, не учитывает в должной мере значения “запаса прочности”, заложенного в древнейшей живой цивилизации⁶⁰. Впрочем, при всей своей пристрастности Фридмэн достаточно трезво оценивает современную ситуацию в КНР. Настаивая на том, что перемены, связываемые им с “южным проектом”, вполне реалистическая альтернатива нынешнему континууму, автор монографии признает, что в современной ситуации она может и не состояться. Констатируя, что “китайцы все еще говорят о себе как о едином народе”, ученый не исключает вовсе возможность сохранения современной преемственности. Однако он все же не оставляет надежды на то, что “антиконфуцианская (или демократическая конфуцианская) самоидентификация”, основанная на процессах развития Юга, станет ядром новой национальной идентичности как пути устранения разобщенности и распада - бедствий, которых китайцы боятся больше всего⁶¹.

Различия двух концепций очевидны. Но в одном, очень важном, пункте обнаруживается сходство мнений: уверенность в неизбежности эволюции КНР к тем или иным формам демократии. Фридмэн строит предположения о возможных вариантах такого рода эволюции, Фэрбенк ограничивается выводом: в Китае наблюдается “движение к гражданскому обществу как историческая тенденция” (подчеркнуто мной. - Л.Б.), что однако приведет не к западному, а к китайскому типу демократии⁶². Покойный “дуайен” американской историографии Китая, завершая свой труд об истории китайской цивилизации, призывал коллег рассмотреть адекватность своих представлений китайской сцене.

Этот призыв можно адресовать ко всей синологии. Исторический опыт китайской цивилизации и ее потенции исследованы далеко не во всех проявлениях. Представляется, что при всех сложностях и противоречиях современного развития КНР ресурсы цивилизационного самообновления отнюдь не исчерпаны, назревает новый этап развития китайской цивилизации, которая, сохраняя обновленную национальную идентичность, составит органичную часть мирового цивилизационного развития в предстоящем столетии.

1. В российском китаеведении названные проблемы обсуждаются в частности на ежегодных Международных научных конференциях по теме "Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы", организуемых ИДВ РАН.
2. См., напр., Fairbank J.K. *China: a New History*. Cambridge, Mass., 1992. P. 428-429; впрочем, эта точка зрения подвергается критике, предлагаются другие подходы, основанные на "требовании" полной вестернизации китайского общества (попытку методологически обосновать такой взгляд см.: Metzger T.A., Myers R.A. *Sinological Shadows: the State of Modern China Studies in the US // Methodological Issues in China Studies*/ed. By A.A. Wilson and oth. N.Y., 1983)
3. См., в частности: Gargan E. *China's Fate*. N.Y., 1989; Gladney D. *Muslim Chinese*. Cambridge, Mass., 1991; Dittmer L., Kim S. *China's Quest for National Identity*. Ithaca, 1993.
4. Friedman Ed. *National Identity and Democratic Prospects in Socialist China*. N.Y., 1995. Автор - известный политолог и историк Китая, неоднократно путешествовал в недавние годы по стране, общался с представителями различных слоев населения КНР. Помимо собственных наблюдений автор вводит в оборот материалы западных и китайских (КНР, Сянган, Тайвань) авторов: есть несколько ссылок на работы российских китаеведов.
5. Обращает на себя внимание акцент на роль случайностей, ситуационных обстоятельств в историческом процессе, в частности, в трактовке западными синологами проблем китайской революции.
6. Friedman Ed. *Op.cit.* Preface.
7. К концу 90-х годов XIX в. произошли, как известно, некоторые сдвиги в осознании необходимости какого-то диалога двух цивилизаций.
8. Борох Л.Н. Личность и история (по материалам философских эссе Лян Цичао) // *Личность в традиционном Китае*. М., 1992. С. 239; подобная же "расколотовость сознания" была, по-видимому, свойственна в это время и Чжан Бинлиню (Чжан Тайяню). См.: Калюжная Н.М. *Традиция и революция*. М., 1995. Особое, и, на мой взгляд, недостаточно еще изученное место в контексте рассматриваемой темы занимает мировоззрение Сунь Ятсена.
9. Fairbank J.K. *Op.cit.* P. 243.
10. Fairbank J.K. *The Great Chinese Revolution 1800-1985*. N.Y., 1986. P. 143.
11. Мы оставляем здесь в стороне различные проявления великоханьского национализма, отнюдь не способствующие упрочению национальной идентичности.
12. Райт М. примерно так определяя сущность националистических представлений, полагала, что избавление от маньчжурского господства было в начале века не самой важной целью Right M. (ed.) *China in Revolution. The First Phase 1900-1913*. N. Y., 1986. *Introd.*
13. См.: Делюсин Л.П. *Просвещение или спасение: проблема выбора // XXV научная конференция "Общество и государство в Китае"*. М., 1994.
14. Fairbank J.K. *The Great Chinese Revolution 1800-1985*. P. 144.
15. Идеологическая предвзятость помешала в свое время советскому китаеведению дать исторически адекватную оценку националистических тенденций в КПК, наиболее отчетливо представленных Мао Цзедуну
16. Johnson Ch. *Peasant Nationalism and Communist Power. The Emergence of Revolutionary China*. Stanford, 1962; краткий обзор дискуссий см.: Harford K., Goldstein S.M. (eds.) *Single Sparks. China's Rural Revolution*. N.Y., 1989.
17. Friedman Ed. *Op.cit.* P. 212, 228.
18. *Ibid.* P. 212.

19. В российской историографии эта проблема также не подвергалась основательному анализу, но общий подход теперь определился (см.: Березный Л.А. Об одном аспекте теории "начальной стадии" социализма // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 4; Меликсетов А.В. "Новая демократия" и выбор Китая путей социально-экономического развития (1949-1953) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 4.
20. Friedman Ed. Op.cit. P. 316. Как известно, в руководстве КПК не было единого мнения относительно принципов "новой демократии"; по мнению ряда авторов, в том числе и западных, одним из сторонников теории был Лю Шаоци (см.: Westad O.A. Cold War and Revolution. N.Y., 1993). Отмечая этот факт, Фридмэн все же считает Мао Цзедуна главным промотором идеи "новой демократии"; это мнение не кажется мне бесспорным.
21. Некоторые подробности см.: Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898-1949. М., 1996. С. 394.
22. См., в частности: Цзиньцзи яньцзю. 1993. № 12. Фридмэн Эд. на многих страницах монографии подчеркивает наличие протодемократических черт и в традиционной политической культуре Китая, крупные события XX в. интерпретирует именно как борьбу за демократизацию общества.
23. Фридмэн отмечает, что образованные люди, поддержавшие КПК в конце второй мировой войны, полагали тогда, что участвуют в демократическом движении, и лишь в 1957-1958 гг. в связи с кампанией против "правых" эти наивные, по мнению Фридмэна, китайские демократы осознали, что в стране правит жестокий деспотизм (Friedman Ed. Op.cit. P. 316).
24. Фэрбенк Д., хорошо знавший китайские реалии последних лет гоминьдановского правления, указывает на то, что в связи с приходом КПК к власти в городах царил эйфория, вызванная позитивными, в сравнении с предшествующим хаосом, изменениями, дававшими надежду на возрождение Китая, которым можно будет гордиться (Fairbank J.K. China: a New History. P. 349-350).
25. Friedman Ed. Op.cit. P. 27.
26. Фэрбенк приводил прямую параллель: Мао - "император", партийные лидеры и члены ЦК КПК - "правящая бюрократия", кадровые работники на местах - "шэньши" (Fairbank J.K. Op.cit. P. 430).
27. Tuurston A. A Chinese Odyssey. N.Y., 1991; Womack B., ed. Contemporary Chinese Politic in Historical Perspective. N.Y., 1991.
28. Friedman Ed. Op.cit. P. 63-64, passim. Книга Фридмэна в большей своей части воспроизводит (с некоторыми изменениями) статьи автора, публиковавшиеся в различных изданиях, что обусловило многочисленные повторы. Ниже, ввиду ограниченных рамок журнальной статьи, конкретные ссылки на те или иные страницы монографии даны только в самых необходимых случаях.
29. См., в частности, Guldin G., ed. Anthropology in China. N.Y., 1990. Это было признано и на конференции ученых КНР и Тайваня на о.Хайнань в 1994 г.; отмечается, что и другие неханьские общности оказывали влияние на культуру Хань.
30. Friedman Ed. Op.cit. P. 81.
31. См.: Hon Tze-Ki. Ethnic and Cultural Pluralism. Gu Yiegang's Vision of a New China in His Studies of Ancient History // Modern China. 1996. N 3.
32. Обширное научное наследие ученого, особенно его семитомное исследование "Гуши бян", в свое время охарактеризованное Ху Ши как революция в историографии, вызывает на Тайване и в западной синологии разноречивые суждения.
33. Гу Цзеган даже высказывал предположение, что если бы не вливание "свежей крови" уху, "пяи варварских племен" династии Цзинь (265-419), киданей, чжурчженей и монголов хань как этническая общность не выжила бы.
34. Hon Tze-Ki. Op.cit. P. 323. Критика панханьских идей Дай Цзитао обернулась для Гу Цзегана запрещением издания подготовленного им учебника истории и кампанией осуждения гоминьдановскими чиновниками (о существовании в Китае "глубоких традиций великоханьского шовинизма" напоминают авторы обзора событий внутриполитической жизни в КНР в 1996 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 4. С. 65).
35. См.: Grossley P.K. Orphan Warriors. Princeton, 1990; Sun Lung-kee. Social Psychology in the Late Qing Period // Modern China. 1992. N 3; Friedman Ed. Op.cit. P. 92-

94. Напомним, что Лю Данянь в 1961 г. писал об объединении при Цинах "различных национальностей под эгидой ханьской нации" как о позитивном процессе. // Лю Данянь. О Канси // Историческая наука в КНР. М., 1982. С. 311-312 (пер. с кит.). По наблюдениям Б.Г.Доронина в современной исторической науке КНР в контексте резко усилившегося интереса к преиуду Цин нашла отражение концепция, в соответствии с которой маньчжуры и другие малые народы рассматривались как составная часть единой китайской нации - чжунхуа миньцзу (Доронин Б.Г. Китай в XVII-XVIII веках. Ленинград, 1988. С. 8). Однако в научной литературе КНР встречаются и возражения против концепции "единой национальной этнической семьи во главе с китайцами". См., в частности: Шэхуй кэсюэ. 1990. № 3.
36. Friedman Ed. Op.cit. P. 316.
37. По мнению М.Л.Титаренко к середине XXI в. не исключено образование цивилизованного мегаобщества "Большой Китай", в него войдут КНР (с Сянганом), Тайвань, Сингапур и, возможно, и в той или иной форме к нему примкнет ряд стран Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. См.: Титаренко М.Л. Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации - условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая в XXI в. М., 1996. Ч. 1. С. 15. Издатели предпринимаемой в Лондоне серии "Chinese Worlds" включают в круг исследований не только названные территории, но также и китайские общины в других регионах, рассматривая "китайскость" как часть общего политического, экономического, социального и культурного континуума.
38. Вопрос о том, в какой степени "экономическое чудо" в странах Восточной Азии связано с сохранением традиционных ценностей, на мой взгляд, иногда упрощается в литературе. Примечательно, что неоконфуцианец Лю Шусань, профессор китайского университета в Сянгане, полагая, что конфуцианские ценности, идеи и культура явились весьма важными факторами успеха, вместе с тем обращает внимание на "трудности установления точной причинной связи между современными успехами и конфуцианским прошлым (тем более, что история успеха каждой из этих стран имеет свои особенности)" // Китайская философия и современная цивилизация. М., 1997. - С. 95 (подчеркнуто мной. - Л.Б.). К тому же некоторыми учеными-конфуциеведами высказываются сомнения в существовании единого конфуцианства (Переломов Л.С. Существует ли тайваньское конфуцианство? // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX - начале XXI века. М., 1997. Ч. 2.
39. Friedman Ed. Op.cit. P. 13, 17, 78-79.
40. Ibid. P. 78-79.
41. Ibid. P. 4.
42. Ibid. P. 88, 336. Здесь нет места для дебатированной в западных синологических и политических кругах проблемы возможного противостояния "Большого Китая" претензиям Японии на лидерство в регионе.
43. См.: Chan A. Children of Mao. Seattle, 1988; Chin A. Children of China. Ithaka, 1988.
44. Краткий анализ проблемы см.: Завьялова О.И. Лингвистическая ситуация в КНР: перспективы развития // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX-XXI века. М., 1997. Ч. 2.
45. См.: Chan A. Op.cit.; Chin A. Op.cit.; Vogel E. One Step Ahead in China. Cambridge, Mass., 1989.
46. Friedman Ed. Op.cit. P. 325. Автор ссылается и на личные наблюдения, сделанные в КНР в 1994 г.
47. Лю Шусань даже не исключает возможности постепенного преодоления "несовместимости между антикоммунистическим конфуцианством и антиконфуцианским коммунизмом" // Лю Шусань. О новых горизонтах современной неоконфуцианской философии // Китайская философия и современная цивилизация. М., 1997. С. 94; ср.: Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юлани. М., 1996. С. 214.
48. Ломанов А.В. обращает внимание на вывод о том, что китайская традиционная мысль становится не только "реципиентом" западной культуры, но и ее донором (Ломанов А.В. Указ. соч. С. 215); В.Ф.Феоктистов ставит акцент на возможности "диалога культур" (см. Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран

- Северо-Восточной Азии в конце XX - начале XXI века. М., 1997. Ч. 2. С. 12); Л.С.Переломов сообщает о призыве к "модернизации конфуцианства", прозвучавшем на "Международной конференции по изучению конфуцианства на Тайване" (Там же. С. 38).
49. Friedman Ed. Op.cit. P. 325-326.
 50. Некоторые западные китаеведы приходят к выводу о том, что пока США не преодолеют собственных недугов, они едва ли смогут убедить Китай стать более демократичным, чем сами США (Fairbank J.K. China: a New History. P. 432).
 51. Friedman Ed. Op.cit. P. 13; наряду с этим отмечается интерес и к более глубокому исследованию доциньского конфуцианства, "когда оно не было сковано императорским правлением"; Л.С.Переломов называет это "государственным конфуцианством" (Переломов Л.С. Указ. соч. С. 38).
 52. Ду Вэймин. Глобальное сообщество как реальность: изучение духовных ресурсов социального развития // Китайская философия и современная цивилизация. М., 1997. С. 21.
 53. Там же. С. 20.
 54. Титаренко М.Л. Китайская философия и будущее китайской цивилизации // Китайская философия и современная цивилизация. М., 1997. С. 13.
 55. Переломов Л.С. Указ. соч. С. 38.
 56. Еще по мере приближения к дате официальной церемонии среди жителей Сянгана усилилась разногласия мнений в отношении самоидентификации (см. Steve Tsang. Hong Kong. Appointment with China. N.Y., 1997. P. 163-167. Через 100 дней после воссоединения большая часть опрошенных идентифицировала себя в качестве гонконцев (International Gerald Tribune. October 2, 1997).
 57. Gold T. Op.cit. Указывая на разъединяющий и дестабилизирующий, по его мнению, прилив южной культурной волны, автор не без некоторого сарказма задается вопросом: "Должен ли Юг прибегнуть к новому северному походу или просто защитить свою автономию" (P. 925).
 58. Как представляется Фридмэну, с середины 80-х годов в Пекине стали сожалеть о том, что позволили далекому Югу первым открыть себя внешнему миру, и потому стали форсировать развитие шанхайского региона (Friedman Ed. Op.cit. P. 322-323). Можно предположить, что решение это было принято, по крайней мере отчасти, в предвидении перемен, которые могут произойти на Юге после воссоединения Сянгана с Китаем, о чем КНР и Великобритания пришли к соглашению в 1984 г., т.е. незадолго до начала интенсификации экономического развития Шанхая.
 59. Friedman Ed. Op.cit.
 60. Левин С., также констатирующий наличие кризиса идентичности, однако, в отличие от Фридмэна, считает вероятным, что КПК преодолеет кризис. (Levin S. China's Fuzzy Transition // China Quarterly. 1993. N 136). Правда, Фридмэн не исключает варианта, при котором "реформаторски ориентированный региональный партийный лидер, не с Юга", станет, утверждая новое и более открытое национальное сознание, первым среди равных в продолжающемся кризисе влияния старых, дискредитировавших себя, авторитарных сил (Friedman Ed. Op.cit. P. 339).
 61. Ibid. P. 332.
 62. Fairbank J.K. China: a New History. N.Y. 1992. P. 432.

Маршал Пэн Дэхуай. Страницы жизни. К 100-летию со дня рождения.

© 1998

В.Усов

24 октября 1998 г. исполняется 100 лет со дня рождения одного из создателей Народно-освободительной армии Китая, выдающегося военного и государственного деятеля, маршала КНР, члена политбюро ЦК КПК 6-го, 8-го созывов, министра обороны КНР Пэн Дэхуая. И к этому славному юбилею нам хотелось бы вновь вспомнить некоторые страницы из жизни этого легендарного маршала, большого друга Советского Союза. Пэн Дэхуай родился в деревне Шисян уезда Сяньтань провинции Хунань. В 6 лет мальчик был отдан в частную школу. Когда ему было 8 лет, умерла его мать, заболел отец. Пэн Дэхуай вынужден был бросить учебу. Семья совершенно обнищала. "В суровые зимние месяцы, когда люди надевали ватные халаты и чулки, мы с братьями носили соломенные сандалии на босу ногу и накидки из пальмовых листьев, напоминая своим видом первобытных людей", - вспоминал Пэн Дэхуай¹. Мальчику пришлось несколько лет пасти скот у богатого крестьянина, получая за это гроши. В 13 лет Пэн Дэхуай ушел из дому на угольные копи, где вынужден был работать по 12-13 часов ежедневно. Трудности, выпавшие на его долю в детские и юношеские годы, закалили Пэна и способствовали формированию у него твердого характера.

Во время голода в его родном уезде в 1915 г. он возглавил бунт нескольких сот обездоленных крестьян против местных помещиков и богатеев. После подавления бунта юноша вынужден был оставить родные места и пойти в солдаты. В марте 1916 г., не достигнув 18 лет, он вступил в хунань-гуаньсийскую армию. За три года службы Пэн Дэхуай вырос от рядового до командира взвода. Летом 1922 г. он поступил учиться на офицерские курсы в Хуани. За год Пэн Дэхуай успешно окончил курсы и вернулся в Национально-революционную армию вначале в качестве командира роты, затем с мая 1926 г. стал командиром батальона, а меньше чем через год - командиром полка. К этому времени он уже был знаком с идеями Сунь Ятсена и, в частности, с его "тремя народными принципами".

В период революции 1925-1927 гг. Пэн Дэхуай начал интересоваться марксистской литературой, читал "Коммунистический манифест". С помощью коммунистов в период Северного похода в его полку были организованы политические курсы и солдатский комитет.

После поражения революции в условиях царившего в стране террора Пэн Дэхуай окончательно сделал свой выбор, вступив в апреле 1928 г. в КПК.

В июле 1928 г. он возглавил восстание в Пинцзяне. Восставшим удалось освободить из тюрем более тысячи политзаключенных, а местные реакционеры были арестованы. После восстания дивизия Пэн Дэхуая была реорганизована в 5-й корпус рабоче-крестьянской Красной Армии и образовано Советское правительство². Пэн Дэхуай был назначен командующим корпусом, Тэн Дайюань - представителем ЦК в корпусе. Пинцзянское восстание "заложило основу для создания революционной опорной базы Хунань-Хубэй-Цзянси"³.

Гоминьдановская реакция и местные милитаристы бросили против советского района крупные воинские подразделения. Под напором превосходящих сил противника Пэн Дэхуай и Тэн Дайюань решили двигаться в Цзинганшань на соединение с частями 4-го корпуса, возглавляемого Чжу Дэ и Мао Цзэдуном. Впоследствии эти части Красной армии основали самый крупный в стране Центральный советский район.

Талантливый военачальник, искусный тактик, он принимал активное участие в разработке и осуществлении планов по отражению карательных походов Чан Кайши против советских районов, участвовал в Великом походе, в ходе которого руководил многими важными операциями и боями. С этого времени иногда у Пэн Дэхуая стали возникать разногласия с Мао Цзэдуном. Так, во время "Великого похода" у него была отличная от Мао точка зрения о дальнейших действиях после прибытия войск в Северную Шэньси. Пэн Дэхуай считал, что следует "остановиться, укрепиться, а уже потом продолжать движение". Мао же считал, что вести реорганизацию можно в ходе продвижения вперед⁴. В то время как в Цзуньи он "решительно поддержал" Мао Цзэдуна. Поддержал он его и в борьбе против Чжан Готао, когда последний, стремясь создать свой собственный ЦК, пытался перетянуть Пэн Дэхуая на свою сторону, чтобы нанести удар по Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю. "Решительно встал на сторону" Мао Цзэдуна он и на У1 расширенном пленуме ЦК КПК (ноябрь 1938 г.), когда боролись с линией Ван Мина⁵.

Непосредственный свидетель тех событий бывший военный советник при ЦК КПК, немецкий коммунист Отто Браун (известный в Китае как Ли Дэ), хорошо знавший Пэн Дэхуая, назвал его "самой примечательной фигурой среди командиров корпусов". "Его корпус, - писал Отто Браун, - единственный, в составе которого имелось три дивизии, был самым многочисленным, сильным и прекрасно подготовленным к ведению регулярных боевых действий, поэтому на него возлагались самые трудные задачи. Несколько раз Пэн Дэхуай оказывался в опасных ситуациях, но всегда с честью из них выходил"⁶.

В период войны сопротивления японским захватчикам Пэн Дэхуай стал заместителем командующего 8-й армией, и. о. секретаря Северо-китайского бюро ЦК КПК. Он помогал Чжу Дэ в руководстве 8-й армией и ее продвижении в тыл противника, а также в создании обширных опорных баз сопротивления японским захватчикам в Северном Китае, внося выдающийся вклад в дело завоевания победы над японскими агрессорами.

В период освободительной войны Пэн Дэхуай в сложных условиях борьбы с численно преобладающим противником осуществлял командование войсковыми частями, которые мужественно сражались на поле битвы, и освободил Северо-западную часть Китая.

После образования КНР в 1949 г. Пэн Дэхуай становится членом Центрального народного правительства, заместителем председателя Народно-революционного военного совета, 1-м секретарем Северо-западного бюро ЦК, заместителем председателя Военного совета ЦК КПК.

В октябре 1950 г. в начальный период корейской войны в Пекине было созвано совещание высшего партийного руководства, которое приняло реше-

ние о вступлении китайских войск в КНДР для оказания ей помощи. Пэн Дэхуай был назначен командующим частями китайских народных добровольцев на корейском фронте, которые совместно с корейской народной армией сражались вплоть до окончания войны. Пэн Дэхуай был награжден орденом "Национальный флаг" 1-й степени и званием Героя КНДР. В сентябре 1954 г. Пэн Дэхуай был назначен министром обороны КНР и одновременно заместителем премьера Госсовета КНР. Через год ему было присвоено воинское звание маршала КНР. По инициативе Пэн Дэхуая в НОАК была проведена реформа: установлена обязательность воинской службы, введена новая военная форма, назначено жалование для профессиональных военных, установлено 18 воинских званий, введены регулярное обучение и строгая воинская дисциплина, начата модернизация армии.

На УШ съезде КПК в 1956 г. Пэн Дэхуай выступил с развернутым докладом о проблемах военного строительства НОАК. Он был недоволен культом личности в Китае и откровенно высказался об этом на съезде, поддержав предложение об исключении из Устава КПК "идей Мао Цзэдуна" как теоретической основы партии. Как отмечали позже историки КНР, правильную точку зрения и действия маршала по вопросу критики культа личности член Политбюро ЦК КПК, "палач партии", как его за глаза именовали некоторые руководители страны, Как Шэн позднее в ряде выступлений трактовал как "величайшее преступление"⁷. Пэн Дэхуай требовал прекратить демонстрацию портретов Мао Цзэдуна и восхваление его в песнях. На совещаниях политбюро он дважды предлагал прекратить исполнение песни "Восток заалел", возражал против здравниц в честь Мао, был против того, чтобы военнослужащие в своей присяге клялись в верности Мао. Он запретил воздвигать бронзовую статую Мао Цзэдуна в Пекинском военном музее. Все это ему припомнили его недруги в ходе "культурной революции".

Когда в КНР начался "большой скачок", нанесший колоссальный вред народному хозяйству, Пэн Дэхуай, совершив поездку по стране, трезво оценил обстановку и выступил с критикой политики "коммунизации" деревни, массовой кампании по выплавке стали в кустарных печах. Посетив одно из военных училищ, он обнаружил, что весь коллектив бросил учебу и военное дело и активно занялся выплавкой стали. Люди не спали по несколько суток. С красными, воспаленными глазами, в черной от копоти и грязи одежде они возились у печей. Пэн Дэхуай, обращаясь к слушателям училища, с солдатской прямоотой заявил: "Я тронут вашим энтузиазмом, однако вашему руководству, которое так нерационально растрчивает ваш энтузиазм и энергию, я должен буду дать пинка"⁸. При этом он обратил внимание собравшихся на то, что начальство училища играет на руку врагу, ослабляя военную подготовку личного состава.

То, что увидел Пэн Дэхуай своими глазами в деревне, он отразил в стихотворении "Путешествие по родным местам", в котором были такие строки:

Засыхает батат, зерна в поле лежат.
Кто силен - отправляются сталь выплавлять,
А хлеба убирать оставляют девчат...
Как до завтра дожить?

Я во имя народа обязан ударить в набат!⁹

Маршал сдержал слово. В июле-августе 1959 г. на расширенном заседании политбюро ЦК КПК и на состоявшемся затем пленуме ЦК КПК, проходивших в Лушане (пр. Цзянси), Пэн Дэхуай несколько раз выступал с резкой критикой политики "большого скачка". Основываясь на материалах проведенного им обследования и на изучении множества документов, маршал подверг критике левацкий курс на кустарную выплавку стали и создание без предва-

рительной подготовки "народных коммун". Пэн Дэхуай обратил внимание участников совещания на нарушение принципа коллективного руководства в КПК, на удушающую атмосферу культа личности, поставил вопрос о недопустимости пренебрежения экономическими законами и подмены экономической работы игрой в политические лозунги: "Политика как командная сила не может заменить экономических законов и тем более не может заменить конкретных мероприятий в экономической работе"¹⁰. Его мнение поддерживала часть партийного руководства, в том числе секретарь ЦК КПК Хуан Кэчэн, кандидат в члены политбюро ЦК КПК Чжан Вэньтянь, первый секретарь комитета КПК Хунани Чжоу Сяочжоу. 14 июля 1959 г. Пэн Дэхуай изложил свою позицию по ряду важных вопросов экономической политики в письме на имя председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна.

Письмо это, однако, было истолковано весьма превратно. Мао Цзэдун считал, что ему лично и всему руководству ЦК брошен "вызов". 16 июля Мао Цзэдун, написав на письме заголовок "Мнение тов. Пэн Дэхуая", дал указание канцелярии ЦК размножить и распространить его среди участников совещания в качестве документа, который следует обсудить. "До 22 июля на секциях в течение шести дней шла дискуссия.- отметил Пэн Дэхуай с своим дневнике 23 июля 1959 г.,- письмо получило полное одобрение, только один товарищ был против и один "в основном согласен". А часть товарищей не высказывали своего мнения".

23 июля на совещании с резкой критикой Пэн Дэхуая выступил Мао Цзэдун, заявив, что письмо является "атакой на партию", "антипартийной программой правого оппортунизма".

После выступления Мао Цзэдуна совещание, круто изменив направление, стало критиковать и разоблачать Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня и Чжоу Сяочжоу за так называемый правый уклон. Самый резкий тон критики, помимо Мао, был задан Линь Бяо, который обвинил министра обороны в "лицемерии", "интриганстве" и "карьеризме", не отставал от них и Кан Шэн¹¹

На Пэн Дэхуая было навешано множество несправедливых политических ярлыков: "буржуазный демократ", "попутчик в демократической и оппозиционер в социалистической революции", "спекулянт, пролезший в ряды партии", человек, "поддерживающий тайные связи с заграницей", "организовавший военный клуб", пытавшийся "заставить Мао Цзэдуна отказаться от власти" и т.д.

Совещание приняло постановление об освобождении Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня и Чжоу Сяочжоу от занимаемых постов. По решению Лушаньского пленума Линь Бяо заменил Пэн Дэхуая в Военном совете ЦК КПК, стал отвечать за постоянную работу этого совета и вскоре был назначен министром обороны КНР.

Правильная оценка этого совещания и пленума ЦК была дана партией спустя 22 года. Как говорится в "Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР" (1981 г.) "во второй половине работы этого совещания тов. Мао Цзэдун развернул несправедливую критику тов. Пэн Дэхуая, что вылилось в так называемую борьбу против правого уклона в масштабах всей партии. Совершенно ошибочной явилась и резолюция УШ пленума ЦК КПК 8-го созыва о так называемом блоке Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня и Чжоу Сяочжоу".

Пэн Дэхуай, отстаивая свое мнение в другом письме к Мао Цзэдуну, уже после пленума, заявил, что дает партии три обязательства, которые будут свято выполняться: во-первых, никогда не станет контрреволюционером, во-вторых, не покончит жизнь самоубийством, в-третьих, будет трудом зарабатывать себе на жизнь¹². В письме Мао Цзэдуну от 9 сентября 1959 г. он просил разрешения поехать работать в "коммуны" и стать простым крестьяни-

ном. В ответном письме высказывалось несогласие с предложением опального маршала и обосновывалось это возрастом и физическими нагрузками. Взамен ему предлагалось несколько лет поучиться, заняться "обследованием и изучением" на городских предприятиях и в деревне.

После Лушаньского совещания "тяжелая, гнетущая атмосфера нависла над домом Пэн Дэхуая". Из Чжуннаньхая его переселили в западный пригород Пекина, в парк Уцзя в полуразрушенный домик У Саньгуя, имя которого являлось символом национального предательства. Там, находясь практически под домашним арестом, опальный маршал прожил почти шесть лет. Он резко сдал: постарел, поседел, стал много курить. Он чистил сточные канавы, занимался выращиванием овощей, стирал и штопал свою одежду, сам убирал дом. Его жена Пу Аньсю в те годы работала в педагогическом вузе и приезжала к нему из Пекина только по воскресеньям. Пэн Дэхуай передал в ЦК свою маршальскую форму, свои награды и ордена: "Освобождение", "Свободы и независимости" 1-й степени, "1 августа", отказался от услуг медсестры. Часто он в шутку говорил: "Без службы дышится легко...а все эти вещи простому человеку ни к чему".

Время и события вскоре подтвердили правоту критических замечаний Пэн Дэхуая. Многие из того, что он говорил, повторил Лю Шаоци на расширенном совещании ЦК КПК в начале 1962 г. Более того была признана ошибочность борьбы с "правыми" в 1959 г. Однако прежнее чудовишно несправедливое решение о Пэн Дэхуае не только не было пересмотрено, напротив, борьба против него развернулась на этом совещании с новой силой. Ему инкриминировалось создание под его руководством "антипартийной группировки", стремление "узурпировать власть в партии", соучастие в "диверсионной деятельности, осуществляемой в Китае некими иностранцами", проведение "буржуазной военной линии" в НОАК и многое другое.

Чтобы опровергнуть эти измышления Пэн Дэхуай написал Мао Цзэдуну огромное письмо, составившее целую книгу (80 тыс. иероглифов) - исчерпывающий отчет о своей деятельности, не оставляющий никаких сомнений в честности Пэн Дэхуая и его преданности делу партии и национальным интересам страны. Однако Мао Цзэдун остался глух к этому. "Пэн Дэхуая нельзя реабилитировать", - таков был ответ¹³. В сентябре 1962 г. Мао Цзэдун запретил участвовать Пэн Дэхуаю, Чжан Вэньтяню, Хуан Кэчэну и Чжоу Сяочжоу в работе X пленума ЦК КПК, так как они являются "главными объектами расследования". "И поскольку их преступления действительно огромны, - добавил Мао Цзэдун, - до завершения полного расследования они не имеют права присутствовать также на важных совещаниях, не должны подниматься на трибуну на площади Тяньаньмэнь во время парадов и демонстраций". Становилось все более очевидным, что на Пэн Дэхуая было уже сфабриковано дело как на одного из главных политических противников Мао Цзэдуна и одну из первых жертв замышляемой Мао "культурной революции". Пэн Дэхуай в своем заточении не терял даром времени. Он решил использовать его для чтения и учебы. "Дом его был как кабинет ученого. На столе, кровати, в шкафах, в ящиках - всюду лежали книги", - вспоминал его телохранитель. По данным Ян Шанкуня, который часто бывал у Пэн Дэхуая, последний прочел множество произведений Маркса, Ленина, книг по философии и политической экономии, по истории Китая. По просьбе маршала два преподавателя по философии и политической экономии Центральной партийной школы занимались с ним на дому. Часто к нему приезжал известный философ, директор партшколы Ян Сяньчжэнь, однако в июне 1965 г. его неожиданно сняли с поста, обвинив в "выступлении против идей Мао Цзэдуна", в создании "антисоциалистичес-

кой теории". Иногда Пэн Дэхуая навещали старые друзья - Чжу Дэ, Чэнь Юнь, Хэ Лун, Лю Бочэн.

В канун "культурной революции" Мао Цзэдун под видом мнимой реабилитации постарался убрать подальше из столицы опального маршала.

Однажды рано утром Мао Цзэдун сам позвонил Пэн Дэхуаю и предложил ему приехать. Маршал знал, что Мао Цзэдун имеет привычку работать ночью, поэтому ответил: "Вы работали всю ночь, отдохните, я найду другое время приехать"¹⁴. Однако Мао настаивал на том, чтобы опальный маршал быстрее приезжал. Встреча состоялась 23 сентября 1965 г. и продолжалась более пяти часов. "Ты - человек с упрямым характером,- промолвил Мао Цзэдун, увидев Пэна.- За несколько дней не написал и письма, но если ты берешься за перо, то сразу же сочинишь послание в 80 тыс. иероглифов... Сейчас необходимо создавать стратегический тыл, готовиться к войне... Выбор твоей кандидатуры для поездки в район юго-запада вполне оправдан. В будущем ты еще сможешь водить солдат в бой и восстановишь свое доброе имя". Далее он предложил Пэн Дэхуаю стать заместителем начальника главного штаба по оборонному строительству. В результате разговора опальный маршал согласился ехать в Чэнду.

28 ноября 1965 г. Пэн Дэхуай скорым поездом выехал на новое место службы. Он сразу же с головой окупнулся в новую для него работу. За первую половину 1966 г. маршал посетил более 20 уездных городов, 15 предприятий горнодобывающей промышленности, объездил обширные отдаленные районы, обследовал фабрики, рудники, электростанции. Казалось, жизнь нормализуется. Однако на Китай надвигались черные тучи "культурной революции".

В конце декабря 1966 г. ночью хунвэйбины из "специального боевого полка по поимке Пэн Дэхуая" (они ссылались на указания жены Мао Цзян Цин и Ци Бэньюя) ворвались в дом маршала, связали его и увезли. 27 декабря 1966 г. его поездом доставили в Пекин, где он был заключен в тюрьму. Начались надругательства и пытки. 1 января 1967 г. Пэн Дэхуай пишет последнее в своей жизни письмо Мао Цзэдуну, оставшееся без ответа: "Председатель! Вы приказали мне поехать в партком "третьей линии". Кроме назначения третьим заместителем начальника какой-либо иной работы мне не поручалось... 22 декабря вечером в Чэнду я был схвачен хунвэйбинами Пекинского авиационного института и доставлен в филиал их штаба в Чэнду. 23 числа передан хунвэйбинам организации "Дунфанхун" Пекинского геологического института. 27 декабря под конвоем доставлен в Пекин, сейчас нахожусь под стражей... С самым последним приветом к вам! Желаю вам долгих лет жизни!"¹⁵.

В апреле 1967 г. Пэн Дэхуая перевели в тюрьму НОАК на окраине столицы, где его продолжали подвергать допросам, пыткам и истязаниям.

Надругательствам, избиениям и оскорблениям подверглась и его жена Пу Аньсю, которая была арестована хунвэйбинами, а затем направлена в "исправительно-трудовой лагерь", где она находилась до 1975 г. По словам Пу Аньсю и племянницы Пэн Дэхуай во время "культурной революции" подвергался избиениям более ста раз, на одном из "собраний критики" ему сломали два ребра. В 1969 г. была сформирована "специальная группа по расследованию преступлений Пэн Дэхуая", которая неоднократно допрашивала его, пытаясь выбить угодные ей признания. 17 сентября 1970 г. она представила в ЦК итоговый доклад "О расследовании преступлений Пэн Дэхуая, антипартийного главаря, имеющего тайные связи с заграницей", где утверждалось, что он "непрерывно выступал против партии и председателя Мао, постоянно совершал преступления". В документе предлагалось "навсегда исключить Пэн Дэхуая из партии, лишить его гражданских прав и вынести приговор - по-

жизненное заключение". Под докладом стояла резолюция начальника Генштаба НОАК, члена политбюро ЦК Хуан Юншэна - "Согласен"¹⁶.

"Во время десятилетней смуты,- писала племянница маршала,- дядя подвергался жестокому преследованию. После того как ЦК КПК пересмотрел дело дяди, мне попался один материал, где было запротоколировано, что в ходе "расследования спецгруппы ЦК КПК" дядя оставался олицетворением честности... Однажды, когда его в очередной раз стали вынуждать к признанию, он возмущенно ударил кулаком по столу: "Не будет этого, хоть голову отрежьте! Я не желаю писать, я ничего не боюсь, я буду твердо стоять за правду!"¹⁷. Однако моральные и физические истязания подорвали здоровье Пэн Дэхуая. В 1973 г. у него было обнаружен рак и он был переведен в тюремный госпиталь. В 1974 г., несмотря на сделанную операцию, болезнь обострилась, раковая опухоль распространилась на легкие и грудь. Пэн Дэхуай испытывал страшную боль, однако ему отказывали в обезболивающих уколах. Ночью 29 ноября 1974 г. за два года до смерти Мао Цзэдуна и окончания "культурной революции" Пэн Дэхуай скончался на 76-м году жизни.

Как то Мао Цзэдун беседуя с опальным Пэн Дэхуаем, заявил: "Возможно, правда на твоей стороне, пусть история нас рассудит"¹⁸. И история поставила все на свои места. Как отмечал Ян Шанкунь "в современной революционной истории Китая тов. Пэн Дэхуай является выдающимся пролетарским военным и политическим деятелем, глубоко любимым народом, он является героем китайской нации".

1. Пэн Дэхуай. Мемуары маршала. М.,1988.С22
2. Новейшая история Китая 1928-1949. М.,1984. С.27
3. *Ли Цзюйсюй*. Тов. Пэн Дэхуай в период Пинцзянского восстания. // *Жэньминь жибао*. 1979. 16 января.
4. *Хуан Кэчэн*. Верность и преданность, пронесенная через всю жизнь. Вечная память отважному и негибаемому герою.- // *Хунци*. 1979. № 1
5. Там же.
6. *Отто Браун*. Китайские записки (1938-1939).М.,1974. С.83.
7. *Данши яньцзю*. 1981, № 2. С. 24
8. Рядом с главнокомандующим Пэном. Воспоминания охранника.1960-1966. Чэнду,1980. С. 58
9. *Ю Гуан*. Пэн Дэхуай. Цзинань, 1984. С. 179.
10. *Пэн Дэхуай*. Мемуары маршала. С.380
11. *Ли Жуй*. Правдивые записки Лушаньского совещания. Хунань, 1989.С. 226,293, - - 295,326.
12. Рядом с главнокомандующим Пэном. С.67
13. *Ма Ло, Пэй Пу, Ма Тайцюань*. Взлет и падение министра обороны. Пекин,1989.С.177
14. Рядом с главнокомандующим Пэном. С.92
15. "*Синь гуанча*".1982.№ 7. С.33
16. Там же. С. 36
17. *Жэньминь жибао*. 1984. 26 ноября .
18. *Пэн Дэхуай*. Мемуары маршала. С.382; *Синь гуанча*.1982. № 7. С.33

Демографическая характеристика советских корейцев Дальнего Востока 1920-1940 г.г.

© 1998

Пэ Ын Кён

Постановлением ВЦИК СССР от 4-го января 1926 года Дальневосточный край (ДВК) был разделен на 9 округов и 75 районов вместо деления на губернии, уезды и волости: Владивостокский (14 районов), Хабаровский (5 районов), Николаевский (7 районов), Амурский (11 районов), Зейский (4 районов), Сретенский (8 районов), Читинский (16 районов), Камчатский и Сахалинский округа.¹

Национальный состав ДВК являлся весьма разнообразным. В середине 30-х годов XX в. насчитывалось всего сорок две этнические единицы: 22 туземных народности, представители 11 европейских народностей, китайцы, корейцы и японцы – всего 36 национальностей; кроме того, было несколько видов (до шести) метисов.² Корейцы являлись значительной частью в составе населения края, чей хозяйственный, национальный и бытовой уклад резко отличался от прочего населения.

– За период с 1917 г. по 1922 г. гражданская война в Приморье уничтожила учет корейского населения, но надо полагать, что миграция корейцев за это время не прекращалась. Наиболее трудно было учесть иноподданных корейцев в тот период, так как эта группа, будучи расселенной по выселкам, сплошь неохваченным переписью, практически не поддавалась подсчетам³. В 1917 г. в ДВК численность корейцев составляла в 93.696 чел.⁴ или 10,7% от общего населения ДВК (875,200 чел.⁵), в том числе 81.825 чел. (87,3% от всех корейцев ДВК) жили в Приморской губернии⁶. Если по Земской переписи 1917 года в Приморской губернии значилось 9.308 корейских дворов, то в конце 1922 года их стало 18.809⁷ (134.412 чел.⁸).

Однако тогдашний уполномоченный по корейским делам отдела управления Приморского губисполкома Ким Ман Гем определил, что данные по земской переписи 1917 г. являлись неточными, так как корейские хозяйства трудно поддавались учету из-за их разбросанности по округам, не имевшим удобных путей сообщения⁹. В то время 73,8% от общего числа корейцев Приморской губернии были разбросаны по 10–20 дворов на крестьянских землях почти каждого русского селения¹⁰.

Дальневосточные корейцы в тот период были разделены на несколько групп: 1) старожилы, пользовавшиеся правами российских граждан и имевшие земельные наделы с 1894 года (переселившиеся в начале 60-х годов XIX в.); 2) старожилы, переселившиеся на русскую территорию в те же годы, но в

силу разных причин не состоявшие в российском гражданстве; 3) русские граждане, так называемые "приписные"; 4) эмигрировавшие с родины в период 1905 – 1918 гг.; 5) бывшие партизаны и красноармейцы и 6) переселенцы 1918 – 1922 гг.

После гражданской войны выделились два района корейского заселения в Приморской губернии: 1) с количеством корейского населения в среднем 63,4%, состоявшие из волостей: Посъетской, Барбашевской, Владимиро-Александровской, Киевской, Суйфунской и Покровской; 2) с количеством в среднем 25,8% в составе волостей: Шкотовской, Сучанской, Гродековской и Ивановской.¹¹

В 1923 г. в ДВК насчитывалось 110.280 корейских иммигрантов или 10,7% от общего населения ДВК (1.028.000 чел.¹²). В том числе, в Приморской губернии число корейцев составило 96,4% от всего корейского населения ДВК, в Амурской губернии – 3,0% и в Забайкальской – 0,5%. Т. е. большинство иммигрировавших корейцев кучно проживали в Приморской губернии, где находились относительно близко от границы с Кореей. Корейские переселенцы ДВК, как и украинские (свыше 95%¹³), устраивались преимущественно в сельских местностях (88,9%), потому что большая часть Дальневосточных корейцев занималась земледелием. В то время на 100 корейских мужчин приходилось около 87 корейнок (на 100 китайских мужчин — примерно 7–8 китайнок¹⁴), поэтому корейская иммиграция имела естественный прирост населения.

Интересно, что существуют различные статистические данные о численности корейского населения в Приморской губернии 1923 года, имеющие разницу приблизительно 20.000 человек. Причиной расхождения данных послужили не только отсутствие хорошо налаженного аппарата, долженствовавшего ведать статистическим делом в ДВК, но и постоянные передвижения корейцев, вызываемые целым рядом причин, главным образом экономического свойства.

Значение корейского сельского населения в сельскохозяйственной жизни губернии довольно ясно вырисовывается из имеющихся данных. Занятия, связанные с необходимостью проживания в сельских местностях (главным образом земледелие), падают почти целиком на корейцев (89,5% всех корейцев или 22,4% всего сельского населения) и на 97% от общего числа украинцев.¹⁵ Между тем городское корейское население составляло только 5,6% общего населения в городах губернии. Говоря о японских поселенцах того же времени, можно отметить, что 94,5% всех японцев кучно проживали в городской местности губернии¹⁶.

Кроме того, по официальной статистике губернского статбюро в мае 1924 года в Приморской губернии проживало 104.660 человек корейского населения¹⁷, но Хан Мен Се, который работал в корейском бюро при Восточном отделе Коминтерна¹⁸, в своем докладе говорил, что эти данные были далеко не полными, так как очень трудно было "учесть все корейское население, вкрапленное отдельными хуторками, посёлочками и одиночными хозяйствами по всем уголкам края". Поэтому он утверждал, что фактически в Приморской губернии корейского населения было не меньше 120–130 тысяч¹⁹.

В 1925 году корейское население Амурской губернии составило незначительный процент от общего числа населения и составляло 4.725 человек, из них 2.819 мужчин и 1.906 женщин. Однако по отношению ко всему населению Приморской губернии в 621.383 человека, корейцы составляли 17% или 106.193 чел., в том числе 11.072 чел. (5,4% всех корейцев Приморской губернии) жили в городах.²⁰

Число корейских хозяйств, иммигрировавших на российскую территорию в течение 1917–1929 годов, составило 71,5% от общего числа корейского населения, иммигрировавшего на территорию России до 1929 года (в подсчет не входило количество неизвестных хозяйств). В том числе в 1928–1929 г. корейские хозяйства, проживавшие в ДВК 1 год или менее года, составляли 38,7%. Интересно, что в эти же годы шло усиление деятельности пограничного отряда для запрещения притока корейской иммиграции на российскую территорию в связи с проведением переселения корейского населения в Хабаровский округ²¹. Но по реальным данным приток корейцев не уменьшался; пограничники фактически бездействовали.

Из данных за период с 1931 по 1936г. видно, что, если прирост общего населения ДВК за 6 лет — 76%, то прирост корейского населения — 11,2%. То есть, несмотря на постоянный прирост количества корейского населения, коэффициент численного состава корейского населения ДВК снизился на 3,2%. Этот результат естественен, так как за эти годы плановые переселенцы от общего количества переселенцев, в том числе в большинстве являвшиеся русскими, в среднем составляли 68,6%, а именно “самовольные” переселенцы — 31,4%²².

По переписи 1937 г. корейского населения Дальневосточного края насчитывалось 168.000 чел. на территории СССР, а в РСФСР — 167.220 чел.²³ После депортации корейского населения с территории Дальнего Востока общая численность советских корейцев в СССР в 1939 г. составляла 182.339 чел.²⁴, в Узбекской ССР проживало 72.944 чел., в Казахской ССР — 96.453 чел.²⁵

Сравнивая количество корейского населения 1936 г. с числом 1938 г., мы увидим, что 22.261 чел. исчез. Скорее всего, это связано с депортацией, или в связи с этой акцией многие корейцы сбежали из пределов ДВК и Советской России. Это подтверждает тот факт, что за предыдущие годы (1930–1936) средний ежегодный прирост корейского населения составлял 2,1%, а за 1937–1938 г.г. уменьшился на 10,8%.

Дальневосточная корейская иммиграция характеризуется, вероятно, как самовольной и неплановой. Много корейцев скопилось в приграничных районах, главным образом во Владивостокском округе. За период с 1917 по 1937 г. число корейцев ДВК возросло на 118,4%, а численность общего населения ДВК увеличилось на 332,4%. К концу 1930-х годов было запланировано переселить до 50% всего корейского населения в Хабаровский округ. Но поскольку этот план не был осуществлен, большинство корейского населения ДВК было переселено в Среднюю Азию в 1937 г.

Далее стоит отметить характер занятий корейцев в ДВК. Они тесно связаны с национальной традицией и экономическо-политической обстановкой в ДВК. В то время население поселков городского типа, принимая во внимание местные условия, мало чем отличалось от сельских местностей, и считалось сельским населением.

В начале 1920-х гг. основная масса корейского населения (около 80% от общего числа корейцев) занималась земледелием в качестве батраков или арендаторов в 3-х районах: Посъетском, Сучанском и Суйфунском Приморской губернии.²⁶

Интеллигенция составляла 5-7% и городская мелкая буржуазия (крупных капиталистов не было) - до 10%. Крестьяне, в свою очередь, подразделялись на кулаков - 5-6%, середняков - 25-30%, все остальные (65-70%) были бедняками (малоземельными, безземельными и батраками).²⁷

В первые годы после гражданской войны в Приморье было весьма немного рабочих -корейцев, большинство которых являлось бывшими партизанами. Что же касается городского корейского населения, то оно составляло 14000 чел. за исключением рабочих, занятых в табачном производстве и грузчиков на Эгершельде в количестве 900 человек., эти люди в основном занимались спекуляцией, контрабандой и мелкой торговлей. Рабочие трудились на лесных концессиях и северном районе Ольги и Николаевске-на-Амуре.²⁸ Всего корейских рабочих во Владивостоке насчитывалось до 900 чел, работавших на пищепроизводительных предприятиях и в порту на транспортных работах.²⁹

В 1925 г. в Амурской губернии квалифицированных корейских рабочих не было. Имелось около 300 батраков у старожилов и около 75 чернорабочих в городах (Благовещенск и Свободный)³⁰.

История русских корейцев не только длинна, но и насыщена различными событиями по сравнению с историей зарубежных корейцев. "Самовольные" переселенцы-корейцы Дальнего Востока за 20 лет (1917-1937) увеличили свою численность на 118,4%, занимая третье место в ДВК, и расположившись, главным образом, в Приморском регионе. В отличие от других восточных национальностей (китайцев и японцев) они в наибольшей степени расположены к ассимиляции и приспособляемости к местным условиям. Большая часть корейского населения (свыше 80%) по социальному составу была крестьянским. Они внесли свой вклад в развитие народного хозяйства России и других республик бывшего Советского Союза.

1. Там же. С. 121-140.
2. Болдырев Г.И. Дальневосточный край // Тихий океан. 1935. № 2(4). С. 159-160.
3. РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 25 об.
4. Корё Сарам. СПб., 1993. Вып. 6-7. С. 8.
5. Ярмош А. М. Движение населения ДВК на десятилетие 1926-36 года // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1927. № 1-2. С. 85.
6. Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока (По данным совещания секретарей губкомов и председателей губисполкомов 3-го созыва 1923 года). Чита, 1923. С. 65; Пак Б. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. С. 115; Бабичев И. Коммунисты-вдохновители и организаторы участия китайских и корейских трудящихся в борьбе против интервентов и белогвардейцев на Советском Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Автореферат дисс. На соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1960. С. 4.
7. Авангард. 20. 12. 1927.
8. Авангард. 26. 06. 1927.
9. Доклад Уполномоченного по корделам Отдела Управления Примгубисполкома (Ким Мангем) // РГИА ДВ. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 373. Л. 38.
10. Там же. Л. 38 об.
11. Положение корейцев в ДВО. 1925. // РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 191. Л. 173.
12. Ярмош А. М. Указ. соч., С. 85.
13. Салтыков Н. Н. Территория и население Приморской губернии. // Экономическая жизнь Приморья, Владивосток, 1924. № 6-7. С. 50.
14. Там же; Ярмош А. М. Указ. соч., С. 99.
15. Ярмош А. М. Указ. соч., С. 40.
16. Там же.
17. Доклад о положении корейского населения в Приморской губернии. 15 мая 1924 г. // РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 188. Л. 68.
18. Ким М. Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть советов на Дальнем Востоке (1918-1922). М., 1979. С. 71.
19. Доклад о положении корейского населения в Приморской губернии. 15 мая 1924 г. // РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 188. Л. 69

20. Дальне-восточная область. Революционный комитет. Владивосток. 1925. С.36.
21. Резолюция по вопросу расселения корейского населения Бюро Крайкома // РГИА ДВ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 942. Л. 43-45.
22. Ярмош А. М. Указ. соч., С. 97
23. Всесоюзная перепись населения 1937 // Краткие итоги. М., 1991. С. 84.
24. Всесоюзная перепись населения 1939 года // Основные итоги. М., 1992. С. 59-71.
25. Там же. С. 95-96.
26. Доклад о положении корейского населения в Приморской губернии. 15 мая 1924 г. // РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 188. Л. 69.
27. Доклад о положении корейского населения в Приморской губернии. 15 мая 1924 г. // РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 188. Л.69.
28. Отчетный доклад Корейской секции Приморского губкома РКП о своей деятельности от 1-го января 1923 г. по 1-е марта 1924 г. // РЦХИДНИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1095. Л. 114 об.
29. Там же. Л. 124 об.
30. Положение корейцев в ДВО. 1925. // РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 191. Л. 183.

Культура

Образ Китая в России (до 1917 года)

© 1998

А. Лукин

Хотя контакты между Россией и Китаем имеют длительную историю, однако образа Китая, игравшего заметную роль в дискуссиях относительно места и роли России в мире, сформировался у нас не сразу. Лишь приблизительно с середины XIX века образ Китая занял важное место в русской общественно-политической мысли и продолжал играть значительную роль до самого краха Российской империи. Споры о Китае велись в самых различных кругах: среди мыслителей, публицистов, специалистов-востоковедов и практических политиков. Без обращения к этим спорам невозможно понимание такой "вечной" темы российской общественной мысли, как место России в противостоянии западного и восточного миров, российское будущее как части "Запада" или "Востока".

Изучение позиций и мыслей, высказывавшихся в этих спорах представляет особый интерес сегодня, когда многие старые представления возрождаются и приобретают новую окраску в современных российских дискуссиях о Китае. Однако они довольно слабо исследованы в нашей научной литературе. Несколько статей, разделов монографий и научных докладов рассматривают представления о Китае отдельных русских писателей, мыслителей, политиков. Здесь можно выделить работы М.П.Алексеева, Д.И.Белкина, Б.Бородина, А.И.Шифмана, В.В.Сербиненко и некоторых других авторов. В монографии П.Е. Скачкова "Очерки истории русского китаеведения" рассматриваются взгляды о Китае некоторых известных китаеведов XIX века. Из иностранных исследователей об отношении к Китаю Н.М.Пржевальского и Э.Э.Ухтомского писал канадский историк Д.Скиммельпеннинк ван дер Ойе. Однако обобщающего исследования, которое сравнивало бы образ Китая у представителей различных идейных направлений российской мысли до 1917 г. и показывающего его использование в более широких теоретических построениях, пока еще не написано. Данная работа представляет предварительную попытку такого исследования.

Лукин Александр Владимирович, доктор политологии, научный сотрудник Института гуманитарно-политических исследований (Москва) и Центра науки и международных отношений Гарвардского университета (США).

Автор благодарен к.и.н. Е.Б.Поршневой за ценные замечания, высказанные по данной работе.

Влияние теорий просветителей на формирование образа Востока в России

Отдельные сведения о Китае существовали на Руси еще со времен татарского нашествия, а подробные описания Китая появляются в XVII в. Уже с этого времени Китай играет определенную роль в российской внешнеполитической стратегии и торговле. Однако первые описания обычно были неоригинальными и чисто практическими. До того времени, когда в XVIII в. в России начала развиваться теория просвещенного абсолютизма, образ Китая не превратился в символ для русской культуры, поэтому более ранние труды об этой стране не рассматриваются в данной работе.

В XVIII в. Китай рассматривался в России в рамках геополитических представлений, развивавшихся европейскими, прежде всего французскими просветителями, труды которых в тот период составляли основу российского образования. К XVII-XVIII векам в образованных кругах европейских стран, в первую очередь в Англии и Франции, возникло, хотя и основанное на некоторых более ранних античных и христианских идеях, но в целом совершенно новое понимание Европы (или Запада). Европа виделась цивилизацией, динамично и поступательно развивающейся по пути экономического и социального прогресса и обеспечения все большей свободы.¹ Европейский путь считался единственно нормальным и естественным. Этому миру противопоставлялся Восток, т.е. страны, находящиеся к Востоку от христианской Европы, новые данные о которых стали доступны в эпоху географических открытий и колониальных захватов. Восток, в том числе и Китай, по разному оценивался различными авторами-просветителями, но в любом случае подход был инструментальным: другие страны интересовали большинство авторов не сами по себе, а как пример (положительный или отрицательный) для европейских правителей. Спор между европейскими «китаефилами» и «китаефобами» был значительным явлением интеллектуальной жизни Европы XVIII в.²

Образ Китая в России в XVIII веке

Несмотря на частые дипломатические контакты с Китаем, представления о внутреннем устройстве этой страны в XVIII в. были еще довольно неопределенными. Новая информация поступала от российских купцов, ведших выгодную торговлю с Китаем еще с начала XVII в., от участников официальных российских посольств, от членов основанной в 1715 г. Русской духовной миссии в Пекине и направлявшихся туда для обучения языкам учеников. Много данных, хотя и не всегда точных, содержалось в публикуемых переводах западных описаний Китая. Из Франции в Россию пришла мода на китайскую архитектуру и китайские вещи, которые в изобилии привозили русские торговые караваны. Во второй половине XVIII в. были построены «Китайский дворец» в Ораниенбауме, «Китайский театр» в Царском Селе и несколько других зданий в китайском стиле. Многие аристократы собирали коллекции китайских картин, фарфора, ковров, шелка, вееров, которые стали свидетельством тонкого вкуса их обладателей. Упомянулся Китай и в некоторых литературных произведениях, однако его образ был условно-фантастическим, далекая восточная страна воспринималась «как игрушечное царство наслаждений и праздности, как страна нелепых затей и забавного искусства, страна беспечной жизни «низшей расы»».³

В XVIII в. российские правители и их сторонники, как и французские просветители, искали в Китае свидетельств эффективности просвещенного абсолютизма. На такие поиски правительство выделяло значительные средст-

ва. Так, в 1757 г. Сенат поручил бывшим ученикам Русской духовной миссии в Пекине Иллариону Рассохину и Алексею Леонтьеву перевести историю Цинской династии, прославлявшую мудрость и ученость правителей, которая была затем опубликована в 16-ти томах.⁴ По распоряжению Екатерины II было переведено цинское Уголовное уложение, которое понравилось императрице как документ, утверждающий преимущества монархии и привилегии знати.⁵ В то же время, некоторые китайские материалы уже тогда использовались для скрытой критики российских порядков. Так, два перевода Леонтьева, ставшего известным ученым и участвовавшим в составлении Екатерининского "Наказа", были напечатаны в журналах Н.И.Новикова. Один из них, опубликованный в "Трутне" в 1770 г., содержащий совет китайского философа императору, явно предназначался для того, чтобы показать императрице пример истинно просвещенного правителя. Сатирический элемент сравнения с реальным российским монархом виден из примечания Новикова, утверждавшего, что "когда бы китайский философ ныне жил, то бы не написал сего совета своему государю, а советовал ему в храм вечности идти по стопам Великой Екатерины".⁶ Другой перевод, опубликованный в том же году в "Пустомеле", представлял собой завещание императора Юн Чжена, в котором он говорил о передаче престола своему сыну. В этом просматривался намек на то, что Екатерина должна отречься в пользу сына Павла, которому в 1770 г. исполнилось 16 лет. Кроме того, в том же номере Новиков публикует "Послание к слугам моим" Д.И. Фонвизина. Нарисованная автором неприглядная картина русской действительности создавала яркий контраст с положением в идеализированной просвещенной монархии — Китае. Некоторые исследователи высказывали мнение, что эти публикации стали одной из причин закрытия журнала.⁷

Рост интереса к Китаю в XIX веке

В целом в первой половине XIX в., в российском обществе окончательно утвердилось представление о Китае, как застойном, остановившемся в своем развитии обществе. Термины "китайщина", "китайские порядки" и т.п. стали синонимами застоя, неэффективного управления, коррупции и даже самодовольства и бахвальства властей. Основой для этих представлений послужили не столько реальная информация о Китае, сколько западное восприятие Китая и китайских поражений в столкновениях с европейскими державами. Тем не менее интерес к реальному Китаю в XIX в. значительно вырос. Это объяснялось более широким распространением сведений об этой стране, благодаря участвующим контактам с китайцами и китайским государством.

Важнейшим источником сведений о Китае для российского общества того периода был первый профессиональный русский исследователь Китая отец Иакинф (Н.Я.Бичурин). В 1807 г. Бичурин был назначен начальником Русской духовной миссии и оставался в Китае до 1820 г. Вернувшись в Россию, он всю оставшуюся жизнь издавал переводы китайских источников и писал книги и статьи на их основе. Благодаря своей основательности и широким использованием первоисточников, работы Бичурина привлекли к себе значительный общественный интерес. Статьи Бичурина и рецензии на них печатались во многих журналах, с исследователем встречались и получали от него сведения о Китае такие известные культурные и общественные деятели, как А.С.Пушкин, И.А.Крылов, В.Г.Белинский, А.И.Герцен, И.И.Панаев, В.Ф.Одоевский, О.И.Сенковский, О.М.Сомов, Н.А.Полевой, И.А.Гончаров, П.А.Плетнев, П.А.Вяземский, С.М.Шевырев, М.П.Погодин, Г.И.Спасский, А.А.Краевский и

другие. Многие из них испытывали большой интерес к Китаю и его культуре, что отразилось в их произведениях.

Пушкин, например, напечатал некоторые из них в альманахе "Северные цветы за 1832 год". В редакционном предисловии к опубликованному в альманахе очерку Бичурина "Байкал", в котором рассказывалось о научных заслугах русского китаевода, говорилось, что своими трудами о Китае и Монголии, а также переводами с "китайского языка разных творений" Н.Я. Бичурин обратил на себя "внимание просвещенной Европы".⁸ В том же альманахе был опубликован перевод отрывка из китайского романа "Хао Цю Чжуань" ("Беспримерный брак"), ранее получивший распространение в Европе. Выбор отрывка, в котором говорилось о всевластии чиновников и безнаказанности представителя знатного рода, позволяет сделать вывод, что редакция стремилась не просто ознакомить читателей с "любопытным изображением китайских нравов", но вызвать у них ассоциации с Россией. Многие издания того времени, в частности, издаваемая А.С.Пушкиным и А.А.Дельвигом "Литературная газета", печатали рецензии на труды и переводы Бичурина. Интерес Пушкина к Китаю был настолько велик, что в 1830 г. он обратился к властям с просьбой разрешить посетить эту страну с отправляющимся туда посольством. Однако Николай I отказал поэту под тем предлогом, что состав посольства был уже утвержден.⁹

В.Г.Белинский в своих обзорах литературных журналов также многократно упоминает работы Бичурина и рецензии на них, а также едко критикует получившие в то время распространение произведения "в китайском стиле".¹⁰ Известный критик написал также рецензию на один из основных трудов Бичурина "Китай в гражданском и нравственном состоянии". Как критик самодержавия, Белинский не одобрил основного духа работы Бичурина, стремившегося, подобно европейским "китаефилам", показать, что Китай является просвещенным и гуманным государством, с законодательством, не уступающим европейским. Белинскому, знакомого с работами западных просветителей, гораздо более соответствовала позиция "китаефобов". Поэтому он советуем читателю искать сведения о взяточничестве в судах Китая "не в книгах почтенного отца Иакинфа", а в небольших статьях, печатавшихся в "Отечественных записках" в 1841-1843 годах под заглавием "Поездка в Китай" под псевдонимом Дэ Мин, где Китай показан более критически. Автор этих статей неизвестен, но из текста видно, что он был русским, провел шесть лет в Китае и знал китайский язык. По мнению Белинского, "почтенный отец Иакинф показывает нам более Китай официальный в мундире и с церемониями; Дэ Мин показывает нам более Китай в его частной жизни, Китай у себя дома, в халате нараспашку." Критик считал, что Бичурин идеализирует Китай и допустил в книге ряд "умолчаний и смягчений в пользу нежно любимых им китайцев". В то же время он отдавал должное тому, что в книге Бичурин привел значительное количество фактов, так как они "говорят сами за себя и истина так и бросается в глаза".¹¹ Анализ употребления терминов "китаизм" и "китайщина" позволяет сделать вывод, о том, что Белинский, следуя традиции европейских "китаефобов", использовал их как метафоры для выражения своего отрицательного отношения к российской действительности.¹²

Значительный интерес представляет использование образа Китая А.И. Герценом. Герцен, безусловно, был знаком со многими российскими и европейскими работами о Востоке. Не занимаясь Китаем специально, он использует его как символ для обоснования своей идеи о том, что буржуазная Европа дошла до предела своего развития и погрузилась в "китайский" покой. Опре-

деленным стимулом для такого взгляда послужило прочтение Герценом книги Дж.Ст.Милля "О свободе". Отсюда и его трактовка Китая как символа застойного общества, где история и развитие остановились. Впервые этот образ появляется у Герцена в его размышлениях о книге Милля, вошедшей в шестую часть "Былого и Дум".¹³ Герцен соглашается с мнением Милля о том, что Европа идет к господству коллективной посредственности (collective mediocrity), которая "ненавидит все резкое, самобытное, выступающее; она проводит над всем общий уровень."¹⁴ Причину этого Герцен видит в действии некоего объективного закона, распространяющегося как на животный мир, так и на человеческое общество. Согласно этому закону более могучие и оригинальные формы жизни постепенно эволюционируют к наиболее усредненным, устойчивым и приспособленным к среде видам. По мысли Герцена, "если какой-нибудь народ дойдет до этого состояния ответственности внешнего общественного устройства с своими потребностями, то ему нет никакой внутренней необходимости до перемены потребностей идти вперед, воевать, бунтовать, производить эксцентричные личности."¹⁵ Китай Герцен считал примером именно такого общественного устройства.

Таким образом, Герцен, в традиции европейских "китаефобов", рассматривает Китай (как и другие страны Востока) в качестве общества окончательной застойной устойчивости, остановившейся в своем развитии и основанной на господстве посредственности. К такому же состоянию, по его мнению, идут страны Европы, постепенно превращающиеся в "современные мещанские государства", где само правительство "служит органом господствующей Среды и понимает ее инстинкт."¹⁶ Герцен соглашается с Миллем, что если эта тенденция продолжится, то Европа "сделается Китаем".¹⁷ Будущее Европы, согласно Герцену, зависит от силы и способности угнетенного народа к сопротивлению буржуазному мещанству: "Если народ сломится, новый Китай и новая Персия неминуемы. Но если народ сломит, неминуем социальный переворот".¹⁸

Герцен развивает китайскую тему в работе "Концы и начала" (1862-1863). В этой работе он четко формулирует идею о возможной будущей исключительной роли России, которая может вывести Европу из "китайского" состояния. Здесь Герцен, ранее высказывавший западнические идеи, выступил против европейского пути для России. Он утверждает, что европеизация России повлекла бы за собой ее "китаизацию", то есть превращение в застойное мещанское государство. В то же время, Россия могла бы способствовать возрождению Европы. Герцен сравнивает Россию, как поверхностно европеизированную периферию западного мира с племенами варваров римской эпохи. Варвары, несмотря на свою некультурность, над которой смеялись цивилизованные римляне, оказались более жизнеспособными и сложились в новые, сильные государственные организмы, в то время как Рим, где в последний период победила посредственность и толпа, обессилел и пал.¹⁹ Если Европа сама не избавится от "китайского маразма"²⁰, ее может постигнуть судьбы Рима, а роль новых варваров сыграет Россия, ибо в ней, несмотря на ее некультурность и гнет самодержавия, время от времени рождаются "богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног", как, например, декабристы.²¹

Китай в теориях и практических предложениях западников- "китаефобов"

Если на протяжении XVIII в. идея европейской принадлежности России оставалась официальной, то в XIX столетии как в официальных, так и в

независимых кругах широкое распространение получили идеи особого российского пути. В спорах между сторонниками и противниками прозападной ориентации образ Китая впервые в русской общественной мысли стал играть значительную роль.

Уже первый русский философ-западник XIX в., П.Я. Чаадаев, сформулировал фундаментальную западническую позицию относительно Китая и Востока вообще. Он не только воспринял распространенные в тот период стереотипы о застойности и бесплодности китайской цивилизации, но и пытался объяснить их отсутствием там христианства. В шестом философическом письме он отмечает, что "отличительные черты нового общества следует искать в большой семье христианских народов; именно здесь находится элемент устойчивости и истинного прогресса, отличающий его от всякой другой социальной системы мира..."²² Сохранившиеся от древнего мира общества Китая и Индии в этом отношении представляют отрицательный пример. Эти общества, которые, возможно, и обладали определенной жизненностью в прошлом, утратили свою самобытность, "прежний жизненный принцип был отброшен к конечностям социального тела" и над ними был произнесен "смертный приговор". В связи с этим Чаадаев убежден, что "эти страны потом были предназначены для великого поучения, которым мы должны воспользоваться. Присматриваясь к ним теперь, мы до некоторой степени становимся современниками того мира, от которого кругом нас сохранился один лишь прах; таким образом, мы можем там наблюдать, во что бы обратился род людской без нового импульса, данного ему всемогущей рукой. И заметьте, что Китай, по видимому, с незапамятных времен обладал тремя великими орудиями, которые, как говорят, наиболее ускорили среди нас движение вперед человеческого ума: компасом, печатным станком и порохом. И что же? На что они ему послужили? Объехали ли китайцы кругом земного шара? Открыли ли они новое полушарие? Есть ли у них литература, более обширная, чем та, которой мы обладали ранее изобретения книгопечатания? В злосчастном искусстве войны были ли у них Фридрихи и Бонапарты, как у нас?"²³ Импульс, о котором говорит Чаадаев, он видел в христианстве, прежде всего западном христианстве, от которого отошла Россия.

Идеи Чаадаева о Китае и роли католичества в прогрессе Запада развил крупнейший религиозный философ В.С. Соловьев. Китай с его своеобразной культурой совершенно не вписывался в историческую концепцию Соловьева, считавшего центром исторического прогресса западно-христианскую цивилизацию и искавшего решения проблем России в воссоединении православия с католичеством. В вышедшей в 1890 г. книге "Китай и Европа" Соловьев противопоставляет Китай, вся культура которого выросла из "абсолютизма отеческой власти", прогрессу мировой цивилизации, основанной на христианстве и западном принципе "самодетельности" человека. Для мирового прогресса китайская культура не нужна, она "при всей своей прочности и материальной полноте, оказалась духовно бесплодной и для прочего человечества бесполезной. Она хороша для самих китайцев, но не дала миру ни одной великой идеи и ни одного векового и безусловно-ценного творения ни в какой области".²⁴ Соловьев признает лишь одно достижение китайской цивилизации: жесткий социальный порядок, но именно в нем он и видит опасность. Соловьев с неодобрением отмечает "китаизацию" Европы, то есть усиление популярности тех принципов, которые он связывает с китайской культурой: призывы "любить только свое, дорожить только своим", чем "уже отрицается идеал вселенского христианства как праздная утопия", а также "китайские" материализм и культ физической силы, отрицающие христианские идеи

справедливости и универсальной любви. Такая китаизация, отнимает “у нас внутреннюю силу в предстоящем столкновении двух культурных миров — Европы и Китая”.²⁵ В этом противостоянии Европа выстоит лишь в том случае, если будет верна христианским идеалам и сможет избежать разрушающего воздействия прогресса, соединив прогресс с порядком.²⁶

К концу жизни Соловьев все более и более пессимистически относится к способности Европы, и особенно России, сопротивляться напору Востока и сохранять христианские заветы любви. Возможность падения России сменяется предсказаниями и поэтическими картинами этого падения. В знаменитом стихотворении “Панмонголизм” Соловьев нарисовал апокалипсическую картину гибели России под натиском восточных варваров:

От вод малайских до Алтая
 Вожди с восточных островов
 У стен восставшего Китая
 Собрали тьмы своих полков.
 Как саранча неисчислимы
 И ненасытны, как она,
 Нездешней силою хранимы,
 Идут на север племена
 О Русь, забудь былую славу —
 Орел Двуглавый сокрушен,
 И желтым детям на забаву
 Даны клочки твоих знамен.
 Смирится в трепете и страхе,
 Кто мог завет любви забыть,
 И третий Рим лежит во прахе,
 А уж четвертому не быть.²⁷

В “Панмонголизме” Соловьев видит гибель России как части европейской цивилизации, отошедшей от своих истинных христианских основ. Так же пал под напором восточных племен и “второй Рим” (Византия), когда “отреклись от Мессии// Народ и князь, иерей и царь”. Под воздействием хода времени и развития политических событий Соловьев, не отказываясь от общей идеи завоевания восточными варварами Запада, меняет свое мнение относительно роли Китая. В “Китае и Европе” он считает Японию полностью перешедшей на сторону Запада. Позднее, очевидно, под впечатлением роста японских амбиций и, особенно, победы Японии в японско-китайской войне, Соловьев говорит уже о совместном японо-китайском нападении на Запад, в котором основную роль будет играть Япония, а Китай подчинится ее воле. Свидетельство этой перемены — смена в новой редакции “Панмонголизма” определения “восставший” Китай на “поникший”.²⁸

В вышедшей в 1900 году книге “Три разговора” новая трактовка излагается развернуто. В “Краткой повести об Антихристе”, заключающей “Три разговора” и описывающей события будущего, говорится о том, что “подражательные японцы”, “узнав из газет и исторических учебников о существовании на Западе панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма”, “провозгласили великую идею панмонголизма, т.е. собрание воедино, под своим главенством, всех народов восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, т.е. европейцев.” “Воспользовавшись тем, что Европа была занята решительной борьбой с мусульманским миром в начале двадцатого века”, Япония захватила Корею, а затем и Китай. Китайцы смирились с японским господством, так как были убеждены доводами японцев,

что под японским руководством борьба с “западными собаками” будет более эффективной. В результате японского завоевания на смену маньчжурской династии в Китае пришла японская. Китайско-японская империя создала огромную армию, руководимую японскими инструкторами, которая постепенно завоевывает Россию и весь мир. Лишь через полвека “новое монгольское иго” уничтожается восстанием, подготовленным тайным всеевропейским заговором.

Конечно, идеи противостояния Востока и Запада не были новыми в русской мысли. Истоки других идей Соловьева также можно найти в более ранних произведениях. Например, Ф.М. Достоевский, оказавший на Соловьева значительное влияние, в последнем сне Раскольникова предсказывал, что фатальная мировая болезнь придет из Азии. Однако представления В.Соловьева о китайской культуре послужили основой для возникновения развернутой теории завоевания Европы новыми азиатскими варварами, долгое время игравшей значительную роль в культуре, философии и политической мысли России. Идеи “Панмонголизма” и “Трех разговоров” заложили основу целого направления в русской мысли и литературе. Их развивали многие русские поэты и писатели: В.Брюсов, Вяч. Иванов, А.Блок, М. Волошин и другие, причем по мере приближения революции, и, особенно, после нее, новыми варварами, гуннами и скифами все чаще изображались уже сами русские.

Д.С.Мережковский, впрочем, прямо продолжал китайскую тему Соловьева. В статьях, где Мережковский касается Китая, идеи Соловьева сплетаются с сильным влиянием Герцена. Одну из них, озаглавленную “Грядущий хам”, Мережковский прямо начинает с цитирования тех отрывков из Герцена, в которых говорится о превращении Европы в новый, мещанский Китай. Соглашаясь с Герценом и Дж.Ст.Миллем, Мережковский, однако отмечает, что оба они “не видели последней причины духовного мещанства”.²⁹ Если Герцен считает этой причиной господство привычек и нравов среднего класса, то Мережковский указывает на духовную основу “мещанства” — господство позитивизма, который составляет “последний предел всей европейской культуры”. Мережковский считает, что позитивизм, выросший на Западе из научного и философского сознания в бессознательную религию, “в этом широком смысле, есть утверждение мира, открытого чувственному опыту, как единственно-реального, и отрицание мира сверхчувственного” то есть той “середины, посредственности, той абсолютной, совершенно плотной как Китайская стена, “сплоченной посредственности, conglomerated mediocrity, того абсолютного мещанства, о которых говорят Милль и Герцен, сами не разумея последней метафизической глубины того, что говорят.”³⁰

Мережковский, как и Герцен, считает Китай царством такой посредственности, однако оценивает его культуру скорее в духе Соловьева, не предполагая даже, как это делал Герцен, что в прошлом китайская цивилизация какое-то время развивалась. С его точки зрения, “духовная основа Китая, учение Лао-Дзы и Конфуция — совершенный позитивизм, религия без бога... Никаких тайн, никаких углублений и порываний к “мирам иным”. Все просто, все плоско. Несокрушимый здравый смысл, несокрушимая положительность. Есть то, что есть, и ничего больше нет, ничего больше не надо”.³¹ В статье “Желтолицые позитивисты”, специально посвященной китайской культуре, Мережковский подобным же образом обходится и с китайской литературой, основная черта которой, по его мнению — ее дидактический характер. По мнению Мережковского, китайцы “смотрят на литературу, как на могущественный рычаг для подъема нравственного уровня в жизни народной”, поэтому “у литературы, у поэзии китайцев нет никакой цели, кроме *практической*.” В этом смысле, замечает Мережковский, “китайщина”, это то, что русские на-

зывают "писаревщиной", которая, если бы развилась в России, "свидетельствовала бы о такой же эстетической смерти целого народа, о такой же духовной неподвижности и онемении, какие поразили Китай."³²

Пример китайского царства позитивизма, по мнению Мережковского, предупреждает Европу о грозящей опасности. Европа постепенно идет по китайскому пути, ее захватывает позитивизм, то есть утилитарный материализм. "Китайцы — совершенные желтолицые позитивисты; европейцы — пока еще несовершенные белолицые китайцы... Вот где главная "желтая опасность" — не извне, а внутри; не в том, что Китай идет в Европу, а в том, что Европа идет в Китай. Лица у нас еще белые; но под белою кожей уже течет не прежняя густая, алая, арийская, а все более жидкая, "желтая" кровь, похожая на монгольскую сукровицу; разрез наших глаз прямой, но взор начинает косить, суживаться. И прямой белый свет европейского дня становится косым "желтым" светом китайского заходящего или японского восходящего солнца."³³

В результате такой китаизации Европы, утерявшей религиозную глубину, остается лишь ждать поражения в столкновении с Китаем. До сих пор Китаю недоставало технической стороны положительного знания, однако пример Японии говорит о том, что овладение техническими и военными достижениями Запада — лишь вопрос времени. Оказалось, что у утерявшей истинную христианскую веру Европы и не было ничего, "чем она могла бы показать свое культурное превосходство над варварами". Выход Мережковский видит в возрождении веры: "Япония победила Россию. Китай победит Европу, если только в ней самой не совершится великий духовный переворот, который опрокинет вверх дном последние метафизические основы ее культуры, и позволит противопоставить пушкам позитивного Востока не одни пушки позитивного Запада, а кое-что более реальное и истинное."³⁴ Таким образом, Мережковский, формально основывая свои аргументы на мыслях Герцена, приходит к совершенно другому выводу. Мещанство должен победить вовсе не социальный переворот. Власть "народа" или "четвертого сословия" приведет к тому же мещанству, так как в своей основе они несут тот же самый позитивизм. Лишь духовно-религиозное возрождение может изменить ситуацию.

Если представления В.Соловьева и Д. Мережковского о Китае были чисто теоретико-умозрительными, то мнения знаменитого путешественника и исследователя Азии Н.М.Пржевальского — весьма конкретны и основаны на личных впечатлениях. Соловьев и Мережковский видели основу преимуществ европейской цивилизации над азиатскими в более высоких христианских ценностях и опасались торжества стойких и воинственных азиатских начал в Европе. Пржевальский, в большей степени следуя просветительской традиции, убежден в решающих преимуществах европейской цивилизации и в ее способности противостоять застою Востоку. Призывая к насильственной "цивилизации" Востока, Пржевальский отстаивал политику расширения России за счет Азии, став певцом и теоретиком российского экспансионизма.

Идеи Пржевальского, однако, далеки от простой пропаганды роста российской империи в ущерб другим народам. Они были вполне созвучны распространенным в то время в европейских колониальных державах теориям европейской культурной миссии, согласно которым власть европейцев над отсталыми народами приобщала эти народы к высшим ценностям и освобождала от векового прозябания в рабстве и отсталости. Русский путешественник искренне считал, что "наше правление в Китае принесет сюда лучшую жизнь".³⁵ Выражаясь по-военному прямо, он писал: "Штуцерная пуля и на-

резная пушка приносят здесь те начатки цивилизации, которые иным путем, вероятно, еще долго не попали бы в окаменевший строй среднеазиатских ханств”.³⁶

Наиболее четко свои взгляды на Китай и на Азию вообще Пржевальский сформулировал в “Очерке современного положения в Центральной Азии”, написанном в 1886 году и позднее вошедшим в качестве последней главы в его книгу “От Кяхты на истоки Желтой реки”. На представления русского путешественника об Азии лежит явная печать давней европейской традиции противопоставления застойного и рабского Востока свободной и развивающейся Европе. Пржевальский так, например, описывал особенности азиатского характера:

На всей духовной стороне человеческой природы здесь лежит одинаковая печать вялости, нравственной распущенности и косности. Исключительные условия исторической жизни, в которой вековое рабство являлось главным стимулом общественного строя, выработали у азиатцев в большинстве случаев отвратительное лицемерие и крайний эгоизм. Не менее выдающимися чертами характера служат также лень и апатия... Вообще, азиатец в своем житейском идеале стремится достигнуть невозможного — соединить благоденствие с отсутствием энергичного труда... Из той же ленности и пассивности характера вытекает отсутствие стремления к прогрессу и крайний консерватизм всех вообще азиатцев. В глазах их свобода не имеет ровно никакой цены. Известно, что в Китае даже нет слова для выражения понятия “гражданская свобода”. Замечательно, что и народные вспышки в Азии проявляются обыкновенно лишь против отдельных личностей, так или иначе навлекших на себя негодование массы, но не против самого принципа деспотизма.³⁷

Такой Восток, из-за характерных особенностей исторического развития и господствующих здесь ценностей, с точки зрения Пржевальского, не способен к прогрессу “в смысле восприятия и усвоения европейской цивилизации”³⁸. Китай рассматривается Пржевальским как часть застойного Востока. Хотя в Китае “на лучшей сравнительно почве китайского здравомыслия, еще в глубине веков появились некоторые зачатки науки, но не обновляемые иноземными сношениями и, как результатом их, приливом новых знаний и опыта — остановились на полпути своего развития, или чаще остались в зародыше и улеглись в мертвые, раз зауроченные формы”.³⁹ С точки зрения Пржевальского, активное проникновение европейских технических достижений в Китай, осуществляемое во второй половине XIX века, вряд ли приведет к европеизации Китая. По его мнению Китай, “многовековая замкнутость которого ныне так бесцеремонно нарушена европейцами, едва ли легко поддастся нововведениям, чуждым для него по своему духу и по своей почве. Правда, в Китае теперь вводятся европейские усовершенствования в области военной техники и военного устройства вообще, но ведь это касается лишь изменения одной стороны государственной жизни, вызванного притом настоятельной необходимостью самозащиты. Для пересадки же сюда других отраслей европейской культуры и цивилизации нужна будет такая всеобщая ломка, которую едва ли выдержать отжившему свое китайскому народу”.⁴⁰ Пржевальский убежден: “Прогресс везде с трудом прокладывает себе путь, а в Китае ему, всего вероятнее, и вовсе не протолкаться. Народная жизнь здесь слишком прочно и исключительно сложилась в течение сорока веков. Выхолненные ростки европейской цивилизации не примутся как следует на столь закорюзлой почве”, — заключает Пржевальский.⁴¹ Кроме того, развитие современной промышленности разрушит крепкую семью и традиционные промыслы, вызовет

массовую безработицу и создаст многомиллионный пролетариат, который, из-за большой перенаселенности будет еще опаснее европейского. Незанятое в производстве население вынуждено будет искать спасение в эмиграции.⁴²

Да собственно и создаваемую с помощью иностранных инструкторов китайскую армию Пржевальский оценивал весьма невысоко. Причину ее слабости он видит в том, что "исключительное развитие технической стороны военного дела еще не обуславливает прогресса боевых качеств самого солдата", так как корень победы таится "в прирожденной храбрости воина, его выносливости и дисциплине", а способность бороться с врагом определяется всем духом армии. Состояние китайской армии, по мнению Пржевальского, непосредственно связано с состоянием всего китайского общества и китайскими национальными чертами. По наблюдениям Пржевальского, в ней царит "полнейшее безобразия".⁴³

В Китае русский путешественник не нашел ничего, что он мог бы хоть сколько-нибудь одобрить. Китайская столица произвела на него "крайне неприятное впечатление" города, "в котором помойные ямы и толпы голых нищих составляют необходимую принадлежность самых лучших улиц". Китайские яства, которые подавались в гостиницах, показались ему отвратительными, причем китайцы, по его замечанию, "не брезгают никакой гадостью, и некоторые из них едят даже собак". Сами китайцы для Пржевальского полны "лживости и притворства", среди них до крайних пределов распространено "мошеничество и плутовство". Китай и его цивилизация находится в состоянии застоя и загнивания и только полное неведение европейцев может приписывать ему и другим азиатским странам какую бы то ни было долю славы и могущества.⁴⁴

По мнению Пржевальского, наиболее реальной перспективой для Китая, неспособного ни воспринять европейскую цивилизацию во всем ее объеме, ни вновь полностью отгородиться от нее, будет политика лавирования между европейскими державами. Такая политика, которую Пржевальский сравнивает с турецкой, в конечном счете приведет к тому, что Китай "в будущем изобразит для Европы нового "больного человека".⁴⁵

Исходя из такой оценки перспектив развития Китая, Пржевальский предлагал целую программу наступательной политики. Он резко критиковал курс России, которая, по его мнению, выступала за сохранение целостности Китая. Он называл этот курс "двухсотлетним заискиванием" и предлагал России вместе с другими европейскими странами активно проникать в Китай, не боясь численности китайской армии, так как "один волк заставляет бежать тысячное стадо баранов, и таким волком явится каждый европейский солдат относительно китайского воинства".⁴⁶ Пржевальский считал, что национальные меньшинства Китая горячо желают быть принятыми в состав Российской империи. Он призывал пойти им навстречу, так как это приобщит их к цивилизации и спасет от китайского гнета.

В отношении собственно Китая, по убеждению Пржевальского, политика должна строиться не на основе договоров, как в отношении цивилизованных европейских государств, но с позиции силы. Он ссылается на мнение видного русского специалиста по международному праву профессора Ф.Ф.Мартенса, который, согласно Пржевальскому, утверждал, что "международное право не может быть приложимо к сношениям с полудикими народами", так как им нужна "видимая сила, которую только признают и уважают."⁴⁷ Поэтому, утверждает Пржевальский, силовая политика является единственно разумной в отношении Китая, который "осязательно чувствуя силу морских держав", "поджимает пред ними хвост и, наоборот, видя нашу

уступчивость, ощетиливается в эту сторону".⁴⁸ Пржевальский отмечает, что благодаря жесткой политике западные державы уже обогнали Россию по торговому обороту с Китаем, несмотря на то, Россия мирно торгует со Средней империей уже полтора века. Понимая, что Россия не имеет возможности конкурировать с державами в приморских районах, Пржевальский предлагает открыть для российской торговли весь Китай к северу от Великой Стены, так как "в застенных владениях Китая и в собственных северо-западных его провинциях Гань-су и Шан-си...мы имеем возможность развить и упрочить наши торговые операции", а со временем, возможно, проникнуть и еще глубже. Признавая, что мирным путем этого добиться вряд ли возможно, Пржевальский открыто говорит о войне, которую "отуманенный недавними успехами" и "подстрекаемый нашими недругами" Китай может объявить и сам, но если и не объявит, без войны все равно не обойтись. "Волей-неволей нам придется свести здесь давние счеты и осязательно доказать нашему заносчивому соседу, что русский дух и русская отвага равно сильны — как в сердце Великой России, так и на далеком востоке Азии", — заключает Пржевальский.⁴⁹

(Окончание в следующем)

1. Pollard Sydney. *The Idea of Progress: History and Society* (London: C.A. Watts, 1968), p. vi; Pim den Boer. *Europe to 1914: the Making of an Idea*, in: Kevin Wilson and Jan van der Dussen, eds. *The History of the Idea of Europe* (London and New York: Routledge, 1995. p.13.
2. См.: Lee Thomas H.S., ed. *China and Europe: Images and Influences in Sixteenth to Eighteenth Centuries* (Hong Kong: The Chinese University Press, 1991).
3. Иконников А. Китайский театр и "китайщина" в Детском Селе. Л., 1931. С. 14.
4. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. Сс. 50-51.
5. Там же. С. 67.
6. Цит по: Скачков П.Е. Указ. соч. С. 72.
7. Там же. С. 73.
8. Цит по: Белкин Д.И. Пушкин А.С. и китаевед О.Иакинф (Н.Я.Бичурин). // Народы Азии и Африки. 1974. №6. С. 126.
9. См.: Алексеев М.П. Пушкин и Китай / Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979 С. 80.
10. См. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М.-Л., 1953-56. Т. I-XII. Рец. на "Цын-Киу Тонг (,) или Три добрые дела духа тьмы". Т. 4. Сс. 464-469; упоминания работ Бичурина и о нем: Т. 3, С. 176, Т. 4, С. 442, Т. 5, Сс. 575, 586, 592, 842; Т. 6, С. 403, Т. 9, С. 740; Т. 10, Сс. 364, 467.
11. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 122.
12. См: Вахтин Б.Б. Образ Китая в русской культуре XIX века. XXII научная конференция "Общество и государство в Китае". Ч. 3. М., ИВ РАН, 1981. С. 212; Оксман Ю. Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского. М., 1958. С. 538.
13. Герцен А.И. Собр. соч. в тридцати томах. М., 1957. Том 11. Сс. 66-77.
14. Там же. С. 72.
15. Там же. С. 75.
16. Там же. С. 72.
17. Там же. С. 73.
18. Там же.
19. Там же. Сс. 174-175.
20. Там же. С. 148.
21. Там же. С. 171.
22. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 403.
23. Там же. Сс. 403-404.
24. Соловьев В.С. Собр. соч. СПб. (1901-1908). Т. 6. С. 126.
25. Там же. С. 136.

26. Подробнее см. Сербиненко В.В. В.С.Соловьев о Китае. XIII научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. М., 1982. Т. 1. Сс. 227-235.
27. Письма Соловьева В.С. (под ред. Э.Л.Радлова). Спб., 1911. Т. 3. Сс. 336-337.
28. См.: Сербиненко В.В. Проблема соотношения китайской и японской культур в Вл. Соловьева. XV научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. М., 1984. Т. 1. Сс.183-188; Кобзев А.И. О противоречивом образе Китая у В.С.Соловьева. там же. Сс. 189-191.
29. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 14. С. 7.
30. Там же. Сс. 7-8.
31. Там же. С. 8.
32. Там же. Сс. 57-58.
33. Там же. Сс. 9-11.
34. Там же.
35. Цит. по Скиммельпенник ван дер Ойе Д. Неизвестный Пржевальский // Ариавата, 1997. №1. С. 219.
36. Там же.
37. Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Спб., 1888. Сс. 495-496.
38. Там же. С. 498.
39. Там же. С. 497.
40. Там же. С. 501.
41. Там же. Сс. 517-518.
42. Там же. Сс. 501-502.
43. Там же. С. 530.
44. См: Скиммельпенник ван дер Ойе Д. Неизвестный Пржевальский. Сс. 218-219.
45. Там же. С. 502.
46. Там же. С. 275. Подробнее см.: Схиммельпэнник ван дер Ойе Д. Свет в Востока // Родина. 1995. №11. Сс. 30-33.
47. Там же. Сс. 532-533. О действительном отношении Ф.Ф.Мартенса к Китаю см. ниже.
48. Там же. Сс. 533.
49. Там же. Сс. 535-536.

Научная жизнь

Дальний Восток России - Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества

Под таким названием в июне этого года в Хабаровске состоялась международная научно-практическая конференция. Этот научный форум был посвящен 100-летию начала строительства КВЖД и г.Харбина и приурочен к 60-летию Хабаровского края. Инициаторами и основными организаторами конференции выступили Дальневосточная государственная научная библиотека и Дюкский университет штата Северная Каролина (США). Проведение конференции стало возможным благодаря поддержке, в том числе финансовой, Главы администрации Хабаровского края В.И.Ишаева, который и возглавил Организационный комитет. Весомым вкладом в организационную часть конференции явился грант, предоставленный Дюкским университетом, который позволил оплатить пребывание делегаций иностранных исследователей. Большой интерес к этой конференции проявили ученые Москвы, Хабаровска, Владивостока, Новосибирска и других научных центров. В работе конференции приняли участие видные исследователи США, Канады, Японии, Франции и Южной Кореи.

Пленарное заседание конференции открыл член-корреспондент РАН, директор Института экономических исследований ДВО РАН П.А.Минакир, который зачитал приветствие Главы администрации Хабаровского края В.И.Ишаева. Тон работе пленарного заседания задал доклад академика РАН, заместителя директора Института Дальнего Востока В.С.Мясникова, в котором был дан глубокий исторический анализ взаимоотношений России и Китая. Доклады профессоров В.М.Пескова, С.Н.Леонова, С.А.Пайчадзе касались роли соседних государств в современной геостратегии АТР, экономических взаимоотношений, современного состояния исследований русской книги в Китае. Интерес участников конференции вызвал доклад профессора Дюкского университета (США) Т.Лахусена, который попытался представить проблему возникновения Харбина, как многонационального центра Северо-Восточной Азии первой половины XX века в виде обзора толкований учеными разных стран. Доклад председателя Комитета по культуре и искусству администрации Хабаровского края А.Н.Бочарникова был посвящен современному состоянию сотрудничества в области культуры и искусства с северо-восточными провинциями Китая.

Продолжением этих обсуждений явилась презентация книги В.С.Мясникова "Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв.)" (Хабаровск, ПГО, 1997. - 544 с.) Основным лейтмотивом было понимание того, что Китай - это наш исторический сосед, с которым Россия обязана налаживать добрососедские отношения.

Внимание участников конференции в работе секций было приковано к конкретным вопросам истории строительства КВЖД и Харбина, российского зарубежья в Маньчжурии, эмиграционного книгоиздательства, истории русской православной церкви в Китае, культурным связям между нашими странами, истории становления и жизни различных национальных диаспор в Харбине, развития киноискусства в Маньчжурии в первой половине XX века и т.п. Интересной частью программы была встреча с харбинцами, очевидцами последних лет жизни российской диаспоры в Маньчжурии. Хотя эта встреча не носила научного характера, тем не менее позволила поддержать особый дух конференции.

По мнению многих участников, конференции удалось рассмотреть и обобщить:

- исторический опыт взаимодействия российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая, начало которому было положено строительством КВЖД и города Харбина;

- дать научную оценку приливам и отливам в советско-китайских отношениях и наметить перспективы гуманитарного сотрудничества в XXI веке, который по многим прогнозам станет веком АТР;

- проанализировать опыт взаимодействия Дальнего Востока России, в особенности, Хабаровского края и Северо-Востока Китая в области культуры, образования, книжного дела, искусства и т.д.;

- рассмотреть роль Российского Зарубежья в Маньчжурии в сохранении традиций русской культуры, современное состояние культурного обмена россиян и китайцев, наметить пути его развития в будущем, выработать общие проекты исследований. Одним из таких проектов, а он вошел в рекомендации конференции, явилось создание на базе Дальневосточной государственной научной библиотеки центра по формированию коллекций периодических изданий и книг российского дальневосточного зарубежья на микро- и оптических носителях; подготовка и издание монографии по теме "Русская книга в Китае"; разработка программы создания свободных каталогов и библиографических указателей, посвященных русскому дальневосточному зарубежью; изучение фондов отечественных и зарубежных библиотек на предмет исследования русских эмигрантских коллекций.

Открытие и ход конференции широко освещался в средствах массовой информации Дальнего Востока.

Следует отметить удачную оформительскую часть. К началу работы конференции были изданы блокнот, программа и материалы конференции. Все три издания оформлены в одном стиле, отражающем колорит старого Харбина, что естественным образом создавало соответствующий настрой.

Приятным завершением конференции было вручение участникам памятного фотоальбома "Планета Харбин" (Хабаровск, 1998), выпущенного к 100-летию начала строительства КВЖД и подготовленного на основе старых фотографий из фондов Дальневосточной государственной научной библиотеки и госархива Хабаровского края.

Рецензии

Ху Аньган. Следующий шаг Китая. Чжунго ся ибу. Сычуань жэньминь чубаньшэ. Чэнду, 1995. 240 с.

В книге известного китайского ученого дается комплексное изложение стратегии и тактики экономического развития Китая после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г., провозгласившего начало реформ, и перспектив на будущее.

В ней уделяется значительное внимание эпохе Дэн Сяопина, теоретическим и политическим аспектам реформаторского движения. Тут автор предстает в роли публициста и политолога. Переходя же от теоретических вопросов к практическим, Ху Аньган выступает в качестве экономиста-аналитика, стремящегося трезво и скрупулезно оценить опыт достижений и трудностей на пути реформ с 1980 по 1994 гг., чтобы с учетом практики других стран мира определить благоприятные факторы дальнейшего экономического развития страны и возможные препятствия и трудности.

Согласно приводимым в книге прогнозам Группы по анализу положения страны АН Китая, в 2000 г. КНР по объему ВВП, исчисленному по методу паритета покупательной способности национальных валют, займет в мире передовые позиции (при таком исчислении, по подсчетам Мирового банка, экономика Китая уже сейчас составляет 45% экономики США). Если он сможет стабильно развиваться до 2020 г., то за 40 лет (1980-2020 гг.) окажется в ряду самых мощных государств мира, по темпам же экономического роста за эти годы он значительно превзойдет не только США в период их экономического взлета (1871-1913 гг.: 4,3%), но также, возможно, и Японию в период ее быстро экономического развития (1955-1988 гг.: 6,7%). Такое сопоставление дает Ху Аньгану основание рассматривать Китай в числе трех крупнейших государств мира, получивших благоприятный шанс широкомасштабного развития.

Согласно оценкам как китайских, так и большинства зарубежных экспертов, в Китае можно ожидать дальнейшего роста экономики. В подтверждение этого тезиса автор приводит целый ряд суждений различных исследователей проблем Китая из США, Западной Европы, Японии, их анализы, расчеты, теоретические обоснования. Приведем некоторые из них.

Суммируя мнения зарубежных экспертов по этим вопросам, Ху Аньган сводит их к трем пунктам. 1. В XXI в. Китай может стать великой мировой державой, но т.к. население слишком велико, уровень ВВП на душу населения останется по-прежнему низким. 2. На этапе взлета Китай столкнется с нарастанием факторов нестабильности, неравномерного развития районов, поэтому последующее развитие страны будет иметь неоднозначные перспективы. Волнения, беспорядки в обществе могут привести к тому, что нация утратит свой драгоценный шанс на развитие. 3. Политические осложнения увеличатся, возникнет необходимость уменьшать их путем больших и малых нововведений.

Следует отметить, что автор монографии не вступает в полемику с зарубежными экспертами, но вся его книга фактически является ответом на их суждения, при этом подробно освещаются самые разнообразные исторические, экономические, демографические, экологические и т.д. - аспекты каждой из поднятых проблем.

С теоретической точки зрения несомненный интерес представляет авторское сопоставление "эпохи Мао Цзэдуна" и "эпохи Дэн Сяопина". За 40 лет КНР, пишет Ху Аньган, существовало два разных взгляда на экономическое развитие Китая. В основе первого была "теория быстрых побед", согласно которой экономическое развитие в Китае должно быть подоб-

но "стремительно движущейся колеснице"; в основе второго - "теория длительного, упорного сражения". Суть последнего, по формулировке автора, состоит в том, что "экономика может развивать скорости, но они не должны быть слишком высокими". Конкретизируя эту мысль, Ху Аньган пишет, что выдвинутый Мао Цзэдуном курс на "большой скачок" представляет собой классический образец "теории быстрых побед". И, как известно, эта теория не выдержала проверку временем. Противопоставляя прошлым теориям воззрения Дэн Сяопина, Ху Аньган подчеркивает, что если "по Мао Цзэдуну" для достижения уровня экономически развитых государств был нужен "большой скачок", то "по Дэн Сяопину" необходимо "ступенчатое, поэтапное экономическое развитие". Сейчас основная стратегическая линия, пишет автор монографии, должна состоять в том, чтобы "при быстрых темпах развития сохранить экономическую стабильность, при экономической стабильности сохранить быстрые темпы".

Автор выделяет ряд ключевых для предстоящего развития Китая проблем и подробно анализирует их. Прежде всего - отношения между центром и периферией. Этот вопрос рассматривается через призму финансовой политики правительства за весь период ее существования и касается, главным образом, разделения функций между центром и местами. Ху Аньган с беспокойством говорит о сокращении в ходе реформ финансовых доходов центра и пагубном влиянии этого факта на весь ход экономического строительства. Общий вывод автора таков: от авторитета центра зависят его возможности, а финансовые силы центра определяют возможности макроэкономики, поэтому с точки зрения длительного развития, контроль центра ни в коем случае нельзя ослаблять.

В книге приводится сравнение финансовых доходов Китая и ряда стран с рыночной экономикой. Так, в 1989 г. удельный вес в ВВП финансовых доходов Китая составлял 16,7%, Англии - 34,6%, Германии - 45,9%, США - 41,4%, Франции - 46,1%, Канады - 40,4%, Австралии - 37,1%.

Оценивая уровень централизации власти, автор описывает исторический путь США и стран Запада с конца XIX в. по 1985 г., который показывает, что в этих странах во главе угла стояла власть

центра, делегирование же власти на места составляло дополнительную часть общей системы власти. Автор аргументирует преимущество и целесообразность принципа разумного сочетания власти центра и власти на местах, главным же путем урегулирования отношений между центром и местами он считает создание системы распределения налогов между ними, введение которой началось в 1994 г.

Другим важным вопросом является соотношение между развитыми и слабо-развитыми районами. С помощью таблиц, содержащих сведения по Китаю и другим странам, автор убедительно показывает, что рост межрегиональных экономических различий представляет собой сложную проблему для экономического развития Китая. Этот рост порождает социальные и политические проблемы, которые, в свою очередь, создают опасность межрегиональной раздробленности страны. Кроме того, остается тяжелым и болезненным явлением отсталость районов национальностей, что может стать первопричиной взрыва национальных противоречий в масштабе всей страны. В книге рассматривается целая система методов разрешения проблемы межрегиональных различий.

Особое беспокойство в стране вызывает растущая изо дня в день коррупция. Именно этому посвящена глава книги "Правительство и народ". Коррупция, по словам Ху Аньгана, есть пограние народных чаяний, провоцирование народных бедствий, разрушение основ государственности. Подробно анализируя природу коррупции в условиях становления рыночных отношений, автор особое внимание уделяет источникам ее возникновения. Главный из них кроется в недостатках всей системы периода перехода к рыночной экономике. Самой радикальной мерой в борьбе с коррупцией автор считает обновление существующей политико-экономической системы государства.

В монографии подробно освещается проблема сочетания экономического роста и экономической стабильности. Для движения китайской экономики свойственно чередование больших подъемов и больших спадов. В этой цикличности, указывает Ху Аньган, заключена главная причина столкновений и противоречий в китайском обществе. Стабильность экономики, говорит он, - это и стабильность общества, и политическая стабильность.

Характеризуя цикличное развитие экономики, Ху Аньган приводит таблицы и схемы динамики темпов роста ВВП, инфляции, валовой промышленной продукции, капиталовложений (за 1978-1994 гг.). Он показывает, что каждый из экономических циклов включает четыре этапа: 1) возрождение и развертывание экономики; 2) расцвет и высший подъем экономики; 3) упорядочение и сужение масштабов экономического развития; 4) ослабление и спад до критического уровня. Описывая каждый этап, Ху Аньган вместе с тем характеризует действия руководства по регулированию экономики, меру и формы его вмешательства, методы экономического и политического воздействия.

Весьма примечательно наблюдение автора, указавшего непосредственную и тесную связь между периодами экономического подъема и очередными съездами партии. Так, в течение 17-ти лет (1977-1993) состоялось четыре съезда партии, одновременно имели место и четыре периода экономического подъема (Приводятся подтверждающие этот вывод таблицы). Съезды партии, пишет автор, имеют мощное политическое, мобилизующее значение и представляют собой своеобразные импульсы, которые, в отличие от западных импульсов в периоды подъема экономики, т.е. импульсов технологического роста (прогресс науки и техники, новшества в торговле и т.п.), относятся к внеэкономическим факторам.

В соответствии с теорией внеэкономических импульсов автор считает чрезвычайно важным выбор безошибочных методов воздействия правительства на экономику, когда она проходит через ту или иную фазу волнообразного движения.

Оставшиеся годы XX в. - решающий, ключевой период экономического развития Китая. Ху Аньган характеризует его тремя моментами. 1). Процесс перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, модернизированному обществу с тремя направлениями развития - индустриализацией, урбанизацией, модернизацией. 2). К настоящему времени процесс маркетизации экономики (вхождения в рынок) уже миновал добрую половину своего разви-

тия* и стал необратимым; вместе с этим осуществляется вхождение в мировую рыночную систему. 3). Китай находится накануне смены поколений руководителей. Это неотвратимый факт, который осознает китайский народ, ученые и руководители страны, таковыми были предвидения Дэн Сяопина и его окружения. Все это обязывает сохранять непрерывность политической линии, обеспечивать стабильность, неуклонное развитие общества в целом.

Среди важнейших вопросов предстоящего развития Китая обращают на себя внимание и такие, освещению которых посвящен раздел "Избежать наихудшего исхода". Раскрывая его содержание, автор пишет, что переход к рыночной экономике социалистического государства является многотрудным процессом, и если осуществлять его неумело, могут возникнуть раскол и распад (в пример приводятся Югославия и Советский Союз). Автор выражает уверенность, что Китай такого развития событий не допустит в подтверждение ссылается на Дэн Сяопина, который говорил, что если возникнут беспорядки, а партия и государство не смогут сыграть стабилизирующую роль, одна часть армии будет отстаивать интересы одной группировки, другая часть - другой; если разразится гражданская война, то кровь потечет рекой, падет производство, прервутся коммуникации, хлынут потоки беженцев, - это захватит не только Китай, но и весь АТР. Возникнет бедствие глобального масштаба. В случае гражданской войны беженцы наводнят Гонконг, Макао, Тайвань и все окружающие страны. Китай не допустит этого. Но за недопущение такой катастрофы, - подчеркивает автор, - ответствен не только Китай, но и все человечество.

И как заключительный вывод монографии Ху Аньган повторяет то главное, что должно лечь в основу развития Китая на рубеже веков и в последующие десятилетия: стабильный рост, стабильный товарооборот, сбалансированные финансы, упор на сельское хозяйство и производство зерна, формирование и сохранение стабильной обстановки в макроэкономике.

* В разделе "Эпоха реформ" автор показывает динамику становления рыночных отношений в четырех сферах экономики: капиталовложения, ценообразование, производство, торговля. Согласно его данным, общий показатель маркетизации экономики поднялся с примерно 25% в 1979 г. до 63,2% в 1992 г.

Вместе с тем следует отметить, что при изложении возможной роли Китая в мировой экономике XXI в. автор порой теряет чувство меры (даже путем цитирования высказываний зарубежных экспертов), а также в ряде других мест текста.

Порою автор не считается с общепризнанными фактами. Так, восхваляя "эпоху открытости" Дэн Сяопина и противопоставляя ей период начала 50-х годов, Ху Аньган пишет: "Китай оставался в отрыве от общего потока индустриального прогресса, был вынужден руководствоваться принципом "опоры на собственные силы" (с. 15). Здесь автор полностью замалчивает всем известную роль Советского Союза, с помощью которого была заложена база индустриального развития Китая.

В целом же книга будет прочитана с интересом потому, что она рисует обобщенную картину социально-экономического развития Китая, а также в силу своей наглядности - благодаря произведенному автором сравнению с ходом экономического развития некоторых ведущих стран мира и ввиду нетрадиционного взгляда на ряд животрепещущих проблем. Нет сомнения в том, что книга о "следующем шаге" Китая расширит представление читателей о методах и

перспективах политики китайского руководства в ходе дальнейшей модернизации страны на пороге двух веков. Она также может быть свидетельством незыблемости принципов, провозглашенных ныне покойным главным теоретиком реформ Дэн Сяопином.

Несмотря на то, что книга вышла в 1995 г., она не теряет своей актуальности и сегодня, поскольку многие затрагиваемые в ней проблемы являются важными на любом этапе развития. Например, проблема формирования бюджета государства, соотношение между доходами центра и мест, их роль в экономическом и социальном развитии нации. Актуальны по сей день и такие вопросы, как урегулирование противоречий в отношениях между центром и местами, развитыми и слабо развитыми районами, а также противоречия на национальной почве: углубление рыночных отношений, борьба и конкуренция на мировом рынке, преодоление инфляции, борьба с коррупцией и т.д.

В российской экономике возникают во многом схожие проблемы.

Читатели, не знающие китайского языка, могут ознакомиться с расширенным рефератом этой книги, изданным Институтом Дальнего Востока (Информационные материалы, Выпуск 5, М., 1998)

Пак Б.Д., Пак Тхэ Гын. Первомартовское движение 1919 года в Корее глазами российского дипломата. Москва-Иркутск, 1998. 181 с.

Российское корееведение обогатилось новым изданием, приуроченным к 80-летию Первомартовского движения - трудом профессора Иркутского государственного педагогического университета Бориса Дмитриевича Пака, написанным при участии профессора Квандонского университета Республики Корея Пак Тхэ Гына, "Первомартовское движение 1919 года в Корее глазами российского дипломата" (Москва-Иркутск, 1998).

Борис Дмитриевич Пак широко известен своей работой с российскими архивными материалами, посвященными истории корейского народа конца XIX - начала XX вв. Его нынешнее исследование вводит в научный оборот новый для нашей науки и чрезвычайно интересный источник информации о ситуации в Корее в 1919-1921 гг. Речь идет о донесениях Я.Я.Лютша. Назначенный российским генеральным консулом в Сеул в 1911 г., этот дипломат отказался подчиниться новому порядку после установления в России Советской власти и, оставаясь в Корее до 1921 г., слал отчеты в Токио бывшему российскому послу в Японии, который, в свою очередь, пересылал их в министерство иностранных дел правительства Колчака.

Книга состоит из двух частей: "Грандиозная первомартовская эпопея истории борьбы корейского народа за независимость" и "Первомартовское движение глазами российского дипломата".

Первую часть работы, судя по некоторым особенностям ее фразеологии, вероятно, писал корейский коллега Б.Д.Пака на основе представленных ему архивных материалов. Изложение характерной для южнокорейских авторов концепции сочетается в ней с использованием нового фактографического материала. Так, например, приводится интересный обзор международной реакции на первомартовское движение 1919 г. в Корее, особенно - реакции русскоязычной "белой" прессы Екатеринбурга, Харбина и Владивостока. Подробно освещается деятельность корейской диаспоры Китая. В целом же мо-

жно сказать, что сам материал - не столько о "героическом первомартовском движении", сколько о его предпосылках и международной, особенно российской, реакции на него.

Вторая часть работы содержит вступительную статью Б.Д.Пака и 14 архивных документов (отчетов Я.Я.Лютша), датированных периодом с 21 марта 1919 г. по 22 марта 1921 г.:

1. Большой и подробный отчет, посвященный событиям начала марта 1919 г., с приложением хронологического перечня основных событий и анализом их причин.

2. Приложение к документу № 1: Перевод текста "Декларации независимости".

3. Приложение к документу № 1: Петиция генерал-губернатору Хасэгава группы "народных представителей".

4. Донесение о смерти вана Коджона с кратким очерком его жизни и политики.

5. Донесение о похоронах вана Коджона.

6. Донесение о дальнейшем развитии событий в Корее в апреле-июне 1919 г., в том числе о подавлении выступлений, произволе японцев в отношении христиан. Донесение содержит также анализ христианского вопроса и освещения корейских проблем в выходящих в Японии иностранных газетах.

7. Приложение к документу № 6: хронологический перечень наиболее серьезных беспорядков в период с 21 марта по 31 мая 1919 г.

8. Донесение об обстоятельствах покушения на барона Сайто.

9. Донесение по поводу появления в газетах информации о попытке группы корейских повстанцев из Китая пересечь корейскую границу. Подобная попытка была предпринята впервые. Лютш анализирует ее причины и прогнозирует дальнейшее развитие событий.

10. Донесение, содержащее анализ приказов и распоряжений японцев о введении в Корее местного самоуправления; информацию об антияпонских вооруженных и невооруженных выступлениях, а

также о том, какие меры принимают против них японские силовые структуры; данные о попытках властей организовать содействие им со стороны иностранных миссионеров и реальной роли этих миссионеров в антияпонском движении.

11. Донесение по поводу так называемого "хунчуньского инцидента".

12. Донесение по поводу ратификации парламентом расходов на содержание внутри Кореи двух особых армейских дивизий.

13. Донесение по поводу раскрытия японцами очередной корейской политической организации (Союза Самозащиты).

14. Донесение по поводу активности корейских повстанцев, в том числе корейского Временного правительства в Шанхае, и реакции на это официальных японских кругов.

Отчеты Я.Я.Лютша - пример работы профессионального дипломата достаточно высокого уровня. Описывая массовые выступления и беспорядки, он приводит чрезвычайно подробную ежедневную хронику событий, имевших место в столице и в стране, с указанием дат, имен, числа участников и масштаба жертв. Донесения снабжены приложениями, в числе которых есть и текст "Декларации независимости". Его отчеты содержат подробный анализ прессы, как Японской, так и иностранной (английских или американских газет, издававшихся в Корее или Японии и часто содержавших определенную критику японской политики); попытки проследить истоки сложившейся ситуации, проанализировать тактику и ошибки японских властей, а также - спрогнозировать вероятное развитие событий. События в Корее он освещает по-своему, достаточно объективно и беспристрастно, не пытаясь манипулировать фактами.

Однако стоит отметить, что данные о том, что представляла собой Корея до ее аннексии Японией, у Лютша отсутствуют. В освещении корейского прошлого он следует японской пропагандистской традиции, представлявшей старую Корею гнездом средневековой отсталости и произвола и, соответственно, подчеркивающей цивилизаторскую роль Японии. Историей Кореи он, видимо, сам не занимался, и, говоря о Корее как о царстве запустения и произвола, ссылается на японские источники, в том числе - на Ито Хиробуми. Характеризуя период правления Коджона, Лютш считает его исклю-

чительно временем алчности и невежества, единственным заметным событием которого было восстание тонхак. При этом ход данного восстания, равно как и ряд иных моментов корейской истории (связанных с убийством Ким Хон Чжипа), он описывает неверно. Слабое знакомство с деталями корейской реальности еще раз указывает на то, что основными источниками информации, на которые он опирался при анализе положения в стране, были пресса (преимущественно японская или иностранная) или свидетельства либо мнения иностранцев, преимущественно дипломатов, находящихся в Корее. Так, большинство примеров неоправданной жестокости японцев он получил от американского консула.

Следует подчеркнуть, что Лютш активно недолюбливает Восток вообще. В его донесениях проскальзывают фразы о "китайской сомнительной мудрости" или природном чванства и высокомерии японцев. Япония для него - тоже достаточно дикая страна, но воспринявшая европейскую цивилизацию. Лютш отмечает, что благосостояние и положение человека в Корее при японцах "бесконечно улучшилось", что спровоцировало рост национального самосознания, а в сочетании с политикой японцев в отношении корейской нации стало причиной первоапрельского движения. При этом он достаточно четко выделяет основные направления политики японизации Кореи, проводя различия между стратегическими ошибками японской политики по корейскому вопросу и конкретными злоупотреблениями, примерами явной дискриминации корейцев и несправедливости по отношению к ним. По отношению к Японии в целом Лютш настроен лояльно, и в ряде случаев при описании стычек между японцами и корейскими партизанами он употребляет слово "наши" в отношении правительственных войск.

У Лютша присутствует попытка проанализировать психологию корейского национализма и развития национального менталитета, но начало демократического движения в Корее он объясняет преимущественно тем, что забытый прежде кореец, благодаря плодотворной японской политике, достаточно цивилизовался, чтобы осознать свое подчиненное положение по отношению к японцам и начать бороться за свои права.

Являясь сторонником либеральных

реформ, Лютш возлагает большие надежды на грядущую политику барона Сайто, хотя его отчеты содержат анализ наиболее вероятного развития событий, которое, по мнению Лютша, вряд ли будет соответствовать официальным японским прогнозам.

Мнение же Лютша о корейском национально-освободительном движении сводится к следующему: как явно обижаемый, кореец привлекает к себе внимание всех, и иностранцы относятся к корейцам, по меньшей мере, сочувственно; с другой стороны - программы нет никакой, только пассивный протест; руководители его могут привести лишь к анархии и хаосу, и Корея при таких обстоятельствах стала бы действительно угрозой миру во всем мире. Лютш пишет весьма подробно о корейских тайных обществах, причем в отчетах проскальзывает информация о криминальных методах (рэжете), к которым прибегали деятели некоторых таких обществ при сборе средств на нужды движения. Именно поэтому Лютш пытается отслеживать те примеры политических действий, которые не носят оттенка традиционализма, и обращает внимание на такой приведенный им документ, как петиция от 12 марта японскому генерал-губернатору, которая демонстрирует взгляды другого крыла деятелей корейского национально-демократического движения (в отличие от авторов "Декларации независимости"), стремящегося доказать, что они - "не корейцы старых времен".

Лютш обращает внимание на попытки японской пропаганды представить национально-демократическое движение в Корее связанным с коммунистическим движением и, анализируя такие попытки, указывает на абсурдность подобных домыслов ввиду отсутствия в Корее почвы для утверждения коммунистической идеологии. Примером подобной пропаганды является приведенная в книге информация из газеты "Осака асахи" о договоре между Временным правительством Шанхая и Советской Россией и опровержение корейцев, в котором объясняется, что коммунизм и другие "измы" имеют мало успеха в Корее.

Для Лютша корейский вопрос является именно корейским и, рассматривая его как вопрос нации, а не вопрос страны, Лютш собирает подробную информацию о том, что происходит не только внутри территории Корейского генерал-губерна-

торства, но и в приграничных районах Китая, где имелась значительная прослойка корейского населения. Его интересует влияние первоапрельского движения на геополитическую ситуацию во всем регионе - отсюда выбор основных направлений его внимания.

Как представителя европейской державы и христианина, Лютша волнует и вопрос о связи первоапрельского движения с представителями стран Запада и о роли в нем христиан. Эта тема так или иначе проскальзывает у Лютша почти в каждом сообщении. Выступления, в которых принимали участие корейцы-христиане, Лютш выделяет особо, всегда подчеркивая состав участников. Как он считает, ведущая роль в первоапрельском движении принадлежала функционерам Чхондоге, а сознательное влияние иностранных миссионеров было минимальным. Он подробно анализирует ситуацию в тех случаях, когда христиане действительно оказывались причастными к революционному движению, отмечая причины, толкающие молодых христиан на активные антиправительственные действия, или описывает политику японцев в отношении иностранных миссионеров: как нападки на них, так и попытки добиться сотрудничества с ними. При этом он подчеркивает отстраненность европейских миссионеров от внутрикорейских проблем и голословность японских обвинений в их адрес.

Работа Б.Д.Пака и Пак Тхэ Гына имеет практическое значение в силу своей научной новизны. Материалы, введенные в научный оборот этой книгой, дают основания для критики как точки зрения, трактовавшей первоапрельское восстание как вооруженное выступление народа под национально-демократическими лозунгами, так и с точки зрения ряда южнокорейских исследователей христианской ориентации, стремящихся представить первоапрельское движение вдохновленным и организованным протестантской церковью.

Следует отметить, что, помимо ввода в научный оборот донесений Я.Я.Лютша, эта книга впервые анализирует материалы о корейском национальном движении, почерпнутые из источников, относящихся к белому движению, преимущественно из архива правительства Колчака. К примеру, малоизвестен факт попытки депутации Корейского Национального Со-

вета отправить делегацию на Парижскую мирную конференцию через Сибирь.

Благодаря подробному изложению Лютшем картины событий начала марта 1919 г., можно действительно сделать вывод об отсутствии у выступающих программы или какого бы то ни было единого плана. Виден масштаб жертв: как правило, демонстрантов рассеивали ружейным огнем, потери с двух сторон были более или менее эквивалентными (несколько раненых), а общее число убитых за все время не превысило пяти человек. Серьезные жестокие репрессии со стороны японцев начались несколько позже, в двадцатых числах марта - апреле 1919 г.

Из приводимых текстов петиций японскому генерал-губернатору можно сделать определенные выводы о том, как менялась под влиянием знакомства с опытом европейской цивилизации корейская политическая культура.

Книга обращает внимание и на некоторое количество разноплановых моментов корейской истории данного периода, ранее мало упоминавшихся или вовсе не упоминавшихся нашими историками.

Так, когда Лютш анализирует данные о религиозной принадлежности участников первоапрельского движения, он, в частности, приводит подробные сведения о Сон Бен Хи и упоминает о том, что в прошлом он был активным приверженцем прояпонской партии, а Чхондоге вобрала в себя значительное количество бывших членов "Ильчинхве", о чем в нашей историографической традиции раньше было не принято упоминать.

В достаточно интересном ракурсе освещена личность Мун Чхан Бома. В работах других авторов, в частности, Пак Чон Хе, он выступает как японский агент влияния, неоднократно натравливавший царское правительство на деятелей Ыйбен вроде Ли Бом Юна или Чхве Чжэ Хена. Здесь же Мун Чхан Бом всплывает как руководитель Корейского Национального Совета, организации, существовавшей при белых. Поэтому его происки были, скорее всего, мотивированы обыкновенной фракционной борьбой.

Вопреки традиционному истолкованию, Лютш считает правдой и информацию о подготовке группой Ан Мен Гына покушения на генерал-губернатора Тараути.

Интересная трактовка дана событиям 9-10 марта 1919 г. в г. Ривон, где, по данным Лютша, толпа напала на поли-

цейский участок, а не была спровоцирована на это.

Лютш собирал данные о пытках, в особенности, христиан, но число реально подтвержденных фактов и иных зверств оказалось далеким от разошедшихся слухов о них. Большая часть упомянутых им историй, однако, была активно использована для пропаганды как корейскими националистами, так и историками для описания зверств японского империализма. Между тем, некоторые детали описаний "вражеских зверств" являются, по-видимому, модифицированными вариантами традиционных пропагандистских клише. Так, например, информация о женщинах, которые несли национальные флаги, а потом зажимали их в зубах, когда им по очереди отрубали руки, очень напоминает историю о Сон Сан Хене и жезле полковолца из периода начала Имджинской войны 1592-1598 гг.

Несколько слов об оформлении книги и в том числе иллюстрационных материалах. Среди иллюстраций есть текст "Декларации независимости Кореи" и фотографии всех тридцати трех деятелей, подписавших ее. Можно считать некоторой накладкой то, что наиболее значительные отрывки из "Декларации независимости" приведены в тексте книги дважды: в переводе Лютша, в одном из его отчетов, и в переводе, выполненном Культурным центром "Вера и жизнь", во вступительной статье. Однако, поскольку особенности перевода всегда отражают подход к теме его автора, сравнивая эти два перевода, можно увидеть, на чем акцентирует внимание каждый из переводчиков, и продвигнуться ближе к пониманию оригинала.

Приведены фотографии ведущих деятелей Корейского Временного правительства в Шанхае. Большинство же остальных иллюстраций представляют собой снимки пропагандистского характера с текстом на корейском и английском языках, видимо, прямо позаимствованные из какого-то издания, в которых на свободном месте подписан русский текст.

Единственным заметным недостатком книги можно считать то, что, хотя в ней приведен значительный объем новой информации, кроме краткого анализа политической позиции Лютша, проведенного Б.Д.Паком во вступительной статье к публикуемым материалам, в ней практически отсутствуют попытки проанализи-

ровать приводимую информацию, сделать выводы, сравнить точку зрения Лютша с точкой зрения других авторов на отмечаемые им явления и события. Возможно, правда, авторы и не ставили перед собой такую задачу, а определенная рыхлость предложенного материала в целом объясняется элементарной спешкой, в которой издавалась книга на фоне разворачивающегося экономического кризиса в Республике Корея.

К сожалению, наличествует некото-

рое количество технических ошибок. Провинция Чолла в ряде случаев названа Чхолла, а Филипп Джейсон - Джексоном. Отсутствует ссылка № 39 во вступительной статье.

Однако, перечисленные выше недочеты ни в коей мере не умаляют значительности того вклада, который вносит эта книга в изучение освещенного в ней периода корейской истории. Она может быть полезна как студенту в качестве источника, так и опытному исследователю.

© 1998

*К.Асмолов,
кандидат исторических наук*

М. Л. Титаренко,
академик

Академику С.Л.Тихвинскому - 80 лет

1 сентября 1998 г. исполнилось 80 лет выдающемуся российскому ученому, историку-востоковеду, видному дипломату и общественному деятелю Сергею Леонидовичу Тихвинскому - советнику Президиума РАН, председателю Национального комитета российских историков, председателю Научного совета "Истории международных отношений и внешней политики России", главному научному сотруднику Института Дальнего Востока РАН, почетному председателю Общества российско-китайской дружбы и Ассоциации китаеведов РАН.

4 сентября 1998 г. отделения истории и международных отношений РАН, Институт Дальнего Востока РАН, Общество российско-китайской дружбы, Ассоциация китаеведов РАН провели торжественное заседание, посвященное этой знаменательной дате. На заседании юбиляр

выступил с научным докладом "Революции и реформы в Китае".

В заседании приняли участие и выступили с приветствиями вице-президенты РАН академики Г.А.Месяц и В.Н.Кудрявцев, академики-секретари Н.А.Симония и А.А.Фурсенко, директора институтов, входящих в отделения истории и международных отношений, главные редакторы журналов "Проблемы Дальнего Востока" и "Новая и новейшая история" и многие другие видные ученые - коллеги юбиляра, представители Московского и Санкт-Петербургского университетов, МГИМО, Дипломатической академии МИД РФ, зам. министра иностранных дел Г.Б.Карасин и посол РФ в КНР И.А.Розачев, руководители Российского центра международного научного и культурного сотрудничества и Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития, главы дипломатических представительств КНР, СРВ, Сингапура.

Вице-президент РАН академик Г.А.Месяц огласил приветствия в адрес юбиляра Президента РФ Б.Н.Ельцина и Президента РАН Ю.С.Осипова и

зачитал Указ о награждении С.Л.Тихвинского "Орденом почета". Г.Б.Карасин огласил приветствие юбиляру Министра иностранных дел РФ Е.М.Примакова. Председательствовавший на заседании директор ИДВ РАН, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко приветствовал юбиляра от имени сотрудников института и зачитал поступившие в адрес С.Л.Тихвинского многочисленные поздравления от научных и вузовских центров и ученых России и многих зарубежных стран, в том числе КНР, Японии, Франции и др.

Академик С.Л.Тихвинский - признанный патриарх отечественного китаеведения, один из лидеров школы российских востоковедов. За 60 лет научной деятельности им опубликовано свыше 500 научных работ. Он имеет ранг чрезвычайного и полномочного посла, удостоен многих высших наград нашей страны. Его деятельность на протяжении многих десятилетий была и остается примером сочетания науки и практики, активного служения Отечеству.

С.Л.Тихвинский родился в Петрограде в семье военного врача. Там же в родном городе он учился сначала в Ленинградском институте истории филологии и лингвистики, а затем в Ленинградском университете. Его учителями были такие выдающиеся представители отечественной востоковедческой науки как академики И.Ю.Крачковский, В.М.Алексеев, В.В.Струве и другие. Они помогли развиться его исследовательскому таланту, привили ему глубокий интерес и любовь к избранной специальности. В дальнейшем это позволило С.Л.Тихвинскому обеспечить в своих трудах преемственность демократических традиций отечественного востоковедения, особенно китаеведения, и благодаря широте охвата предмета изучения и глубине научного анализа развить и обогатить отечественное востоковедение.

Благодаря рано выявившимся глубоким знаниям китайского языка и проблем Китая С.Л.Тихвинский с последнего курса Ленинградского университета был направлен на работу в Наркомат иностранных дел СССР. Затем одновременно с напряженной дипломатической работой он завершил экстерном обучение в Московском Института востоковедения. В 40-е и 50-е годы, оставаясь на дипломатической работе, он начал и успешно продолжал научные исследования. В 1945 г. он защищает кандидатскую диссертацию о внешнеполитических взглядах и практике Сунь Ятсена, а в 1953 г. - докторскую диссертацию о деятельности китайского реформатора Кан Ювэя. С тех пор проблематика реформ и революции в Китае становится одной из ведущих в его исследованиях.

С 1939 г. начинаются продолжающиеся всю его жизнь постоянные контакты с Китаем, изучение этой страны и популяризация знаний о ней в своем Отечестве. Время работы С.Л.Тихвинского в Китае совпало с годами тяжелых испытаний китайского народа: освободительная война против японских милитаристов, затем гражданская война в стране. Сергей Леонидович, работая в Посольстве СССР в Китае в г.Чунцине, потом в Генконсульстве СССР в Бэйпине (Пекине), неоднократно выезжал и в другие города, охваченные войной. Он был непосредственным свидетелем и участником событий, развернувшихся тогда в Китае. Накануне образования КНР С.Л.Тихвинский был генеральным консулом СССР в Пекине и вместе со своими коллегами сыграл значительную роль в налаживании контактов между наступавшими войсками Народно-освободительной армии КПК и войсками гоминьдановского генерала Фу Цзои, что содействовало мирному освобождению древней столицы Китая. В октябре 1949 г. именно С.Л.Тихвинский был тем советским дипломатом, который от имени правительства СССР осуществил акт признания Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений с ней.

Талант ученого и дипломата, глубокие знания стран Востока, их культуры и традиций предопределили роль, которую сыграл С.Л.Тихвинский в середине

50-х годов и в установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией. Он был первым представителем СССР в послевоенной Японии.

Все это время С.Л.Тихвинский не прекращал активную научную деятельность, поэтому так естественен был его переход в Академию наук, где в 1960 г. он возглавил Институт китаеведения. Будучи директором Института, он мобилизовал молодых ученых на комплексную разработку проблем Китая, в том числе его истории в новое время. К сожалению, эту работу не удалось завершить в Институте китаеведения, поскольку субъективистский подход к Китаю со стороны тогдашнего руководства Советского Союза привел к закрытию Института. Работа, начатая в стенах института группой ученых во главе с С.Л.Тихвинским над монографией "Новая история Китая", была завершена в 1970 г. Книга, вышедшая в свет в 1972 г., получила высокую оценку научной общественности.

В начале 60-х годов сама жизнь потребовала возрождения отечественного китаеведения, развертывания фундаментальных и прикладных исследований. И вновь С.Л.Тихвинскому было поручено начать собирание сил отечественных китаеведов, которое выразилось затем в создании в рамках Академии наук СССР Института Дальнего Востока, призванного осуществлять комплексное изучение современного Китая и стран Восточной Азии.

В конце 50-х - начале 60-х гг. параллельно с работой над новой историей Китая С.Л.Тихвинский издает две монографии: "Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй" (М., 1959) и "Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (из истории национально-освободительной борьбы китайского народа в 1885-1925 гг.)" (М., 1964). В этих трудах, подготовленных на основе его кандидатской и докторской диссертаций с привлечением новых материалов, были очерчены исторические рамки поиска передовыми умами Китая путей к объединению, независимости, экономическому и культурному процветанию своей страны. В 60-е годы под его руководством выходит серия сборников статей, документов, переводов трудов выдающихся революционеров и реформаторов Китая конца XIX - начала XX вв. Среди них такие издания как "Синьхайская революция" (М., 1962), "Сунь Ятсен. Избранные произведения" (М., 1964; 2-е изд. в 1988 г.), сборник статей, воспоминаний и материалов "Сунь Ятсен. 1866-1966. К 100-летию со дня рождения" (М., 1966; 2-е изд. к 120-летию со дня рождения Сунь Ятсена. М., 1987), сборник статей "Маньчжурское владычество в Китае" (М., 1966), сборник документов и материалов "Синьхайская революция. 1911-1913" (М., 1966) и др. Важным этапом в изучении проблемы реформ и революций в Китае был выход монографии академика С.Л.Тихвинского "Завещание китайского революционера: Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов" (М., 1986), посвященной 120-летию со дня рождения Сунь Ятсена.

Будучи с 1963 г. членом комиссии по изданию дипломатических документов, а затем в 1975-1980 гг. начальником Историко-дипломатического управления МИД СССР, С.Л.Тихвинский подготовил к публикации и издал значительное число документов по истории внешней политики дореволюционной России и СССР. В эти же годы Сергей Леонидович собирает вокруг себя еще одну группу исследователей - учеников и коллег для комплексного изучения истории российско-китайских отношений на базе первоисточников, прежде всего архивных документов и материалов. Главная задача научного коллектива - выявление и публикация этих документов. Под его руководством Историко-дипломатическое управление совместно с Институтом Дальнего Востока начали вскоре издание многотомной документальной серии "Русско-китайские отношения в XVII-XIX веках. Документы и материалы". Сам Сергей Леонидович стал ответственным редактором всего издания. Эти сборники документов

получили известность как в нашей стране, так и за рубежом, некоторые из них переведены в КНР на китайский язык.

Вклад С.Л.Тихвинского в историческую науку был отмечен в 1968 г. избранием его членом-корреспондентом, а в 1981 г. действительным членом АН СССР.

Свой 70-летний юбилей академик С.Л.Тихвинский отметил изданием в 1988 г. фундаментального труда "Китай и всемирная история" (М., 1988); затем в 1992 г. вышла в свет книга его воспоминаний "Китай в моей жизни", которая сразу же была переведена на китайский язык и стала бестселлером.

Успешное начало политики реформ в Китае в 80-е гг., проблемы, которые Китай решал в ходе этих реформ привлекли пристальное внимание академика С.Л.Тихвинского. С позиций огромного жизненного опыта, подкрепленного достижениями современной исторической науки о Китае, он предпринимает успешную попытку теоретически осмыслить более чем 100-летний опыт поисков Китаем наиболее эффективных путей модернизации страны, укрепления ее самостоятельности и независимости.

Дальнейшим развитием научной концепции о роли реформ и революций в истории Китая, получившей отражение в исследованиях С.Л.Тихвинского о Кан Ювэе и Сунь Ятсене, явился новый фундаментальный труд, посвященный жизни и деятельности одного из крупнейших революционеров и реформаторов современного Китая, первого премьера и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая, с которым Сергей Леонидович был лично знаком. В 1996 г. вышла в свет его большая монография "Путь Китая к объединению и независимости, 1898-1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая". В этом труде проявились новые грани исследовательского таланта ученого: расширение рамок жанра исторической биографии. В его книге анализ исторических событий сочетается с увлекательным изложением политической биографии этого выдающегося деятеля современного Китая. В марте 1998г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения Чжоу Эньлая, академик С.Л.Тихвинский был почетным гостем и первым председателем международной научной конференции, посвященной Чжоу Эньлаю, состоявшейся в КНР в Тяньцзине, городе, с которым было связано начало революционной деятельности Чжоу Эньлая.

Круг научных интересов С.Л.Тихвинского в 80-90-е гг. не ограничивается лишь новой и новейшей историей Китая. Он рассматривает историю стран Востока в общемировом контексте, проводит серию крупных международных конференций, посвященных истории международных отношений на Дальнем Востоке, публикует основанные на изучении архивных документов статьи об отношениях СССР с послевоенной Японией, связях руководства КПК с СССР и США накануне образования КНР.

Обращается ученый и к отечественной истории. Его внимание привлекает роль нашей дипломатии в мировой политике особенно в наиболее ответственные периоды истории: Генуэзская конференция (1922), деятельность Наркомата иностранных дел и его зарубежных представительств в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и др. Дипломат старшего поколения, он с большим уважением относится к изданию мемуаров своих коллег, отмечая их выход доброжелательными и содержательными рецензиями. Сергей Леонидович и сам нередко обращается к этому жанру. Вслед за воспоминаниями о работе в Китае он выпустил в 1996 г. книгу воспоминаний о советско-японских отношениях "Россия-Япония: обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и записки историка", где подробно описывает ход дипломатических переговоров в Лондоне, а затем в Токио о восстановлении дипломатических отношений с послевоенной Японией, в которых автор принимал непосредственное участие.

Научная, дипломатическая и общественная деятельность С.Л.Тихвинского получает широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Он избран иностранным членом ряда зарубежных академий, в том числе

Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии (1955), Флорентийской Академии дель арте дель десиньо (1980). Будучи членом Исполнительного совета ЮНЕСКО (1968-1974), С.Л.Тихвинский много времени и сил посвятил организации спасения и реставрации уникальных памятников мировой культуры, таких, как Мохенджодаро (Пакистан), Боробудур (Индонезия), памятников Нубии (АРЕ). Эта деятельность С.Л.Тихвинского была отмечена памятной настольной медалью ЮНЕСКО.

Важное место в научной деятельности С.Л.Тихвинского занимает научно-организационная работа: с 1975 по 1982 г. он - заместитель академика-секретаря отделения истории АН СССР, в 1982-1988 гг. - академик-секретарь этого отделения и член Президиума Академии. В настоящее время он - советник Президиума РАН и член Бюро Отделения истории РАН, руководит Научным советом РАН "История международных отношений и внешней политики России"; с 1980 г. возглавляет Национальный комитет советских историков (ныне российских).

Много сил и внимания уделял Сергей Леонидович подготовке научных кадров: в течение нескольких лет он преподавал в МГИМО, где в 60-е и 70-е годы заведовал кафедрой, в 1980-1986 гг. - он ректор Дипломатической академии МИД СССР, читал курсы лекций в ИСАА при МГУ. Трудно подсчитать число диссертаций, выполненных под его научным руководством.

Будучи общепризнанным лидером отечественного Китаеведения, академик С.Л.Тихвинский с большим успехом на протяжении многих лет руководит семинаром Ассоциации Китаеведов РАН в Институте Дальнего Востока, на котором рассматриваются актуальные проблемы современного Китая, состояние современной мировой синологии.

Многие годы своей жизни С.Л.Тихвинский посвятил деятельности Общества советско-китайской и российско-китайской дружбы. Именно его высокий научный и общественный авторитет позволили обеспечить преемственный переход от Общества советско-китайской дружбы к Обществу российско-китайской дружбы, председателем которого вплоть до этого года он был. Ныне академик С.Л.Тихвинский избран Почетным председателем Общества российско-китайской дружбы.

Свое 80-летие Сергей Леонидович встречает за рабочим столом, полный творческих сил и планов. Он активно работает над очередными томами документов по истории русско-китайских и советско-китайских отношений, пишет статьи, доклады, рецензии. Многолетний привычный ритм напряженной научной работы не нарушается ни юбилеями, ни другими событиями.

С.Л.Тихвинского как подлинного российского интеллигента отличает высокое чувство гражданственности. На каком бы поприще он ни трудился, он всегда рассматривает свою деятельность как служение Отечеству, долгу и отдает этому служению свои силы, богатый опыт, энциклопедические знания.

Ученики, последователи, коллеги, друзья, коллектив Института Дальнего Востока Российской Академии наук, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" от всего сердца поздравляют дорогого Сергея Леонидовича Тихвинского с его славным юбилеем, желают ему и впредь на долгие годы крепкого здоровья, такой же бодрости, энергии, осуществления его научных замыслов, новых творческих успехов, добрых друзей, верных учеников.

"Вань ши жу и" - исполнение всех ваших желаний, дорогой Сергей Леонидович!

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.08.98 г. Подписано к печати 15.09.98 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.печл. 13,0. Усл. кр.-отт. 13,6 тыс. Уч.-издл. 14,6 Бум. л. 5,0
Тираж 1026 экз. Зак. 4366.

Оригинал-макет © 1998 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в типографии "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6.

ПОИСК

Еженедельная газета научного сообщества

Учредители:
Российская академия наук,
Министерство общего и профессионального образования РФ,
Министерство науки и технологий РФ,
издательство "Поиск"

10 лет мы с вами!

ПОИСК — единственное в России профессиональное издание для работников науки и высшей школы в 1999-м году отмечает свое 10-летие.

Нас давно и хорошо знают те, кому публикации в "Поиске" помогли получить материальную поддержку и возможность продолжать научные исследования, кто стремится реализовать свои идеи, найти или сменить работу.

Наши читатели преподают в российских университетах от Санкт-Петербурга до Владивостока; проводят научные исследования в учреждениях РАН, РАМН, других академий; работают в Государственных научных центрах, организациях, финансируемых министерствами науки и технологий, атомной энергии, экономики, обороны; являются сотрудниками исследовательских подразделений коммерческих компаний.

Всегда в "Поиске"

- ✓ самые свежие новости из научно-исследовательских институтов и вузов;
- ✓ самые актуальные проблемы научного сообщества;
- ✓ самые авторитетные мнения руководителей науки и специалистов;
- ✓ самые правдивые рассказы об ученых и научных коллективах.

Только в "Поиске"

- ✗ полные сведения о российских и международных фондах, поддерживающих исследовательские и образовательные проекты;
- ✗ условия различных конкурсов на получение грантов, стипендий и т.д.;
- ✗ рекомендации по оформлению заявок.

Эти публикации помогли десяткам тысяч ученых в их профессиональной деятельности. Они убеждены: без "Поиска" не обойтись.

Присоединяйтесь!

Подписка принимается во всех отделениях связи.

Подписные индексы:
годовой - 32638, полугодовой - 50095.

Адрес редакции:

Москва, Чистопрудный бульвар, 6
офис 106-107
Тел./Факс: (095) 924-1784
E-mail: poisk@mail.ras.ru

Корреспондентские пункты "Поиска" работают в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Киеве, Минске, Алма-Ате, Ташкенте, Кишиневе.